

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Государственное научное учреждение
«Институт истории НАН Беларуси»

Российский центр науки и культуры в Гомеле

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: СОБЫТИЯ И ЛЮДИ

Сборник научных статей

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2018

УДК 94(476)''1914–1917''

Первая мировая война: события и люди : сборник научных статей / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Ин-т истории НАН Беларуси, Рос. центр науки и культуры в Гомеле ; редкол. : С. А. Черепко (гл. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. – 106 с.

ISBN 978-985-577-442-7

Сборник содержит научные статьи, материалы которых отражают отдельные аспекты Первой мировой войны, включая боевые действия противоборствующих сторон на белорусской земле, место Беларуси в политике ведущих европейских государств, влияние войны на социально-культурные и государственно-политические процессы в Беларуси.

Адресован ученым, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Рекомендован к изданию научно-техническим советом учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

Редакционная коллегия:

С. А. Черепко (главный редактор),
В. А. Михедько (зам. главного редактора),
Г. Г. Лазько, Н. Н. Мезга, А. М. Кротов,
Е. Н. Дубровко, А. М. Бабков

Рецензенты:

кандидат исторических наук С. Ф. Веремеев;
кандидат исторических наук Д. М. Толочко;
кандидат исторических наук Л. В. Гавриловец

ISBN 978-985-577-442-7 © Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», 2018

Содержание

Предисловие	4
Бабков А. М. Беларусь в литовской политике Германии в 1916 году.....	5
Лазько Р. Р. На пакутнай дарозе знайшлі сваю нацыю... (Аб нацыянальным беларускім руху 1917–1920 гадоў).....	13
Пичуков В. П. Первая мировая война и немецкая община белорусского Восточного Полесья.....	35
Старовойтов М. И. Социально-экономическое положение населения белорусско-российского пограничья в 1914–1918 годах.....	42
Алексейченко Г. А. Муниципальная власть Гомеля в военные годы: хроника и анализ деятельности.....	54
Жихарев С. Б. Осовецкий крепостной район в условиях Первой мировой войны.....	59
Рожкова С. Н. Брестский мир в белорусской советской и постсоветской историографии.....	78
Мезга Н. Н. Советская и польская межвоенная историография о восстановлении независимости Польши в 1918 году.....	88
Дубровко Е. Н. Восточноевропейская политика Великобритании периода становления Версальско-Вашингтонской системы в современной российской историографии.....	94
Кротов А. М. Проблемы интродуцирования польских беженцев в белорусскую и великорусскую этническую среду в годы Первой мировой войны.....	101

Предисловие

Первая Мировая война навсегда останется одной из самых жестоких войн в истории человечества. Когда-то сбалансированный дипломатией механизм европейского равновесия оказался не в состоянии приспособиться к изменившимся условиям. Политики XIX века не смогли справиться с вызовами нового XX века и мир разделился на два враждебных друг другу лагеря — Тройственный союз и Антанту. Результатом этого стала война, проигравшими в которой фактически оказались все её участники. Десятки миллионов убитых и раненых, глубинные геополитические изменения — все эти факторы серьёзным образом изменили жизнь многих народов Европы. Коренные изменения произошли прежде всего в Восточной Европе, где с карты мира исчез ряд государств, игравших в довоенный период значимую роль в системе международных отношений. В полной мере это относится к Российской империи, которая в результате поражения погрузилась в омут революций, а затем братоубийственной гражданской войны.

Первая мировая война и её последствия особенно остро отразились и на судьбе белорусского народа. На протяжении пяти лет Беларусь являлась ареной боевых действий. Свенцянский прорыв, Нарочанская, Барановичская, Кревская операции красноречиво демонстрируют ту ожесточённость, с которой противоборствующие стороны пытались реализовать свои геополитические амбиции именно на территории Беларуси. Почти каждый десятый белорус был мобилизован в российскую армию, из которых на фронтах погибло более 70 тыс. человек. Тактика «выжженной земли» привели к массовому бегству, более полутора миллиона белорусов, прежде всего женщин детей и стариков, были вынуждены покинуть свою землю. Лишения военных лет привели к гибели 60 тыс. мирных жителей Беларуси. Исследование отдельных аспектов Первой Мировой войны имеет значительный потенциал и данный сборник статей является маленьким кирпичиком в обелиске памяти павшим в этой войне героям и обычным людям.

Черепко С.А.
канд. ист. наук, доцент
главный редактор

А. М. Бабков

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

БЕЛАРУСЬ В ЛИТОВСКОЙ ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНИИ В 1916 ГОДУ

В статье анализируются планы и политика Германии в отношении Беларуси в период войны. Основное внимание уделено освещению белорусской темы в литовской и тесно связанной с ней польской политике Германии, отражено место в ней исторической концепции литовско-белорусской государственности. Автор приходит к выводу, что с началом Первой мировой войны в военно-политических кругах Германии существенно возрос интерес к белорусским землям. В ходе войны планы германской политики в отношении Беларуси претерпевали изменения, хотя белорусские территории в Берлине рассматривались как часть Российской империи.

Весной 1916 года в политике Германии на первый план вышла концепция «Срединной Европы», которая получила новое развитие. Основной военно-политической целью Германии на востоке являлось отделение от Российской империи Польши, Литвы, Курляндии, Украины, западно-белорусских земель и включение их в состав «Срединной Европы» под германским контролем.

Важнейшая роль в германской «срединноевропейской политике» отводилась Польше. Во второй половине 1916 года политические круги Германии разыграли «польскую тему». 5 ноября 1916 года германский и австро-венгерский императоры объявили о создании Королевства Польского как «самостоятельного» государства с наследственной монархией и конституционным строем в союзе с центральными державами. Королевство Польское создавалось на землях, аннексированных Россией, а его окончательные границы предстояло определить в будущем. Неопределенность территории нового польского государства породила надежды поляков на присоединение белорусских и литовских земель, которые они рассматривали в качестве компенсации за приграничные территории, отошедшие к Германии.

Однако создание польского государства не только не сняло проблемы в отношениях Германии с поляками, а вызвало новые политические трудности. Недовольство поляков созданием

Королевства Польского в рамках бывшего Царства Польского привело к нарастанию польской экспансии в сторону белорусских и литовских земель. Вначале немецкие власти «подыгрывали» планам расширения Польши на восток и не препятствовали польской пропаганде присоединения белорусских и литовских земель к Польше, установлению унии с Литвой. 3 (16) августа 1916 года русский дипломатический представитель В. Сватковский доносил из Швейцарии, где действовала разветвленная сеть немецкой агентуры, что «в последнее время германские власти стали пропагандировать планы провозглашения под их протекторатом польского государства в унии с Литвой, которая была бы обновлением Люблинской... Что касается реакции литовцев, то они возмущены планом унии, придуманной для компенсации полякам за ограниченный размер создаваемой Польши» [1, л. 15].

Военное командование в свою очередь рассчитывало, что провозглашение Королевства Польского, связанного с Германией военной конвенцией, увеличит вербовку поляков в кайзеровскую армию. Этот фактор стал дополнительным мотивом в пользу лояльности военно-политических кругов к польским территориальным притязаниям на востоке. 23 ноября (6 декабря) 1916 года Поверенный в делах России в Берне Бибилов в секретной телеграмме выражал опасение, что «Германия ввиду встреченного даже в наиболее сговорчивых польских кругах сопротивления набору в армию поляков не остановится на полпути и сделает полякам ряд уступок, которые радикальные партии выставляют условием создания армии. Полякам обещают унию с Литвой и надежду на белорусские и малорусские земли, а также возможность присоединения Галиции» [2, л. 152].

Хорошо осведомленный в хитросплетениях германской восточной политики лидер польской национальной демократии Р. Дмовский отмечал, что главная сложность во взаимоотношениях между поляками и русскими заключалась в подходе к северо- и юго-западному краю. Для оказания давления на русских во время сепаратных мирных переговоров, чтобы «напугать русских» немцы «подняли польский вопрос в Литве». Именно такими политическими замыслами Р. Дмовский объяснял известное обращение после вступления немецких войск в Вильно начальника отдела войск графа Пфайля, в котором он назвал Вильно «жемчужиной славного Польского королевства». Р. Дмовский скептически оценивал это заявление немецкого генерала: «Можно подумать, что немцы хотят создать великую польскую державу с границами, далеко продвинутыми на восток. Последующая их политика показала, что

они совсем об этом не думали. Это был блеф, который должен был подтолкнуть всех поляков против России, сильно напугать российскую мысль и охладить ее пыл к войне с немцами» [3, с. 20].

Однако политики Германии осознавали, что разжигание польско-литовских противоречий, поддержка польских планов по восстановлению Речи Посполитой «таила в себе угрозу для Берлина и Вены, потому что, когда в порядок дня поляков становилось возрождение Речи Посполитой, то рано или поздно должен был возникнуть вопрос о судьбе польских территорий, захваченных во второй половине 18 века Пруссией и Австрией. Естественно это охлаждало интерес немцев к идее возрождения Великого княжества Литовского, с которым поляки надеялись заключить унию» [4, с. 4].

Провозглашение Королевства Польского порождало надежды у белорусских и литовских национальных политических деятелей, что литовцы и белорусы получают такое же право на самостоятельную государственность как и Польша. Сразу после опубликования польского манифеста белорусская газета «Гоман» писала: «Судьба нашего края еще не известна, но по акту 5 ноября 1916 года видно, что она изменится, и изменится не на новое порабощение, этот край будет жить свободной жизнью... В осознании своей национальной самобытности белорусский народ не может допустить, чтобы после освобождения от русского господства, его ожидало несравненно более тяжелое польское иго». Она выражала надежду, что «Манифест немецких государей обещает лучшее будущее белорусам, гражданам когда-то независимого Великого княжества Литовского» [5, л. 71–72].

В условиях жесткой немецкой оккупации и политической изоляции белорусские национальные деятели во главе с братьями И. И. и А. И. Луцкевичами, В. Ластовским могли рассчитывать на лояльное отношение только к тем проектам национально-политического развития, которые не противоречили германским планам в отношении Российской империи, вписывались в их геополитическую концепцию создания «Срединной Европы» и осуществлялись под прикрытием «освобождения нерусских народов от московитов». Осознавая аннексионистскую сущность германской восточной политики, направленную на отторжение национальных окраин Российской империи, оккупационную политику разжигания национальных распрей, они ориентировались на историческую концепцию государственности в форме возрождения Великого княжества Литовского. Проектируемая конфедерация ВКЛ первоначально вписывалась в германские планы создания «Срединной Европы», т. к. немецкие власти усматривали в

образовании ВКЛ фактор вытеснения из литовских и белорусских земель России и Польши. В 1916–1917 годах газета «Гоман» на своих страницах опубликовала ряд статей, чтобы убедить немцев в исторической преемственности государственности белорусов совместно с литовцами.

Пытаясь найти ответ на вопрос о месте белорусских земель в германских планах на сепаратных переговорах с Россией, А. И. Луцкевич исходил из того, что «речь может идти теперь только о Курляндии, Литве и части Беларуси, которые входят в состав управления Обер Ост». Он допускал различные варианты германской политики в отношении белорусских земель: «Или все пространство Германия хочет присоединить к себе, или только часть, например, Курляндию или Литву? Или этот край составит отдельную государственную организацию – возможно войдет в состав соседней Пруссии? Или, наконец, часть ее может быть возвращена России и на каких условиях?» [6, с. 136]. Он считал, что ответ на эти вопросы даст дальнейший ход войны. Первоначально немецкие оккупационные власти придерживались на оккупированной территории, в том числе и в отношении белорусов равного принципа, прежде всего в области языка, школы и культуры. «Позднее..., чтобы не раздражать поляков, с которыми приходилось считаться, они свое отношение к белорусам изменили на худшее» [7, с. 80].

В собственноручных показаниях А. И. Луцкевич 30 октября 1939 года в следственном изоляторе НКВД в Вильно следующим образом объяснил возникновение идеи возрождения ВКЛ: «Мы осознавали, что в случае победы Германии судьба нашего края предрешена; в лучшем случае он будет представлять одно мелкое государство, возглавляемое каким-нибудь немецким принцем в составе Германской империи. Но мы допускали другой исход войны (таким он оказался впоследствии на деле): Германия разобьет Россию, но западные государства в конце концов разобьют Германию... мы решили использовать все возможности, чтобы поставить мир перед лицом свершившегося факта восстановления Великого княжества Литовского так как оно существовало до соединения с Польшей... Казалось, что наша позиция считается немцами приемлемой» [8, с. 138].

Осмысливая замысел деятелей белорусского национального движения по возрождению государственности и перспектив ее развития, бывший сотрудник политического отдела Обер Оста Е. фон Энгельгардт впоследствии отмечал, что белорусские «политики хотели только конфедерации с Литвой, чтобы ко времени благоприятного политического положения Литвы в рамках германской восточной

политики использовать ее как трамплин для создания в будущем белорусского государственного образования» [9, с. 10].

Однако белорусские деятели не смогли убедить немцев в том, что они представляют собою значительную политическую силу. Слабость белорусского национального движения явилась важным, хотя не определяющим фактором игнорирования немцами концепции белорусского национального возрождения. Дальнейшее нарастание «великопольской» агитации в Обер Осте нарушало немецкие планы упрочения своего контроля в оккупационной зоне и стало рассматриваться в военно-политических кругах как угроза германским геополитическим интересам на востоке. К тому же не оправдались расчеты немцев на формирование польских легионов для пополнения кайзеровской армии. Особенно сильное недовольство этим выразил Э. Людендорф: «Своим отношением к формированию армии Польша ясно показала, что она стремится лишь к политической спекуляции на войне. Теперь мы должны думать исключительно о собственном будущем и об опасностях, которые могла создать для нас Польша» [10, с. 470].

Изменение в конце 1916 года курса в отношении Польши повлекло за собой выдвигание в германской восточной политике на первый план литовской политики, с которой немцы связывали белорусский вопрос. В феврале 1917 года в секретном обзоре сведений Осведомительного отдела МИД Российской империи указывалось также на тесную связь вопроса о будущем Литвы с польским вопросом, особенно по территориальным проблемам: «Вопрос о судьбе Польши и Литвы носит несколько иной характер, чем вопросы о будущем остальных занятых германцами земель. Они решили не ждать начала мирных переговоров, не ограничивались только теоретическими рассуждениями об их будущем, а приступили к устройству этих областей». Еще до издания манифеста об образовании Королевства Польского немецкие политики позаботились о том, чтобы «пруссские провинции, населенные поляками ни в коем случае не были отторгнуты от Пруссии... Большинство склонялось к тому, чтобы восстановить Польшу в пределах Русской Польши, на Белоруссию же и Литву смотрело как на колонизационные области для Германии. Лишь немногие стояли на позициях присоединения к Польше Литвы и особенно Белоруссии» [11, л. 4].

В политических и военных кругах Германии еще не была сформулирована концепция в отношении будущего устройства Литвы. Как сообщал из Швейцарии В. Сватковский, где находился один из центров литовской эмиграции, «судьба этнографической Литвы еще не решена». Поэтому «разброс» мнений по литовскому

вопросу был широкий: от пропагандируемого пангерманцами требования превращения Литвы в имперскую область, «рейхсланд» до плана образования Литовского королевства как «бундесштата» в составе Германской империи с одним из сыновей кайзера. Хотя план образования «королевства Литовского» в качестве формально независимого буферного государства поддерживался частью немецкой интеллигенции, по мнению В. Сватковского, «никаких серьезных шансов на осуществление он не имел, ибо германские руководящие сферы вообще ныне не сочувствуют идее независимых буферных государств» [12, л. 3].

По сообщениям русских дипломатических представителей в нейтральных странах, немецкие власти сразу после провозглашения Королевства Польского приступили к разработке плана создания литовского государства в тесной связи с Германией. Российский посланник в Швейцарии передавал в Петербург, что «после Польши на очереди отделение Литвы, которое приготавливается с лихорадочной поспешностью». А будущее Литвы тесно связывалось с Германией: «она войдет в качестве автономной государственной единицы в состав Германского союза». Немецкие военно-политические круги «намереваются создать литовское государство в более темном союзе с Германией по сравнению с Польшей». В отношении границ будущей Литвы «Германия желала бы включить кроме Ковенской, Виленской большую часть Сувалковской и Гродненскую губернии» [13, л. 471].

По сведениям зарубежных литовских деятелей в нейтральных странах, «германская оккупационная политика различает этнографическую русскую Литву от этнографической Польши, с одной стороны, и от Белорусского края, с другой». Российский Посланник В. Сватковский отмечал, что к Литве немцы относят не только Ковенскую, часть Виленской, а и всю Сувалковскую и часть Гродненской губернии с преимущественно католическим населением [14, с. 550].

В конце 1916 – начале 1917 годов в военно-политических кругах Германии Литва стала рассматриваться в качестве главного противовеса по ослаблению польского влияния в регионе. Э. Людендорф исходил из того, что «литовцы находились под такой же польской угрозой, как и мы в наших восточных пограничных провинциях, следовательно, являлись нашими естественными союзниками, которых мы должны были, безусловно, усилить и привлечь на свою сторону». Он отмечал, что «литовцы все резче, подчеркивая свои национальные чувства и стремления, вступили в борьбу с поляками». Однако по численности

литовцы значительно уступали полякам, поэтому «германское господство в восточной зоне оккупации должно было опираться на литовцев и белорусов» [10, с. 470–471].

Приоритетной в германской политике становилась поддержка литовского национального движения. Немецкие власти поддерживали среди литовских политиков иллюзию создания т. н. «Великой Литвы» в границах Обер Оста с включением в ее состав оккупированных западно-белорусских земель. Не заинтересованные в возникновении «исторической» Литвы, они ослабили свое внимание к белорусско-литовской концепции возрождения ВКЛ и отдали предпочтение концепции литовского национального государства, что осложнило отношения между деятелями белорусского и литовского национального движения. В январе 1917 года был разработан последний совместный проект белорусов и литовцев по возрождению бывшего ВКЛ. Пользуясь поддержкой немецких властей, литовцы начали осуществлять концепцию национальной государственности. В состав Литвы они добивались включить земли Виленщины, Гродненщины с преимущественно католическим населением, которое рассматривали как славянизированных литовцев. Исходя из таких критериев, предполагаемая граница Литвы должна была проходить вдоль озера Нарочь, восточнее Сморгони – Крева и значительно восточнее Ошмян и Лиды.

Аннексионистская политика кайзеровской Германии в отношении литовских, западно-белорусских и польских земель проявилась также в планах установления приграничной полосы. Большинство проектов военного командования Восточным фронтом предусматривало присоединение части или даже всей территории Обер Оста к Германии. С помощью расширения германской территории в северо-восточном направлении они планировали обеспечить стратегическую безопасность германских границ. По мере смещения германской границы на восток командование Восточным фронтом в декабре 1916 года сформулировало план «второй приграничной полосы», в дополнение к польской «полосе обеспечения». Она должна была пройти между усеченной Литвой и уменьшенной Польшей по линии Ломжа – Гродно и далее на юго-восток через Беловежскую пушу до Брест-Литовска, которому предназначалась судьба «прусского провинциального города». На захваченных у восточных границ Германии землях намечалось поселить немецких колонистов из Российской империи. С помощью «второй приграничной полосы» ставилась также задача «вбить клин

германской земли» для «отсечения Польши от основных славянских территорий» [15, с. 352].

Таким образом, с началом Первой мировой войны в военно-политических кругах Германии существенно возрос интерес к белорусским землям. В ходе войны планы германской политики в отношении Беларуси претерпевали изменения, хотя белорусские территории в Берлине рассматривались как часть Российской империи. Более глубоко курс Германии в отношении Беларуси прослеживается в ее польской и литовской политике.

Список источников и литературы

1. Архив внешней политики России (далее – АВПР). – Ф. Особый политический Отдел. – Оп. 474. – Д. 137.
2. АВПР. – Ф. Особый политический Отдел, 1916–1917 гг. – Оп. 474. – Д. 85.
3. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4 т. Т. 1. 1 жніўня 1914 г. – 18 сакавіка 1921 г., ч. 1. 1 жніўня 1914 г. – 31 сенжня 1919 г. / склад.: А.Ф. Вялікі [і інш.]; рэд. кал. : С.М. Мартынаў [і інш.]. – Мінск : Юніпак, 2008. – 539 с.
4. Гімжаускас, Э. Беларускі фактар пры фармаванні літоўскай дзяржавы / Э. Гімжаускас. – Беласток : Беларускае гістарычнае таварыства ; Вільня : Інстытут беларусістыкі, 2012. – 216 с.
5. АВПР. – Ф. Отдел Печати и Осведомления, 1916–1917 гг. – Оп. 478. – Д. 600.
6. Луцкевіч, Антон. Барацьба за вызваленне. – Антон Луцкевіч / Вільня : Інстытут беларусістыкі ; Беласток : Беларускае гістарычнае таварыства. – 2009. – 649 с.
7. Станкевіч, А. Да гісторыі беларускага палітычнага вызвалення / А. Станкевіч. – Вільня, 1935. – 128 с.
8. Собственноноручные показания А. И. Луцкевича 30 октября 1939 г. / Неман. – 1995. – № 1. – С. 128–166.
9. Engelhardt, E.v. Weißruthenien. Land und Volk / E.v. Engelhardt. – В., 1943.
10. Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне 1916–1818 гг. / Э. Людендорф. – М. : АСТ ; Мн. : Харвест, 2005. – 800 с.
11. АВПР. – Ф. Отдел Печати и Осведомления. – Оп. 478. – Д. 745.
12. АВПР. – Ф. Особый политический Отдел. – Оп. 474. – Д. 137.
13. АВПР. – Ф. Канцелярия, 1916. – Оп. 470. – Д. 66. – Т. II.
14. Бабков, А. М. Беларусь в польской политике Германии (1915–1916 гг.) / А. М. Бабков // Беларусь у гады Першай сусветнай вайны:

Смаргоншчына: трагедыя, гераізм, памяць : матэр. міжнар. навук.-практыч. канф. (Смаргонь, 18–19 мая 2007 г.) / навук. рэд. А. М. Літвін, У. В. Ляхоўскі ; рэдкал. : М. У. Мясніковіч [і інш.]. – Мінск : Чатыры чвэрці, 2009. – С. 544–557.

15. Фишер, Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / Ф. Фишер. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 677 с.

УДК 94(476):327.8”1917/1920”

Р. Р. Лазько

ГДУ ім. Ф. Скарыны, г. Гомель

**НА ПАКУТНАЙ ДАРОЗЕ ЗНАЙШЛІ СВАЮ НАЦЫЮ...
(АБ НАЦЫЯНАЛЬНЫМ БЕЛАРУСКІМ РУХУ
1917–1920 ГАДОЎ)**

Першая сусветная вайна разглядаецца ў артыкуле як “аптымiстычная трагедыя” беларускага народа. На пакутных дарогах гэтай вайны беларусы здолелі “знайсці сябе” як нацыю, а разам з гэтым прымусілі лічыцца з сабой новых прэтэндэнтаў на ролю гаспадароў беларускага краю – Польшчу і Савецкую Расію. Аднак сіл для таго, каб стварыць поўнаўвартасную дзяржаву у іх не хапіла.

1. Чым дапаможа сінэргетыка?

Беларускія даследчыкі, ацэньваючы ўзровень развіцця беларускага руху пачатку ХХ стагоддзя, дружна адзначаюць яго слабасць у параўнанні з рухамі суседніх народаў, хоць адначасова і ўказваюць, – праўда, ужо не настолькі аднагалосна – на яго паскарэнне ў гады Першай сусветнай вайны. Ужо не адзінкавымі з’яўляюцца спробы яго стадыяльнай класіфікацыі, але ў гэтай вобласці назіраецца выразнае разыходжанне поглядаў: адны даследчыкі, сярод іх і такі аўтарытэтны, як прафесар Мечыслаў Грох, адносяць яго да фазы нацыянальнай агітацыі (“фаза В”), іншыя (Сяргей Токць, напрыклад), лічаць, што ён у 1917 г. знаходзіўся паміж фазай В і наступнай – фазай масавай палітычнай мабілізацыі (фаза С), а затым нават, у выглядзе беларусізацыі ў БССР, пераскочыў у фазу D (напамінаем, гісторыкі лічаць, што гэтую фазу складае рэальная нацыянальная дзяржава). Хоць нам бліжэйшай уяўляецца другая ацэнка (назавем яе аптымiстычнай), але з другой яе

часткай, наконт “пераскоквання” у фазу D, немагчыма пагадзіцца. Бо калі так, калі сапраўды ў 1920-я гады існавала беларуская дзяржава, якая працягвала працэс нацыятварэння, то куды яна падзелася ў наступным дзесяцігоддзі? Нельга ж аспрэчваць той факт, што беларусізацыю, а праз некалькі год знішчэнне беларускіх нацыянальных эліт, праводзіла адна і тая ж дзяржава. Дык якая ж тут фаза D?

Але першая канцэпцыя (умоўна “песімістычная”) не меней заганная. Прыняўшы яе, немагчыма патлумачыць сапраўдны выбух актыўнасці беларускага руху пасля Лютаўскай рэвалюцыі ў Расіі, калі, развіваючы літаральна ўсе кампаненты беларускага нацыятварэння, нацыянальныя эліты ўзяліся таксама за стварэнне палітычных асноў беларускай дзяржаўнасці. На гэтую справу яны атрымалі мандат масавага народнага прадстаўніцтва – снежаньскага Усебеларускага з’езда. Дык якая гэта была фаза ў беларускім руху? Рэальная гістарычная сітуацыя не ўпісваецца ў стаўшую папулярнай стадыяльную схему.

Каб наблізіцца да ісціны (наблізіцца, а не вычарпаць яе), неабходна шукаць дадатковы інструментарый. На нашу думку, эфектыўным інструментам пры рашэнні гэтай задачы становяцца метады сінергетыкі, яе ідэя аб біфуркацыі – раздваенні, раздзяленні самаарганізуемай сістэмы, калі на змену эвалюцыйнаму яе развіццю прыходзіць час крызісу, які адкрывае магчымасць фарміравання новай рэальнасці. Рускі эміграцыйны фізік і філосаф Ілля Прыгожын істотна дапоўніў гэту ідэю тэзісам аб нестабільнасці як адной з фундаментальных уласцівасцей прыроды і праяўленні гэтай уласцівасці ў каскаднай біфуркацыі. Гаворка пра тое, што новыя макраструктуры ўзнікаюць, як правіла, у выніку, каскаду біфуркацый, а не аднаразовага акта [1, с. 46–62].

Погляд на падзеі расійскай і еўрапейскай гісторыі ў перыяд, пазначаны ў загаловку (1917 – 1920, пачатак 1921 г.), з сённяшняй стогадовай дыстанцыі не пакідае сумненняў у тым, што ўвесь гэты час уяўляе сабой хвалю ўздому беларускага этнасу і нацыянальнага руху ва ўмовах і пад уплывам біфуркацыі ўзаемазалежных сацыяльных сістэм розных узроўняў – міжнародных адносін, расійскай дзяржавы, і ўласна беларускага руху. У выніку “Вялікай вайны” увесь свет становіўся іншым. Але паколькі нас цікавіць менавіта беларускі нацыянальны рух, то мы і будзем разглядаць яго як падсістэму ў кантэксце крызісу (час кайрасу) і біфуркацыі сістэм больш высокага ўзроўню, перш за ўсё, расійскай дзяржаўнасці. Гэтаксама, як расійская дзяржава не магла выйсці з крызісу без страты асобных сваіх якасцей і адначасова – без новых набыткаў, так і

беларускі рух не мог выйсці з яго эвалюцыйна, толькі за кошт нарошчвання існаваўшых сваіх якасцей. Ён мог толькі *вырвацца* з прасторы—часу крызісу праз якасны скачок, становячыся іншым.

2. *Вайна. Бязладдзе. “Трэба ратавацца”*

Разгледзім цяпер асноўныя параметры крызісу расійскай дзяржавы, які найболей уплываў на фарміраванне новых якасцей беларускага этнасу, уключаючы і яго здольнасць да ўласнай дзяржаватворчасці. Да іх ліку неабходна аднесці страту дзяржаўнымі інстытутамі здольнасці падтрымліваць бяспеку, іншыя параметры жыццядзейнасці соцыума, іх дэмаралізуючы уплыў на грамадства, а з другога боку – набыццё беларускім этнасам новага вопыту, новых ведаў аб самім сабе і акружаючым яго свеце.

Асноўным зместам расійскай гісторыі перыяду сусветнай вайны быў разрыў рускага народа з інстытутам манархіі, а затым адкідванне ім рэспубліканскай формы дзяржаўнасці і выбар у выніку крывавай грамадзянскай вайны жорсткай леварадыкальнай дыктатуры – бальшавіцкай. Такім чынам, народ атрымаў “найбольш нацыянальны рускі ўрад”, – як пісаў умераны рускі кансерватар У. А. Маклакоў, – урад, які адпавядаў народу тым, што “загадаў і даваў радасць паслушэнства”, але неразрыўна з гэтым ствараў і для народа магчымасць загадваць. У выніку “ранейшыя рабы адчулі сябе панамі...” [2, с. 27–28].

Пачаты ў гады сусветнай вайны кругабег палітычнага развіцця Расіі ад адной формы аўтарытарнасці да другой, праз этапы адкідвання дэмакратычнага рэспубліканскага ладу і грамадзянскай вайны, набіраючы сілу стыхіі, вырваўся за межы палітыкі, ахапіў усе сферы грамадскага жыцця і ўключыў працэс “разбягання” народаў Расіі ад цяжкага крызісу імперскага цэнтра. У канцы 1917 г. гэты многапланавы расійскі крызіс дасягнуў істотнага рубяжа ў сваім развіцці, аднаго з момантаў біфуркацыі, выявіўшы варыянтнасць, альтэрнатыўнасць яго пераадолення на тэрыторыі карэннай Расіі і на яе нацыянальных ускраінах. Следам за акупаванымі Германіяй тэрыторыямі Польшчы, Прыбалтыкі пазарасійскія мадэлі пераадолення крызісу склаліся і ў іншых нацыянальных раёнах у выглядзе праграм выхаду гэтых раёнаў са складу Расіі. Калі прасачыць уплыў расійскага крызісу на Беларусь, то прыйдзем да сцвярджэння, што менавіта ў гэтым годзе ўпершыню за многія гады гістарычны працэс накрэсліў перад беларускім народам асобны ад расійскага варыянт гістарычнага развіцця. Узнікшая сітуацыя ўжо вызначана беларускім гісторыкам як “час выбару” [3], і да гэтай слушнай ацэнкі застаецца толькі дадаць, што *працэс гістарычнага*

выбару беларусаў набыў хвалепадобны, ці, як адзначалася вышэй, каскадны характар, і зацягнуўся на некалькі год. Менавіта фарміраванне для беларускага народа сітуацыі *гістарычнага выбару* дазваляе ацаніць яе ў парадаксальнай формуле: гэта была *аптымістычная трагедыя*. У ходзе яе ўзнікла не толькі неабходнасць, але і прынцыповая ажыццявімасць для беларускага народа гістарычнага рыўка ад стану “рэчы ў сабе” да стану гаспадара свайго краю і свайго лёсу ў ім.

Менавіта дзеля таго, перш за ўсё, каб зразумець неабходнасць і адначасова прынцыповую магчымасць такога рыўка, беларускім гісторыкам неабходна з максімальнай паўнатой прасачыць уздзеянне на Беларусь расійскага крызісу 1914–1918 і некалькіх наступных гадоў як сістэмнага складанага фактару фарміравання новых якасцей беларускага народа, уключаючы і яго здольнасць да ўласнай дзяржаватворчасці.

Рашэнне гэтай прафесіянальнай задачы абумоўлена неабходнасцю пераадолення беларускімі гісторыкамі ментальных *табу*, якія фарміраваліся на працягу дзесяцігоддзяў, і выключалі для даследчыкаў самую магчымасць пастаноўкі пытання аб несупадзенні інтарэсаў у Першай сусветнай вайне дзяржаўнага рускага народа і інтарэсаў іншых народаў імперыі, уключаючы ўсходнеславянскія. Аднак гэтаксама, як вопыт сусветнай вайны за некалькі год разбіў ідэалагему аб трыадзіным рускім народзе ў свядомасці беларусаў, так добрасумленнае і ўсебаковае даследаванне гэтага вопыту разбівае звязаныя з вайной стэрэатыпы, уключаючы і стэрэатып аб яе гераічным характары для рускага народа і супадзенні яго інтарэсаў у гэтай вайне з інтарэсамі іншых усходнеславянскіх народаў. З улікам існуючай у беларускай гістарыяграфіі сітуацыі важна якраз тое, што пераадоленню такіх табу і стэрэатыпаў спрыяюць дасягненні расійскай гістарычнай навукі апошніх гадоў, забяспечаныя не ў апошнюю чаргу на аснове антрапалагічнага падыходу да вывучэння Першай сусветнай вайны і ўвядзення ва ўжытак новых крыніц, у прыватнасці салдацкіх лістоў з фронту і іншых.

Беларусь як Паўночна-Заходні край Расійскай імперыі была такім яе геапалітычным рэгіёнам, дзе крызіс расійскай дзяржаўнасці ў гады вайны праявіўся найбольш глыбока і ўсёабдымна, ахапіўшы ўсе сферы дзяржаўнага і сацыяльнага жыцця, паставіўшы на мяжу нацыянальнай катастрофы гістарычнага гаспадара гэтага краю – беларускі народ. Такія маштабы расійскага крызісу на беларускай зямлі былі абумоўлены, па-першае, тым, што Беларусь на некалькі год (з восені 1915 да канца 1917 г.) пераўтварылася ў эпіцэнтр

крывавай барацьбы Расійскай дзяржавы з яе наймацнейшым сапернікам – Германіяй, і ў гэтай якасці мусіла несці ўсе ахвяры гэтай барацьбы, значна пераўзыходзіўшыя ахвяры, выпайшыя на долю іншых рэгіёнаў імперыі. Па-другое, маштабы крызісу ў Паўночна-Заходнім краі вызначаліся неадпаведнасцю традыцыйна-імперскага ідэалагічнага абгрунтавання мэтай вайны (“за Веру, Царя і Отечество”) нацыянальным, рэлігійным і сацыяльным рэаліям поліэтнічнага, шматканфесійнага, калісьці *забранага* той жа Расіяй краю. Па гэтых прычынах няздольнасць Расійскай дзяржавы даць эфектыўныя адказы на выклікі, пастаўленыя першай ў гісторыі свету татальнай вайной [4], тут, на беларускай зямлі, выявілася з надзвычайнай сілай. Як татальная вайна, першая сусветная стала вайной узброеных *нацый*, хоць апошні тэрмін, як убачым далей, мала адпавядаў узроўню кансалідацыі рускага народа. Аднак несумненна тое, што за час знаходжання Беларусі ў складзе Расійскай імперыі ўпершыню на яе тэрыторыі ў амаль што двухмільённай масе рускага войска, няспынна і па розных каналах звязанага з глыбокім тылам, быў прадстаўлены сам рускі народ з дасягнутым ім да таго часу ўзроўнем матэрыяльнай і духоўнай культуры. Ментальна-псіхічныя якасці пасланага на вайну рускага народа сталі не меней важным складнікам, чым матэрыяльныя, няздольнасці Расіі супрацьстаяць яе моцным заходнім праціўнікам і абумовілі яе паражэнне не толькі як дзяржавы, але і як пэўнага тыпу цывілізацыі. А гэтая няздольнасць, у сваю чаргу, стала важным фактарам паскарэння цэнтрабежных тэндэнцый у шматнацыянальнай Расійскай імперыі і пачатку яе распаду па нацыянальных межах.

У якасці аднаго з першых накірункаў уздзеяння расійскага крызісу на Беларусь склалася ўсведамленне яе насельніцтвам неэфектыўнасці расійскага войска як абаронцы краіны і ашаламленне, выкліканае прымяненнем ім негуманых спосабаў барацьбы з праціўнікам, спосабаў жорсткіх і разбураючых матэрыяльных асновы існавання карэннага народа. Як вядома, к зыходу першага года вайны рускія войскі на беларуска-польскім накірунку саступілі праціўніку вялізную тэрыторыю “Царства Польскага”, адышлі на тэрыторыю Беларусі, дзе пасля ліквідацыі Свянцянскага прарыву германцаў фронт стабілізаваўся на доўгія два з паловай гады. Толькі ў летнюю кампанію 1915 г. было страчана забітымі і параненымі 1 410 000 чалавек – у сярэднім па 235 тыс. чалавек за месяц. Палоннымі ў тую ж кампанію расійская армія страціла амаль 1 млн. чалавек, у сярэднім па 160 тыс. чалавек за месяц. У 1916 г. страты таксама былі вялікімі: за год яны перавысілі 2 млн. чалавек забітымі і параненымі і 344 тыс.

палоннымі [5, с. 307, 330; 6, с. 474–484]. Але і самі гэтыя страты, будучы адной з прычын крызісу людскіх рэсурсаў, адначасова з’яўляліся вынікам адсталасці Расіі, якая выяўлялася ў недастатковым узроўні матэрыяльнага забеспячэння войск, у вялізным бюракратычным наросте на дзеючай арміі і ў незадавальняючай эфектыўнасці кіравання войскамі. Гэтыя прычыны няўдач расійскага войска, якія прывялі вайну на тэрыторыю Беларусі, не былі сакрэтам і для беларускіх сялян: “Няўжо ж нашы не здержаць яго (немцаў – Р. Л.). Столькі ж народу пабралі са ўсёй Расіі, – запісваў адзін з назіральнікаў у Ігуменскім павеце. – Але ж снарадаў няма, кажуць, і начальства ўзяткі бярэ і прадае крэпасці і планы. У нас заўсягды так, – гаварылі сяляне. – Таперача снарадаў няма; а што рабіла начальства да вайны і ў час вайны – ганяла налогі, акцызы, толькі глядзела, як бы гэта апошнюю капейку з мужыкоў здерці” [7, с. 824].

“Пабралі з усёй Расіі” за гады вайны, акрамя кадравай арміі, якая складала 1,4 млн. чалавек, 5,6 млн. падрыхтаванага рэзерву і 10,6 млн. прызыўнікоў іншых разрадаў, якімі папаўнялі панесеныя страты [6, с. 481–482]. Папаўненні, аднак, не прывялі да павышэння баяздольнасці войск. Наадварот. Пасля стабілізацыі фронту на тэрыторыі Беларусі дрэнна забяспечаныя і неадпаведна падрыхтаваныя рускія войскі не здабылі тут ні адной перамогі, усе праведзеныя імі наступальныя аперацыі заканчваліся паражэннямі з вялікімі матэрыяльнымі і людскімі стратамі. Да лета 1917 г. руская армія наогул страціла здольнасць ваяваць, аб чым сведчаць ход і вынікі апошняй яе наступальнай аперацыі. Нягледзячы на забяспечаную пры яе падрыхтоўцы значную перавагу рускіх войск, наступленне скончылася цяжкім іх паражэннем, і яно было прадвызначана яшчэ да пачатку аперацыі. Аб гэтым гавораць шматлікія факты адмовы часцей займаць зыходныя пазіцыі і адсутнасць хоць якога-небудзь імкнення развіць першапачатковы поспех з боку тых часцей, якія ўсё ж такі пайшлі ў наступленне. Некаторыя з іх адразу ж вярталіся да сваіх акопаў, як толькі сутыкаліся з праціўнікам [8, с. 79, 80].

Правал летняга наступлення 1917 г. войск Заходняга фронту дазваляе ўбачыць іншую прычыну паражэнняў Расіі на тэрыторыі Беларусі і ў вайне наогул, больш важную, чым яе матэрыяльна-тэхнічная адсталасць. Неабходна згадзіцца з тымі расійскімі ваеннымі спецыялістамі, удзельнікамі Першай сусветнай вайны, якія бачаць такую прычыну ў *этнічнай неразвітасці рускага народа*, які заставаўся патрыярхальным этнасам з уласцівымі для гэтай стадыі этнічнага развіцця якасцямі. Карэннае рускае насельніцтва, пісаў

пасля вайны былы генерал-кватэрмайстар Рускай арміі Ю. Н. Данілаў, “галоўнай сваёй масай жыло ў цемнаце і непісьменнасці. Гэта насельніцтва было раскідана па вёсках, раз’яднанае паміж сабою вялізнымі адлегласцямі, дрэннымі камунікацыямі і пагружана з галавой у сваё цяжкае непрыгляднае гаспадарчае жыццё” [9, с. 29]. Такі стан матэрыяльнага існавання не спрыяў фарміраванню ў масе народа нацыянальнай свядомасці і засваенню нацыянальных інтарэсаў, а на гэтай аснове – агульнарасійскага патрыятызму. Шмат камандзіраў паведамлялі камандаванню аб адсутнасці гэтых якасцей у рускіх салдат. Удзельнік вайны генерал Галавін цытуе шэраг такіх рапартаў: “Няма дысцыпліны, няма вывучкі, няма жадання працаваць як усведамлення абавязку, любові да радзімы, няма асноўных паняццяў аб свабодах. Поўная самаволя ў выкананні загадаў. Адна думка – хутчэй бы мір. А як сродак – нічога не рабіць...”, – паведамляў камандзір 5-й стралковай дывізіі генерал Лебедзеў. “Некультурныя масы, пазбаўленыя здаровага пачуцця патрыятызму і нацыянальнага адзінства, не ўсведамляюць задач і мэтай вайны...”, – пісаў памочнік начальніка штаба Вярхоўнага галоўнакамандуючага палкоўнік Новікаў [5, с. 241, 242].

Такім чынам, перайшоўшае восенню 1915 г. да пазіцыйнай вайны расійскае войска было часткай народа, які не выпрацаваў пачуццяў нацыянальнага адзінства і супольнай адказнасці за лёс радзімы. Больш чым двухгадовае стаянне на беларускай зямлі гэтага войска выявіла таксама іншыя негатыўныя якасці рускага этнаса, набытыя ў ходзе гістарычнага развіцця (пры тым, што мясцовым насельніцтвам заўважаліся і станоўчыя якасці [10], але яны, аднак, ва ўмовах ваеннай трагедыі не пераважвалі адмоўных). Пацвярджалася характарыстыка, дадзеная народу яго інтэлектуаламі, адпаведна якой рускі народ нават не асвоіў тэрыторыю сваёй дзяржавы, а на абжытай зямлі не цікавіўся “сярэдняй вобласцю культуры” [11, с. 331] – культуры штодзённасці, быту, міжлюдскіх адносін. Ён засвоіў нізкі ўзровень працоўнай культуры, няўменне шанаваць сваю і чужую працу, звычку жыць адным днём. Частка гэтага народа, апранутая ў салдацкія шынялі, не магла бараніць і берагчы чужую для яго зямлю, якой была беларуская.

Насуперак існуючаму ў гістарычнай літаратуры стэрэатыпу, у першыя гады вайны не з бальшавікамі ішло на фронт бязладдзе, анархія – ім дарогу на фронт адкрыла толькі дэмакратычная Лютаўская рэвалюцыя – а з маршавымі ротамі, у якіх з тылу дастаўлялася ў дзеючую армію спешна падрыхтаванае, дрэнна абучанае і не жадаўшае ваяваць папаўненне. Усе крыніцы менавіта гэтую прычыну паказваюць

як першую сярод вытокаў бязладдзя і дэмаралізацыі рускага войска [5, с. 344; 6, с. 201, 209, 225]. Іншымі носьбітамі разладу і дэмаралізацыі ў дзеючай арміі былі салдаты, якія вярнуліся з водпускаў [12, с. 74]. І тыя, і другія рабіліся расаднікамі антываенных і нават паражэнчых настрояў у войску. Ужо пасля першых няўдач на фронце ваенныя ўлады адзначалі пашырэнне такіх настрояў: “Хутчэй бы немцы ўзялі Петраград...”; “няхай Германія пераможа, за тым царом будзе лепей жыць” [13, с. 141], і г. д. Характэрна, што іх выяўлялі тыя ж самыя салдаты-сяляне, якія падчас мабілізацыі летам 1914 г. спявалі прыпеўкі: “Мы спачатку возьмём Краков, а потым ужо Берлін...” І тлумчылі, для чаго: “Налогом обведём” [14, с. 113]. У святле гэтых фактаў лёгка зразумець, што Беларусь (Паўночна-Заходні край імперыі) была чужая для рускіх салдат, яна была краем, за які няварта было цягнуць пакуты і рызыкаваць жыццём. “Мы вяцкія, тульскія, пермскія, да нас немец не дойдзе”, [5, с. 293] – так салдаты з карэннай Расіі выражалі сваё стаўленне да вайны, стаўшай для іх неспадзявана цяжкай і бессэнсоўнай.

Нежаданне ваяваць пасля летніх няўдач 1915 г. вылілася ў масавае дэзерцірства салдат з фронту, набыўшае найбольшы размах у раёнах Паўночнага і Заходняга франтоў. Па Дзвінскай ваеннай акрузе ўжо ў канцы 1915 г. штотыдзень затрымлівалася ў сярэднім 462 дэзерціры, праз год – 1479, і далей захоўвалася тэндэнцыя росту іх колькасці [12, с. 80]. Няўхільна адбывалася крыміналізацыя гэтай масы. Такім чынам, не здолеўшы абараніць тэрыторыю Беларусі і яе насельніцтва ад знешняга ворага, салдаты самі стваралі небяспеку для гэтага краю. Аднак эвалюцыя расійскага войска ў гэтым накірунку пачалася раней і мела не стыхійны характар. Яна пачалася з пераходу Вярхоўнага галоўнакамандавання да выкарыстання тактыкі “выпаленай зямлі” пры адступленні з Польшчы і Заходняй Беларусі летам 1915 г. Насельніцтва гэтых тэрыторый, дзе добраахвотна, хоць і пад уплывам антыгерманскай прапаганды, а дзе і гвалтам высялялася ваеннымі і грамадзянскімі ўладамі, яго маёмасць і пасевы знішчаліся, коні і буйная рагатая жывёла, транспартныя сродкі рэквізаваліся, іншыя матэрыяльныя каштоўнасці знішчаліся або вывозіліся ў тыл [15, с. 95–96]. Гэта арганізаванае зверху вынішчэнне плёну працы многіх пакаленняў спрыяла пашырэнню стыхійнага рабаўніцтва мясцовага насельніцтва адыходзіўшымі на ўсход расійскімі вайскоўцамі. З мноства сведчанняў на гэты конт выберам назіранні ваеннага ўрача Л. Вайталоўскага, які ў верасні 1915 г. запісаў: ”П’яныя палкі і дывізіі пераўтвараюцца ў банды марадзёраў і на ўсім сваім шляху ўчыняюць рабункі і пагромы.” Пры гэтым казакі, здаўна прывыкшыя глядзець на вайну як на сродак здабычы, вылучаліся

найбольшай жорсткасцю. “Асабліва шалеюць казакі, – працягваў той жа аўтар. – Не шкадуючы ні полу, ні ўзросту, яны абдзіраюць да ніткі ўсе вёскі і пераўтвараюць у разваліны яўрэйскія мястэчкі” [16, с. 35].

Але гэта быў толькі пачатак. Да восені 1917 г. войскі 1,5-мільённага расійскага Заходняга фронту пераўтварыліся ва ўзброеную масу рабаўнікоў, якая займалася пагромамі цывільнага насельніцтва, не спыняючыся перад забойствамі людзей, незалежна ад іх полу і ўзросту. “Ідзе пагалоўнае рабаўніцтва сялян на фронце”; “выразаюць сялянскія сем’і”, – з трывогай адзначалі дэлегаты Усебеларускага з’езда [17, с. 68]. Усведамленне гэтай з’явы як паўсядзённай і тыповай для расійскага войска на працягу апошніх месяцаў яго знаходжання на беларускай зямлі адкрывае настолькі жудасную старонку Першай сусветнай вайны, што беларускія гісторыкі не адважваюцца пісаць аб ёй і сёння. Але гаварыць і пісаць неабходна, як ні шаблонна гэта гучыць, дзеля пазнання гістарычнай праўды – не толькі праўды аб самой “вялікай” вайне, але і аб умовах фарміравання звязанага з ёю нацыянальнага руху і беларускай дзяржаўнасці.

3. Бежанцы: “знайшлі сваю нацыю”

Часткай гэтай трагічнай праўды з’яўляецца праўда аб бежанстве – з’яве Першай сусветнай вайны, якая хоць і вывучаецца беларускімі і расійскімі гісторыкамі [18], але ўсе грані якой яшчэ не выяўлены, а маштабы недастаткова ўсвядомлены. Відавочна, што бежанства не ўзнікла стыхійна. Яно была вынікам адпаведнай палітыкі расійскіх уладаў [19], якія на пачатку вайны прапагандысцкімі сродкамі сфарміравалі ў насельніцтва ірацыянальны, выклікаўшы панічны страх вобраз наступаўшых немцаў, а затым перайшлі да гвалтоўнага высялення людзей з роднай зямлі на ўсход. Гэты шлях быў пазначаны мноствам магіл пахаваных на скорую руку дзяцей і старых. Разам з тым, асудзіўшы вялізныя масы беларусаў на фізічныя і маральныя пакуты, пераўтварыўшы для іх смерць у будзённую з’яву [20, с. 240 – 241], трагедыя бежанства дала ім новы і важны вопыт, расшырыла іх кругагляд, паскорыла фарміраванне нацыянальнай свядомасці. “Вопыт бежанства стаў для беларусаў адным з самых значных за ўсю іх гісторыю, поўным найцяжэйшых выпрабаванняў, страт і, як вынік, пачаткам каласальнага, амаль што выбуховага, масавага этнасацыяльнага прасвятлення...” [21, с. 1]. Апынуўшыся сярод рускіх людзей, многія тысячы беларусаў усвядомілі сваю іншасць – “знайшлі сваю нацыю” [22, с. 217], як вызначыў гэты працэс Мікалай Улашчык. Прычым, на гэтую іншасць указала ім мясцовае насельніцтва, не прызнаўшае ў беларусах рускіх – ні па мове, ні па звычаях, ні па вопратцы.

Але сапраўдныя праблемы пачаліся пазней, пасля першых цёплых хвілін сустрэчы бежанцаў, калі выяснілася, што іх з’яўленне ў глыбіннай Расіі абвастрае цяжкасці з забеспячэннем мясцовага насельніцтва хлебам, жыллём, працай, і што яны нават разлічваюць на кавалак зямлі для ўтрымання сваіх сем’яў. Рускія сяляне і рабочыя, нярэдка пры падтрымцы мясцовай улады, пачалі выцясняць канкурэнтаў усімі спосабамі, даходзячы да разбурэння печаў і выдзірання вокан у іх жыллі [23, с. 110; 24, с. 79]. Расійскія даследчыкі бежанскай праблемы паказалі, што такая драматычная сітуацыя склалася задоўга да прыходу бальшавікоў да ўлады [25], з палітыкай якіх звязвалі пагаршэнне становішча бежанцаў асобныя беларускія гісторыкі. Па ацэнцы “Дзянніцы”, органа Белнацкама, гэтая сітуацыя прымушала бежанцаў-беларусаў дамагацца вяртання на радзіму, пад уладу нямецкага шуцмана, каб толькі не існаваць далей у такіх невыносных умовах [26]. На сваю спустошаную вайной радзіму яны вярталіся ўжо іншымі людзьмі, ясна ўсвядоміўшымі, кім яны з’яўляюцца.

4. Усебеларускі з’езд: “Будаваць сваю хату”

Што датычыць тых беларускіх сялян, якія засталіся на неакупіраванай тэрыторыі Беларусі, то пасля Лютаўскай рэвалюцыі іх светапогляд і грамадскія паводзіны развіваліся больш складаным шляхам. На іх шлях да сваёй нацыі працягвалі ўплываць яшчэ даваенныя спадзяванні атрымаць зямлю за кошт “польскіх” памешчыкаў краю, хоць цяпер гэтыя спадзяванні звязваліся з абяцанымі Часовым урадам выбарамі ў Устаноўчы сход. Калі мы кінем погляд на паводзіны беларускага сялянства падчас выбараў у перадаваеныя расійскія Дзяржаўныя Думы, то заўважым, што гэтыя паводзіны былі матываваныя якраз спадзяваннямі сялян і іх прадстаўнікоў у II – IV Думах на правядзенне ўрадам аграрнай рэформы, у выніку якой яны б набылі зямлю ў прыватную ўласнасць [27, с. 284, 288]. А галоўным землеўласнікам у Беларусі, як вядома, быў польскі (ці спольшчаны) памешчык. Такім чынам, беларускія сяляне аб’ектыўна і суб’ектыўна – у прамовах сваіх дэпутатаў у Думе – выступалі як саюзнікі царызму ў барацьбе з польскім землеўладаннем, дазваляючы расійскім правам маніпуліраваць сабою. Па гэтай жа прычыне дэпутаты ад сялянскай курыі з беларуска-літоўскіх губерняў выступалі супраць увядзення шырокага мясцовага самакіравання (аўтаноміі). Яны баяліся, што памешчыкі, захапіўшы ў свае рукі самакіраванне краю, не дазволюць затым правесці ў жыццё аграрную рэформу ў інтарэсах сялянства. У гэтай сітуацыі беларускай адраджэнскай інтэлігенцыі яшчэ і пасля Лютаўскай рэвалюцыі цяжка было пераканаць сялян у неабходнасці

аўтаноміі для Беларусі, а расійскім чарнасоцэнцам, наадварот, лёгка было прадставіць адраджэнцаў у якасці інструмента “польскай інтрыгі” ў краі.

Аднак ужо ад пачатку вайны паводзіны “саюзніка” – царызму – у дачыненні да сацыяльнага антаганіста беларускіх сялян пачалі насцярожваць іх. Пад пагрозай страціць Польшчу тэрытарыяльна і ў палітычных адносінах царызм пачаў палітычную гульню з польскім памешчыцкім класам. 14 жніўня 1914 г. была абвешчана заява Вяроўнага галоўнакамандуючага, вялікага князя Мікалая Мікалаевіча, аб тым, што пасля вайны Расія можа прызнаць аўтаномію Польшчы ў межах Расійскай імперыі. Неўзабаве пачаліся крокі па стварэнні польскага войска, яго першыя аддзелы з’явіліся на беларускай зямлі [28, с. 158–169]. Хоць Лютаўская рэвалюцыя скінула царызм, але пачатая ім польская палітыка на новай ідэалагічнай аснове працягвалася Часовым урадам. К восені 1917 г. быў створаны Першы польскі корпус пад камандаваннем генерала Ю. Доўбар-Мусніцкага, дыслакаваны ў шэрагу месц Усходняй Беларусі. Сам па сабе гэты факт, магчыма, і не надта б усхваляваў беларускіх сялян, але 22 кастрычніка на з’ездзе вайскоўцаў-палякаў корпус атрымаў заданне абараняць культурную спадчыну і маёмасць мясцовага польскага насельніцтва [29, с. 50]. А гэта ўжо быў замах супраць аграрнай рэформы, якой да таго часу цярпліва чакалі беларускія сяляне. З’яўленне ўзброенай сілы, гатовай абараняць інтарэсы польскіх памешчыкаў, следам за канфузным вынікам летняга “наступлення” войск Заходняга фронту, дазволіў зразумець беларускаму сялянству, што на падтрымку расійскай дзяржавы ў рашэнні зямельнага і іншых жыццёва важных для яго пытанняў разлічваць болей не даводзіцца.

Пачатак павароту ў настройх беларускага сялянства ў бок “будаўніцтва сваёй хаты” пераважна ўласнымі сіламі неабходна бачыць, на нашу думку, у двух фактах, якія адносяцца да канца лета – пачатку восені 1917 г.: у зрыве хлебнай манаполіі, устаноўленай Часовым урадам [30, с. 17] (сяляне адмаўляліся карміць няздольнае абараніць краіну войска) і ў прыняцці беларускімі арганізацыямі курсу на стварэнне беларускага войска [31, с. 58]. Што да першага факта, то яго лягчэй звязаць з эканамічнымі інтарэсамі сялян, як гэта робіць беларускі даследчык [30, с. 13, 17], але нельга недаацэньваць і расчаравання вяскоўцаў у абарончай палітыцы новага расійскага ўрада, якая аказалася не болей эфектыўнай, чым палітыка царскага ўрада. Больш за тое: катастрафічныя вынікі летняга “наступлення”, бегства рускіх саладат з фронту, якое неўзабаве пачалося, засведчылі,

што рускі народ не хоча ваяваць за вяртанне заходніх тэрыторый сваёй дзяржавы, а новы ўрад няздольны яго прымусіць. А тым часам пры падтрымцы таго ж урада з'явіўся новы прэтэндэнт на беларускую зямлю, прадстаўлены Першым польскім корпусам і польскімі грамадскімі арганізацыямі як яго сацыяльнай апорай. Беларускі народ заставаўся сам на сам з гэтымі праблемамі, што і прымусіла нацыянальныя арганізацыі заняцца стварэннем беларускага войска. Першыя крокі ў адпаведным накірунку супалі з новым палітычным пераваротам у Расіі – прыходам бальшавікоў да ўлады – і далей развіваліся ў створаных гэтым пераваротам умовах.

Але названыя прычыны не вычэрпвалі матываў, пабуджаўшых беларускія арганізацыі ўзяцца за стварэнне нацыянальнага войска. На Усебеларускім з'ездзе ў снежні 1917 г. ў ліку такіх матываў з аднолькавым перакананнем указвалася на неабходнасць не дапусціць канчатковага разарэння краю расійскім войскам, якое развальвалася, забяспечыць абарону сялян ад прыхільнай памешчыкам польскай узброенай сілы і на неабходнасць падтрымліваць бяспеку на выпадак стыхійнага вяртання на радзіму бежанцаў [17, №1, с. 62–69; №2, с. 46–55; №3, с. 61–69; №4, с. 50–61]. Усе тры акцэнтаваныя на з'ездзе задачы вынікалі з агульнай ацэнкі нацыянальнымі арганізацыямі сітуацыі, што склалася ў Беларусі пасля трох гадоў вайны, як трагічнага выніку “расійскага бязладдзя”, ад якога неабходна шукаць паратунак. Войска як адзін з інструментаў улады разглядалася як сродак самаабароны беларускага народа і яго выйсця з трагічнай сітуацыі, створанай імперыялістычнай вайной і выяўленым ёю бязладдзем. Менавіта ў гэтай форме – *як ідэя нацыянальнага ўратавання* – беларуская нацыянальная ідэя аказалася зразумелай і хутка пашыралася ў масах у апошнія месяцы 1917 і на пачатку наступнага года [32].

Эвалюцыя свядомасці беларускага сялянства ў нацыянальным духу *ўпершыню ў гісторыі адкрывала перспектыву пераўтварэння беларускага руху ў масавы*. У гэтай сувязі звернем увагу на тое, што адным з ініцыятараў правядзення Усебеларускага з'езда – рубажнай падзеі ў працэсе самавызначэння беларускага народа – была арганізацыя, выступаўшая ад імя беларускага сялянства – Беларускі абласны камітэт пры Усерасійскім савеце сялянскіх дэпутатаў. З'езд адбыўся пры падтрымцы, уключаўшай і фінансавую, мясцовых земскіх арганізацый і Сялянскага саюза [33, л. 22, 23], сяляне складалі значную частку яго ўдзельнікаў. Хоць яны займалі на з'ездзе найбольш памяркоўную і няўстойлівую пазіцыю, але здзіўляе не гэта. Уражвае іх масавы ўдзел у гэтым *нацыянальным* форуме, што яшчэ за

паўгода да з'езда немагчыма было ўявіць. Заўважым у гэтай сувязі, што на скліканы Беларускай нацыянальнай камітэтам агульнакраёвы сялянскі з'езд у красавіку 1917 г. з'явіліся толькі 52 дэлегаты, а на Мінскім губернскім, які ў тым жа месяцы правялі бальшавікі, было прадстаўлена звыш 800 дэлегатаў ад сялян, і прайшоў ён у антыбеларускай духу [3, с. 125–127].

Відавочна, што ні аб'ектыўныя, ні суб'ектыўныя прычыны, якія перашкаджалі скліканню Усебеларускага з'езда, не здолелі істотна знізіць прадстаўнічасць гэтага агульнабеларускага форуму.

Гэта ацэнка будзе тым больш пераканаўчай, калі мы заўважым, што восенню 1917 г. рознага роду выбары і з'езды ішлі адзін за другім, а то і супадаючы ў часе. Адбывалася пакутлівае пераўтварэнне мас людзей з аб'екта палітыкі ў яе суб'ект. У гэтым патоку палітызацыі насельніцтва ішло выдзяленне і пашырэнне беларускай нацыянальнай плыні. Параўнанне колькасных параметраў Усебеларускага з'езда з такімі ж параметрамі іншых з'ездаў, што ўтваралі гэты паток, дасць нам лепшае ўсведамленне працэсу фарміравання ў ім гэтай плыні. Мэтазгодна ўзяць для параўнання тыя *тры з'езды*, якія мінскія бальшавікі правялі з мэтай легалізацыі сваёй улады ў краі і адначасова дзеля ўмацавання ўладных пазіцый напярэдадні выбараў ва Устаноўчы сход. Першы з гэтых з'ездаў – 3-ці з'езд сялянскіх дэпутатаў Мінскай і Віленскай губерняў – праходзіў 18–20 лістапада. Адпаведна з паведамленнем газеты “Звезда”, адна з пастаноў з'езда зафіксавала лічбу ў 335 яго ўдзельнікаў [34, с. 235]. 20–25 лістапада прайшоў 2 з'езд армій Заходняга фронту, які быў больш прадстаўнічым, што і зразумела, паколькі менавіта салдаты фронту былі галоўнай апорай бальшавікоў у краі. У дзень яго адкрыцця на з'ездзе прысутнічала 450–500 чалавек, у наступныя дні, калі меркаваць па справаздачы той жа “Звезды”, колькасць яго ўдзельнікаў вагалася ад 310 да 633 чалавек [34, с. 244, 266, 274]. Відавочна, салдаты-дэпутаты аказаліся не надта дысцыплінаванымі. Але найбольшы клопат мінскія бальшавікі мелі са з'ездам саветаў рабочых і салдацкіх дэпутатаў Заходняй вобласці. “Звезда” не здолела назваць колькасць яго ўдзельнікаў, былі пералічаныя толькі прадстаўленыя на з'ездзе саветы, якіх аказалася 16 [34, с. 236]. Гэта была прыкладна трэцяя частка ўсіх існаваўшых у Беларусі на момант бальшавіцкага перавароту саветаў рабочых і салдацкіх дэпутатаў разам з агульнымі саветамі рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў [35, с. 183]. Бальшавікам на з'ездзе быццам бы належала дзве трэці месцаў, астатнія – левым эсэрам [36, с. 159]. *Выходзіць, што Усебеларускі з'езд у першыя дні сваёй працы па колькасных*

паказчыках пераўзыходзіў скліканы бальшавікамі сялянскі з'езд і быў блізкі да франтавога з'езда, а ў апошнія дні працы пераўзыходзіў усе тры гэтыя з'езды. Што датычыць тэрытарыяльнага і сацыяльнага прадстаўніцтва, то з'езд меў поўнае права назваць сябе ўсебеларускім, бо прадстаўляў усе рэгіёны Беларусі, у тым ліку дзякуючы ўдзелу бежанцаў – і акупаваную заходнюю частку краю, а таксама і ўсе яго сацыяльныя слаі [3, с. 178–179].

Варта звярнуць увагу на яшчэ адну акалічнасць, звязаную з Усебеларускім з'ездам, – на той гістарычны момант, калі беларускія арганізацыі выбіралі сваіх дэлегатаў на з'езд, і на тыя лозунгі, пад якімі выбары праводзіліся. Яны праходзілі літаральна назаўтра пасля выбараў ва Устаноўчы сход, з якімі масы людзей на працягу некалькіх месяцаў звязвалі свае спадзяванні на замацаванне ў законах ужо праведзеных рэвалюцыйных пераўтварэнняў, у прыватнасці перадачы зямлі зямельным камітэтам для яе раздзелу паміж сялянамі, і іншых. Здавалася б, што яшчэ можна было выбіраць? Тым не менш, многія тысячы людзей не палічылі лішнімі выбары на беларускі з'езд, папярэдня праграма якога была намечана ў звароце Вялікай Беларускай Рады (ВБР) да сялянскіх саветаў, гарадскіх і земскіх самакіраванняў ад 18 лістапада 1917 г. “З'езд гэты павінен выявіць волю народа беларускага, які не можа і не жадае далей абьякава адносіцца да свайго лёсу ў цяперашні небяспечны і адказны момант. З'езд павінен абмеркаваць і вызначыць усе магчымасці самаабароны шматпакутнага беларускага народа і прыняць меры для яе самаарганізацыі”, – гаварылася ў звароце. Выбаршчыкі галасавалі за ўдзел у з'ездзе, на парадак дня якога прапанаваліся наступныя пытанні: “1. Міжнароднае становішча Беларусі (вайна і мір). 2. Зямельнае пытанне. 3. Будучае палітычнае ўладкаванне Беларусі. 4. Стварэнне органа краёвай улады” [33, л. 22 - 23; 37, с. 101]. *Такім чынам, дэлегаты з'езда адпраўляліся ў Мінск, усведамляючы свае задачы як паўнамоцных прадстаўнікоў беларускага народа, а найбольш дасведчаныя з іх глядзелі на маючы адбыцца з'езд як на Беларускі Устаноўчы сход (ці Устаноўчы сойм) [38, с. 222, 223, 225, 227].*

Нягледзячы на разгон з'езда бальшавікамі, асваенне беларускімі масамі ідэі беларускай дзяржаўнасці не было спынена. Аб гэтым сведчыць, з аднаго боку, даверлівае стаўленне насельніцтва акупіраванай немцамі Беларусі да Беларускай Народнай Рэспублікі (БНР) [39, с. 371–383], а з другога – настойлівая прапаганда ідэі аб стварэнні ўрада “са сваіх людзей” беларускімі дзеячамі і арганізацыямі на тэрыторыі Савецкай Расіі [40; 26, 1919. 8 лютага].

Калі гаварыць пра БНР, то давядзецца з жалем канстатаваць, што нават у асяроддзі прафесійных гісторыкаў не пераадолены

прынцыпова антынацыянальны ідэалагічны падыход да яе гісторыі. А іншыя ў шчырай найўнасці папракаюць яе заснавальнікаў (Раду БНР) у тым, што, абвясціўшы незалежнасць Беларусі, яны адыйшлі ад рашэнняў Усебеларускага з'езда, якім дэкларавалася толькі аўтаномія Беларусі ў складзе Расійскай дэмакратычнай федэрацыі (заўважым: яшчэ не існаваўшай). Але такім прыхільнікам юрыдычнай чысціні беларускага нацыянальнага руху неабходна было б заўважыць, што рашэнне Рады БНР аб незалежнасці было прынята на якасна іншым этапе развіцця, у новых гістарычных умовах, якім рашэнне Усебеларускага з'езда аб аўтаноміі ўжо не адпавядала. У гэтай сувязі напрашваецца не адно пытанне да іх. Возьмем хоць бы гэта: а якую вы бачыце альтэрнатыву прынятаму 25 сакавіка рашэнню?

Пасля расшырэння ў лютым нямецкай акупацыі да самага Дняпра беларускія сяляне такой альтэрнатывы не бачылі. Так, яны браліся за зброю дзеля абароны свайго добра і сваёй годнасці ад самаволі акупантаў, але разам з тым пасылалі шматлікія хадайніцтвы да органаў БНР аб іх заступніцтве перад акупантамі [39, с. 371–383]. Гэта азначала, што яны бачылі ў БНР сваю ўладу, сёння было б дакладней сказаць – беларускую протадзяржаву, якую гатовы былі прыняць пасля сыходу акупантаў. Ужо ў 1918 г. для беларускага народа ўзнікла сітуацыя барацьбы на два франты: спачатку імі былі польскі корпус генерала Доўбар-Мусніцкага і бальшавікі, а затым – германскія акупанты і тыя ж бальшавікі на ўсходзе Беларусі. У той самы час, калі на акупіраванай германцамі тэрыторыі рознымі спосабамі – мірнымі і нямірнымі – вялася барацьба супраць акупантаў, уся Усходняя Беларусь была ахопленая антысавецкімі сялянскімі паўстаннямі. Гэта сітуацыя сведчыць аб тым, што беларускія сяляне змагаліся не за вяртанне савецкай улады на месца германскай акупацыйнай, а за сваё права жыць мірна і сваім жыццём, са сваёй уладай.

Разам з тым, канстатууючы эвалюцыю беларускага сялянства на нацыянальныя пазіцыі, неабходна ўсведамляць, што на працягу некалькіх вызначальных для ўсяго руху гадоў яна стрымлівалася істотнымі аб'ектыўнымі фактарамі. Гэта эвалюцыя ішла двума геаграфічна адзеленымі адзін ад другога патокамі – бежанскім і мясцовым – і адчувала на сабе ўплыў незавершанай барацьбы сялян за зямлю. Павольнае злучэнне двух патокаў у адзін пачалося пасля падпісання Савецкай Расіяй і Германіяй Брэсцкага міру, калі пачалі вяртацца ў Беларусь бежанцы з Расіі. Аднак праз кароткі час пасля завяршэння Першай сусветнай вайны Беларусь была зноў падзелена, на гэты раз фронтам польска-савецкай вайны, і кожны паварот польска-савецкай барацьбы зноў абвастраў зямельнае пытанне для

беларускага селяніна. Ёсць падставы сцвярджаць, што беларускія сяляне гатовыя былі прыняць толькі тую ўладу, якая забяспечыць іх зямлёй за кошт мясцовага польскага памешчыка. А ўладу бальшавікоў-“чужаніц”, якая праводзіла дактрынёрскую сацыялістычную палітыку ў вёсцы, яны прыняць не маглі.

5. *Альтэрнатывы беларускага дзяржаватварэння падчас завяршэння польска-свецкай вайны*

Беларускія сяляне пакутліва працярэблівалі шлях да свайго нацыянальнага самаўсведамлення. Як адзін з паваротаў гэтага шляху, шляху беларускага сялянства да нацыі, неабходна разглядаць і палескі паход С. Булак-Балаховіча восенню 1920 г. Як вядома, ён пачаўся праз некалькі тыдняў пасля заключэння Савецкай Расіяй і Польшчай папярэдняга міру, тады, калі ў чарговы раз “чужаніцы” вырашалі лёс Беларусі. 25 кастрычніка генерал разам з членамі Беларускага Палітычнага Камітэта (БПК) перайшоў устаноўленую мірным дагаворам прэлімінарную граніцу, а 7 лістапада ў Тураве сімвалічна перадаў БПК палітычную ўладу над вызваленай тэрыторыяй (даслоўна) “Беларускай Народнай Рэспублікі”. Але большасць тэрыторыі гэтай рэспублікі яшчэ толькі належала вызваліць. Ацэньваючы шансы генерала рашыць гэту задачу, варта звярнуць увагу на два з іх. Паход пачынаўся ў перыяд, калі ў Савецкай Расіі цярпела крах палітыка ваеннага камунізму, што выяўлялася ва ўзнікненні ў тыле Чырвонай Арміі *трэцяга фронту* (пасля польскага і врангелеўскага) – *масавай узброенай барацьбы сялян супраць савецкай улады*. Размах гэтай барацьбы быў настолькі магутным, што Ленін палічыў сялянства больш небяспечным ворагам, чым Юдзеніч, Калчак і Дзянікін, разам узятыя. Сяляне ўцягнуліся ў гэтую барацьбу пад цяжарам “продразвёрсткі” і прамых рэквізіцый жывёнасці, фуражу, харчоў на карысць Чырвонай Арміі. Да таго ж яны бачылі няздольнасць савецкай улады наладзіць забеспячэнне вёскі соллю, газай, іншымі неабходнымі таварамі. У гэтай сітуацыі сяляне адмаўляліся дапамагаць Чырвонай Арміі, а мабілізаваныя ў яе рады ў масавым парадку дэзерціравалі. Гэту з’яву старшыня Камаровіцкага валаснога ваенрэўкама назваў “эпідэмічнай хваробай балахоўшчынай”, бо значная частка дэзерціраў пасля з’яўлення Балаховіча на Мазырскім Палессі перайшла на яго бок [41, л. 88 адв. – 89]. Такім чынам, органы савецкай улады ацэньвалі Булак-Балаховіча як саюзніка беларускіх сялян у барацьбе супраць савецкай улады, і сам ён прэзентаваў сябе ў гэтай ролі [42]. Наяўнасць такога саюзніка складала першы шанс, на які мог разлічваць генерал, і на які, відавочна, ён і разлічваў.

Але ў беларускім сялянстве Булак-Балаховіч меў саюзніка *супраць* – супраць савецкай улады, – а яму, як чалавеку, што адважыўся ўзняць зброю *за* стварэнне Беларускага Гаспадарства [42], патрэбны быў саюзнік дзеля рэалізацыі гэтай *стваральнай мэты*. Ці было такім саюзнікам беларускае сялянства?

Усведамляючы недастатковую даследаванасць гэтага пытання, тым не менш, наважымся сцвярджаць, што так, сялянства, *хоць бы аб’ектыўна*, было саюзнікам “бацькі Балаховіча”. Да такога сцвярджэння прыводзяць назіранні за эвалюцыяй светапогляду і сацыяльнай актыўнасці беларускага сялянства на працягу шасці ваенных гадоў (1914–1920). Нацярпеўшыся пры розных уладах – царскай, Часовага ўрада, бальшавіцкай, нямецкай, польскай – сяляне Беларусі, як і ўсходнепалескага яе рэгіёна, пачалі звязаць свае спадзяванні на лепшае са сваёй, беларускай уладай. На тэрыторыі, якая засталася пад савецкім кантролем пасля падпісання прэлімінарнага мірнага дагавора, адпаведныя настроі выяўляліся пры кожнай сустрэчы прадстаўнікоў улады з сялянамі. “Ці будзе Беларусь самастойнай [пасля вайны]? А калі яна будзе самастойнай, дык ці будзе ў ёй савецкая ўлада і савецкае войска?” – пыталіся дэлегаты беспартыйнай канферэнцыі, арганізаванай Камаровіцкім ваенрэўкамам [43, л. 5]. А ў Мінскім павеце арганізатары валасных рэўкамаў сабралі цэлы спіс падобных пытанняў. Іх квінтэсенцыю можна ўбачыць у наступнай канстатацыі, прыведзенай у дакладзе аб выніках гэтай работы: “Насельніцтва некаторых валасцей, даведаўшыся аб самавызначэнні Беларусі, не хоча прызнаваць ніякай улады, акрамя неіснуючага ўрада “незалежнай Беларусі”, і адносіцца вельмі варожа да арганізаваных валрэўкамаў, заяўляючы, што рэўкамы трэба выбіраць, а не прызначаць з Масквы” [44, л. 81а].

Такім чынам, мы можам сцвярджаць, што палескі паход С. Булак-Балаховіча пад сцягам стварэння беларускай нацыянальнай дзяржавы не быў безнадзейнай акцыяй. Але выясняць, чаму ён не прывёў да поспеху – гэта прадмет іншага даследавання [45]. Тут мы абмяжуемся сцвярджэннем, што адну задачу, хоць і не запланаваную ні Булак-Балаховічам, ні БПК, ён аб’ектыўна выканаў. Гэты паход паслужыў яшчэ адным, побач з дыпламатычнай дзейнасцю ўрада БНР (урада Вацлава Ластоўскага), сродкам націску на маскоўскія і беларускія савецкія ўлады ў накірунку стварэння Беларускай савецкай рэспублікі, якая пасля яе другога абвяшчэння ў канцы ліпеня 1920 г. заставалася ў зародкавым і няпэўным стане.

б. Што засталася ў спадчыну

Зноў абвешчаная БССР не выпадкова амаль на паўгода як бы “завісла” ў паветры. Яе другое абвясчэнне было звязанае са спробай бальшавіцкага ўрада “перанесці на штыхах” рэвалюцыю ў Польшчу, каб затым прыступіць да саветызацыі Усходняй Еўропы, ад Прыбалтыкі да Румыніі, а ў спрыяльнай для бальшавікоў сітуацыі – і больш шырокага яе абсягу [46, с. 219–240]. Абвясчэнне Беларускай савецкай рэспублікі, з аднаго боку, служыла сродкам забеспячэння прадполля і тылу для гэтага паходу, а з другога – мусіла сведчыць працоўным Польшчы і Заходняй Еўропы аб адсутнасці ў савецкага ўрада імперыялістычных намераў. Няўдача паходу Чырвонай Арміі ў Польшчу змяніла ролю, адведзеную Савецкай Беларусі ў палітыцы РСФСР. Цяпер яна мусіла служыць картай у дыпламатычнай гульні савецкага ўрада ў ходзе мірных перагавораў, да часу прыхаванай і прыдатнай для выкарыстання ў залежнасці ад сітуацыі. Валоданне гэтай картай было забяспечана рашэннем ВРК БССР аб прызнанні за Савецкай Расіяй права весці перагаворы з Польшчай аб польска-савецкай мяжы на тэрыторыі Беларусі. Атрымаўшы яго, маскоўскія інстанцыі праз Рэўваенсавет Заходняга фронту прыпынілі працэс канстытуіравання Беларускай савецкай рэспублікі. Атрыманы мандат, з аднаго боку, даваў савецкаму ўраду сродак палітычнага гандлю ў адносінах з Варшавай, дазваляючы яму быць цвёрдым на ўкраінскім участку лініі фронту і саступлівым – на беларускім участку. З другога боку, ён ствараў аргумент для адхілення патрабавання ўрада БНР аб удзеле ў мірнай канферэнцыі – маўляў, ужо ёсць іншы беларускі ўрад – савецкі, ці эвентуальна дазваляў супрацьпаставіць першаму фіктыўны беларускі савецкі ўрад, калі б гэта патрабаванне падтрымала Польшча. А імавернасць яго падтрымкі існавала ў той ступені, у якой мела шанцы на рэалізацыю федэратыўная канцэпцыя польскай усходняй палітыкі. Пры ўсіх гэтых варыянтах БССР заставалася толькі інструментам палітыкі Масквы на заходнім накірунку, які выкарыстоўваўся з тымі ці іншымі мэтамі ў залежнасці ад сітуацыі. Гэты інструмент, аднак, быў дастаткова значным, каб згадзіцца на яго *трансфармацыю з органа ваеннага кіраўніцтва часткай беларускай тэрыторыі ў форму нацыянальнай аўтаноміі*. Першы крок у гэтым накірунку быў зроблены рашэннямі II з’езда саветаў Беларусі, які быў скліканы ў Мінску 13 снежня 1920 г., а наступны – заключэннем 16 студзеня 1921 г. “Дагавора аб ваенным і гаспадарчым саюзе паміж РСФСР і БССР” [47, с. 222–223, 243–244].

Нельга не заўважыць, што ўвесь час, пакуль ішлі польска-савецкія мірныя перагаворы, так моцна паўплываўшыя на лёс

Беларусі і, у прыватнасці, на яе савецкую квазідзяржаўнасць, за плячыма іх удзельнікаў нябачна знаходзіўся ўрад БНР, які з’яўляўся, у прынцыпе, носьбітам альтэрнатывы польска-савецкаму падзелу Беларусі. Ва ўмовах, якія на той момант склаліся, шанцы на рэалізацыю гэтай альтэрнатывы былі невялікія (хаця наколькі невялікія – гэта пытанне неабходна вывучаць асобна). Не здолеўшы ўратаваць Беларусь ад падзелу, урад БНР, аднак, уратаваў беларускую савецкую квазідзяржаву, ствараючы ўмовы для яе нараджэння ў той адзінай ролі, якая была для яе магчымай – у ролі інструмента савецкай палітыкі.

Правераная ў перыпетых 1920 г. эфектыўнасць беларускага палітычнага інструмента прымушала яго стваральнікаў – вышэйшыя ўлады Савецкай Расіі - мірыцца з некаторымі яго “нязручнасцямі”, якія з часам выявіліся. Як аб’ектыўна, так і ў спадзяваннях беларускіх нацыянал-камуністаў, “інструмент” служыў сродкам прыцяжэння да нацыянальнага палітычнага цэнтра беларускай этнічнай тэрыторыі не толькі з захаду, але і з усходу. Ён пастаянна “напамінаў” насельнікам савецкай Беларусі, што з’яўляюцца – па назве краіны – беларусамі. Інакш гаворачы, спрыяў нацыянальнай самаідэнтыфікацыі.

З крываваых перыпетый 1917–1920 гадоў беларускі народ выйшаў з яшчэ адным істотным набыткам. Савецкаму ўраду давалося адкласці на 10 год суцэльную калектывізацыю беларускага сялянства, да якой бальшавікі з Літоўска-Беларускай ССР прыступалі ўжо ў 1919 г. Гэты непасрэдны вынік беларускага нацыянальнага руху 1917–1920 гг. да гэтага часу не быў заўважаны беларускімі гісторыкамі. А між тым адпаведнае пытанне было пастаўлена поруч з пытаннем аб канстытуіраванні БССР на Другім Усебеларускім з’ездзе саветаў у снежні 1920 г. і вырашана адпаведна з інтарэсамі беларускага сялянства. На з’ездзе было пастаноўлена дзеля заваявання сялянства на бок савецкай улады (менавіта такой была матывацыя) адмовіцца ад палітыкі суцэльнай саветызацыі былога памешчыцкага і манастырскага землеўладання і не менш чым дзве траціны гэтай зямлі да вясны перадаць сялянам [48, л. 38]. У выніку беларускае сялянства забяспечыла сабе пэўны запас трываласці перад будучым франтальным наступленнем супраць яго антысялянскай бальшавіцкай улады.

Беларускі нацыянальны рух так і не здолеў стварыць рэальную поўнацэнную дзяржаву, хоць і ўступіў у адпаведную стадыю, дзе ён быў прадстаўлены дзвюма формамі – БНР і БССР. Але замацавацца на гэтай стадыі і напоўніць хоць бы адну са створаных форм рэальным зместам ён, па розных прычынах, не здолеў, і быў адкінуты назад у сваім развіцці. Але гэтае адкідванне, гэтае яго паражэнне,

матэрыялізаванае ў рыжскім падзеле 1921 г., не здолела вярнуць яго да ўзроўню, які ён меў напярэдадні “вялікай вайны” 1914–1918 гг. Калі зноў выкарыстаць стадыяльную характарыстыку, то можна меркаваць, што на працягу наступных амаль 20 гадоў беларускі нацыянальны рух вагаўся паміж фазамі палітычнай агітацыі і масавай палітычнай мабілізацыі (БСР Грамада ў Заходняй Беларусі). БССР праз кароткі час пасля яе стварэння выявіла сябе як пастка для беларускіх нацыяналістаў, заплаціўшых сваімі жыццямі за тое, што паверылі ў яе як у сапраўдную беларускую дзяржаву. А мадэль Беларускай Народнай Рэспублікі тым часам апынулася ў стратэгічным запасе беларускай гісторыі.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Пригожин, И. Философия нестабильности / Вопросы философии. - 1991. - №6. - С. 46–52.
2. Отечественная история – 2007 – № 5.; Федотов, Г. П. Трагедия интеллигенции / Федотов Г. П. О России и русской философской культуре. – Москва: Наука, 1990. – С. 440; Война и общество в XX веке: В 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны - Москва, 2002. – С. 556 – 557, 586.
3. Рудовіч, С. Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе – Мінск: Тэхналогія, 2001. – 200 с.
4. Магареев, П. Э. Первая мировая как тотальная война / Новая и новейшая история. – 2004 – № 4. – С. 3 – 16.
5. Головин, Н. Н. Военные усилия России в мировой войне - Москва: Кучково поле, 2001. – 440 с.
6. Степанов, А. И. Общие демографические потери населения России в период Первой мировой войны / Первая мировая война: Пролог XX века. – Москва: Наука, 1999. – С. 474–484.
7. Документы и материалы по истории Белоруссии. – Минск: Изд-во АН БССР, 1953 – Т. 3. – 1018 с.
8. Лигута, В. Н. 810-дневное противостояние в Сморгони / Беларусь у гады Першай сусветнай вайны. Сморгоншчына: трагедыя, гераізм, памяць : матэрыялы міжнарод. навукова-практ. канф. (Смаргонь, 18 – 19 мая 2007 г.) / навук. рэд. А. М. Літвін, У. В. Ляхоўскі, – Мінск: Чатыры чвэрці, 2009. – С. 67–84.
9. Данилов, Ю. Н. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. – Москва: Воениздат, 1992. – 288 с.
10. Голуб Т. Вечное поле памяти / Полюмя. – 993. – № 2. – С. 6–7.

11. Лосский, Н. О. Характер русского народа / Лосский, Н. О. Условия абсолютного добра. – Москва: Изд-во полит. литературы, 1991. – 372 с.
12. Асташов, А. Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны / Отечественная история. – 2003. – №2. – С. 72–86.
13. Аксёнов, В. Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 годах: архетипы, слухи, интерпретации / Российская история. – 2012. – №4. – С. 137–145.
14. Александров, Н. “Мы сначала возьмём Краков, а потом уже Берлин”. Костромская деревня в начале войны / Родина. – 2014. – №8. – С. 112–117.
15. Смольянинов, М. М. Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг., Минск: Беларуская навука, 2014. – 216 с.
16. Сенявская, Е. Н. “Без бабы и вина и война не нужна”: проблема фронтовой морали в период Первой мировой войны / Историческая психология и социология истории – Москва, 2013. – Т. 6. – С. 32–48.
17. Усебеларускі з’езд 1917 года: сведчанне сучасніка. Прадмова і публ. В. Скалабана / Беларускі гістарычны часопіс – 1993, №1. – С. 68.; Федорченко, С. Народ на войне / С. Федорченко. – Москва: Советский писатель, 1990. – 326 с.
18. Курцев А. Н. Беженство / Первая мировая война: Пролог XX века - Москва: Наука, 1999. – С. 140 – 146; Утгоф, В. С. Белорусские беженцы Первой мировой войны: автореф дис. кандидата историч. наук. – Санкт-Петербург: РАН; Ин-тут истории, 2003. – 26 с.
19. Бежанства 1915 года. – Беласток: Праграмная рада тыднёвіка “Ніва”, 2000. – 206 с.
20. Белявина, В. Н. Беларусь в годы Первой мировой войны. – Минск: Беларусь, 2013. – 396 с.
21. Лабынцев, Ю. А. Повествования западнобелорусских беженцев-очевидцев о революционной России, <http://www.knizkult.narod.ru/Labyncev.htm> – С. 1. – Дата доступа: 2011. 09. 17.
22. Улашчык, М. Бежанства. Публ. А. Ліса; пасляслоўе В. Скалабана / Спадчына – 2001. – №3. – С. 211-222; Баршчэўскі, А. Малая і вялікая айчына ва ўспрыняцці беларусаў з Усходняй Беласточчыны / Беларусіка – Albaruthenica. Кн. 6, частка 1. – Мінск, 1997. – С 298–304; Мушыньскі, М. Спадчына Якуба Коласа / Польшча, 1993 – № 7 – С. 236–238.
23. Курцев, А. Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914 – 1917) / Вопросы истории. – 1999. – №8. – С. 9–113.

24. Лахарева, Н. В. Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России (на примере Курской губернии) / Армия в истории России. Материалы межвуз. научн. конф. – Курск: Изд-во РОСИ, 1997. – С. 77–80
25. Грыневіч В. На рэках Вавілону (Успаміны ўцекача) / Спадчына. – 1997. – №4. – С. 165–182.
26. Дзянніца. – 1918, 19 жніўня. – № 25.
27. Забаўскі, М. Праблемы аўтаноміі беларуска-літоўскіх губерняў у перыяд выбараў і дзейнасці расійскай Дзяржаўнай думы (1906 – 1917 гг.) / Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 1. – С. 274–294.
28. Белякевич, И. И. Из истории создания польских национальных формирований в составе русской армии во время Первой мировой войны / Первая мировая война – Москва: Наука, 1968. – С. 158–169.
29. Łatyszonek O. Białoruskie formacje wojskowe. 1917 – 1923 – Białystok, 1995. – 276 s.
30. Рыжанкоў, І. М. Сялянства Беларусі ў вырашэнні грамадска-палітычных і эканамічных праблем (сакавік – кастрычнік 1917 г.): аўтарэф. дыс. кандыдата гіст. навук. – Мінск, 2006. – 22 с.
31. Савіцкі, В. Беларускае войска: ад ідэі да спроб рэалізацыі / Беларускі гіст. часопіс. – 1994. – №4. – С. 60–61.
32. Рыжанкоў, І. М. Да пытання аб удзеле сялянства Беларусі ва ўмацаванні абароназдольнасці краіны пасля перамогі Лютаўскай рэвалюцыі / І. М. Рыжанкоў // Труды БГТУ. – Сер. V. Политология, философия, история, филология. – Вып. XIII – Минск, 2005. – С. 55–59.
33. Письма во власть. 1917 – 1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. – Москва: РОССПЭН. – 1998. – 528 с.
34. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 60п. – Воп. 3. – Спр. 751.
35. Великая Октябрьская Социалистическая Революция в Белоруссии. – Т. 2. – Минск: Госиздат БССР. – 1957. – 1067 с.
36. Башко, П. К. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Белоруссии (март – октябрь 1917 г.). – Мн.: Наука и техника, 1987. – 254 с.
37. Кнорин, В. Г. Избранные статьи и речи. – Мн.: Беларусь, 1990. – 303 с.
38. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцыі (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.): У 2 ч. Ч. 2: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах складвання

таталітарнага рэжыму. – Мн.: БДПУ імя М. Танка, 2001. – 160 с.

39. Лёсік Я. Творы: Апавяданні Казкі. Артыкулы. – Мн.: Маст. літ., 1994. – 334 с.

40. Мазец, В. Першыя здзяйсненні БНР у сацыяльна-эканамічнай і культурнай сферы/ Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 1. – Мінск: Бел. навука, 2011. – С. 71 – 83.

41. Дзяржаўны архіў у г. Мазыры. – Ф. 307. – Воп. 1. - Спр. 5.

42. LMAV RS. – F. 21. – Bib. 857. – P. 6,45.

43. Дзяржаўны архіў у г. Мазыры. – Ф. 79. – Воп. 1. – Спр. 17.

44. НАРБ. – Ф. 8. – Воп.1. – Спр. 1.

45. Латышонак, А. Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. / А. Латышонак, Я. Мірановіч. – Вільня: Інстытут беларусістыкі; Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. – С. 156–158.

46. Лазько, Р. Беларускі фронт сусветнай рэвалюцыі ў 1920 г. // Да 90-годдзя прыняцця Рыжскага дагавору 1921 г. Матэрыялы з гісторыі польска-беларускіх адносін у XX ст. Зб. навуковых прац. – Мн. : БДУ, 2011. – С. 219–240.

47. Знешняя палітыка Беларусі: Зб. дакументаў і матэрыялаў. Т. 1 (1917 – 1922 гг.) – Мн.: БелНДІДАС, 1997. – 398 с.

48. НАРБ. – Ф. 4п. – Воп.1. – Спр. 155. – Л. 38.

УДК 94(476)''1914-918''(=811.112.2)

В. П. Пичуков

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И НЕМЕЦКАЯ ОБЩИНА БЕЛОРУССКОГО ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ

Вследствие экономической колонизации немцами-мигрантами преимущественно из соседней украинской Волыни, в белорусском Восточном Полесье начале XX в. появилась община этнических немцев. С началом Первой мировой войны в отношении местных немцев, как и по всей Российской империи, была развернута официальная кампания борьбы с «немецким засильем». Насильственная депортация немцев охватила весь регион Полесья. После окончания мировой войны немецкое население снова

представляло собой значимое и самобытное этнокультурное явление в Восточном Полесье.

Община этнических немцев в белорусском Восточном Полесье явилась следствием экономической колонизации немцев-мигрантов, выходцев преимущественно из соседней украинской Волыни, в начале XX в. купившими землю у местных землевладельцев А. Шоманского и А. Ансельма.

По официальным данным на январь 1905 г. в имении Шоманского «Клесин» (Дерновичская волость Речицкого уезда (в настоящее время – Наровлянский район) проживало в «качестве арендаторов около 200 семейств немцев-колонистов». В январе 1911 г. в районе имения уже насчитывалось около 700 семейств колонистов - покупателей земли, в основном, немцев. Превращение их статуса из арендаторов в собственников земли было обусловлено «усмотрением» местного начальства [1, Л. 16–16об., 18–18об., 21, 33–34 об.].

Немецкая колония, сформированная в регионе имения Ансельма, получила название Ансельмовка (в настоящее время – д. Роза Люксембург Ельского района). Рядом находилась колония Наймановка. По соседству – в теперешнем Наровлянском районе были немецкие колонии Березовка, Антоновка, Майдан, Осиповка, Красиловка. За счет немецких колонистов с Волыни увеличивалось население смешанной украинско-немецкой деревни Хатки. В теперешнем Лельчицком районе немцы жили на хуторах Средние Печи, Дубницкое, Дубравки, Ветвица, Млынок Немецкий. В Речицком районе – на хуторах Заходы. В соседнем Калинковичском районе – в д. Хатыни. Жили немцы и на территории современного Житковичского района.

С началом Первой мировой войны в отношении местных немцев, как и по всей Российской империи, была развернута официальная кампания борьбы с «немецким засильем». 31 октября 1914 г. Совет Министров постановил «об исключении неприятельских подданных из состава всякого рода союзов, обществ, ученых, просветительных и благотворительных учреждений» [3, с. 177; 2, Л. 11–11об.].

Арестовывались, «как военнопленные», заключались в тюрьму и высылались во внутренние российские губернии германские и австрийские подданные, достигшие 18-летнего возраста. Высылке подлежали также отмеченные иностранные подданные, «не внушающие доверия». В частности, в рапорте Речицкого уездного исправника Минскому губернатору от 4 августа 1914 г.

информировалось, что дополнительно к ранее арестованным «в качестве военнопленных» жителям уезда прусского подданного Альфреда Шаловского и германского подданного Генриха Грунвальда «заключены под стражу» прусский подданный Генрих Банземер и германский подданный Рудольф Симон. Немедленно последовало решение губернатора: «Военно-пленных австрийских и германских подданных перевести для содержания до распоряжения в тюрьму». В аналогичном рапорте от 7 августа отмечалось: «Представляю Вашему Превосходительству списки: а) австрийских и германских подданных, проживавших в пределах Речицкого уезда, военно-обязанных и арестованных, как военно-пленных, и б) австрийских и германских подданных, проживавших в Речицком уезде и высланных отсюда в другие губернии» [4, Л. 3–3об., 5, 18, 29]. Так, не обошло военное лихолетье стороной семью Карла Метнера, проживавшего в Минской губернии с 1884 г. и на начало войны бывшего «лесопромышленником» в селе Василевичи. 14 октября 1914 г. был арестован его сын Герман, не имевший российского подданства. Арест был мотивирован достаточно характерно для данной ситуации: «германский подданный, достиг 18 лет, поэтому считается военнопленным». После содержания в речицкой тюрьме его должны были отправить в г. Елабугу Вятской губернии. Попытки отца, к этому времени уже имевшего российское подданство, предотвратить высылку сына оказались безуспешными. На его прошение губернатору с предоставлением приговора Василевичского волостного крестьянского схода о согласии приписать сыновей и дочерей Карла Метнера к своему обществу после принятия ими российского подданства последовал отказ [5, Л. 37; 6, Л. 48, 52–54, 86].

Жительница хутора Хатки Лоиза Зимон (Симон) в обращении к губернатору от 4 декабря 1914 г. просила разрешить возвратиться домой ее мужу, германскому подданному Рудольфу Симону, 56-ти лет, высланному в Оренбургскую губернию. Просительница отмечала, что кроме нее, в семье имеется «6 душ нетрудоспособных детей в возрасте от 15 до 1 года». Губернатор оставил ходатайство «без последствий» [6, Л. 77–78].

Нагнеталась антинемецкая истерия, местные «русские квазипатриоты» пресекали любое, кажущееся им лояльным, отношение к Германии. Так, в доносе 5 августа 1914 г. на имя губернатора, подписанном «верноподданным Василем Лукьяненка», обращалось внимание на тот факт, что гувернантка в имении Наровль Эльфрида Вильгельмовна Перль «благоволит немцам, молится, чтобы немцы победили Россию» [6, Л. 6–7].

Местная «общественность» инициировала переименование Каролинской волости в Николаевскую – «в честь державного хозяина земли русской – государя императора». Весьма характерна для общественного климата того времени мотивация необходимости переименования: «Русский народ... получил полное отвращение ко всему немецкому. ... Происходя от немецкого имени «Каролины» ... волость своим названием в настоящие исторические дни несомненно смущает каждое русское сердце» [7, с. 66].

Естественно, что в обстановке военного времени все аспекты социокультуры местных немцев, в частности религиозная жизнь, подвергались ограничениям, контролю со стороны власти. Так, секретным циркуляром Министерства внутренних дел от 30 октября 1914 г. губернаторам было запрещено утверждение «в звании наставников баптистов» германских и австрийских подданных, избранных баптистами [6, Л. 70].

В январе 1915 г. Минский губернатор направил в Департамент духовных дел МВД «переписку о колонистах-лютеранах» колонии Ансельмовка. Судя по аналогичному документу от 15 ноября 1915 г., относящемуся к кол. Александрово Пинского уезда, речь шла о разрешении молитвенных собраний по воскресным и праздничным дням. «Переписка» о пинских лютеранах осталась неотправленной. В обстановке готовящейся депортации местных немцев для власти это виделось не актуальным. Без ответа осталось прошение и ансельмовских колонистов-лютеран [8, Л. 186, 360об., 365–368].

Немцы белорусского Полесья, как и немцы соседней Волыни, подпали под реализацию антинемецкого «ликвидационного» законодательства периода Первой мировой войны, в особенности законов от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. Немецкие крестьяне, первоначально нероссийского подданства, а затем и «русские подданные из германских, австрийских выходцев», должны были в конкретный срок «отчудить» (продать и т.п.) свое недвижимое имущество в сельской местности. В первую очередь подразумевалась, конечно, земля [9, с. 562–572, 576–585].

При несоблюдении условий законодательства отмеченное имущество продавалось «с молотка». Известные нам документы свидетельствуют, что списки подлежащих отчуждению и продаже имуществ местных немцев возобновлялись в Минской губернии до конца февраля 1917 г. [10, Л. 55–55об., 124, 242, 251].

Практически одновременно с ограничением немецкого землевладения властями проводилась кампания по массовой насильственной депортации немцев из прифронтной зоны, в которую

входила и Минская губерния. «Особое совещание о мерах при очищении войсками некоторых местностей Северо-Западного и Юго-Западного фронтов» при штабе Верховного главнокомандующего 23 июня 1915 г. постановило, что все немцы-колонисты, за редким исключением, «подлежат обязательному выселению за собственный счет в местности вне театра войны». Их недвижимое имущество секвестировалось. На «добровольный» выезд предоставлялось 5 дней, в противном случае следовала отправка по этапу [9, с. 573; 11, с. 49].

На основании информации, данной немцами Речицкого района, арестованными в 30-е гг., имеется возможность выстроить достаточно представительную географическую картину их выселения. Рихард Мительштейн (в 1915–1917 гг. семья находилась в Сибири), Фридрих Ионас (в 1914 г. семью выслали в Вятскую губернию), Густав Найман (в 1914 г. семья эвакуирована в Омскую губернию), Густав Мительштейн (в 1916 г. всех немцев эвакуировали в Сибирь), Густав Гертус (с начала войны семья находилась в Астраханской губернии, в связи с массовым переселением немцев в глубь России), Иоганн Метнер (в 1915 г. вся семья была выселена в Нижегородскую губернию) [12, Д. 10097-с, 17703-с., 16568-с., 18401-с, 7751-с.].

Насильственная депортация немцев охватила весь регион Полесья. В конечном итоге, чиновники, проводившие обследование «факта землевладения подданными воюющих с Россией держав, а также австрийскими, венгерскими и германскими выходцами», в 1915–1916 гг. констатировали, что все немцы-колонисты из Минской губернии высланы [13, Л. 1].

10 февраля 1916 г. речицкий уездный исправник докладывал минскому губернатору, что, согласно распоряжения от 18 августа 1915 г., немцы-колонисты «выселены из пределов Речицкого уезда и многие хутора находятся совершенно пустыми». Таковых «хуторов (усадеб)» на территории уезда он насчитывает около 450 [14, с. 180–181]. Аналогичная картина с выселением немецких колонистов наблюдалась и в Мозырском уезде.

Собранные документальные материалы о не выселенных немецких хозяйствах позволяют представить общую картину их упадка в годы войны. Для сравнения приведем динамику изменения некоторых хозяйственных параметров отдельных хозяйств из различных регионов немецкой диаспоры Восточного Полесья. Так, в хозяйстве Августа Эберта из колонии Антоновка (Дерновичская волость Минского уезда) в 1915 г. было: лошадей – 1, коров – 1, нетелей – 1, телят – 1, свиней – 1, подсвинков – 1, поросят – 2. В 1916 г.: коров – 1, подсвинков – 2. В хозяйстве Андрея Шредера из

колонии Ансельмовка (Николаевская (бывшая Каролинская) волость Мозырского уезда) в 1915 г.: лошадей – 2, коров – 3, нетелей – 2, телят – 2, свиней – 3. В 1916 г.: лошадей – 1, коров – 1, поросят – 1. В хозяйстве Готлиба Тома с хутора Средние Печи (Лельчицкая волость Мозырского уезда) в 1915 г.: лошадей – 1, коров – 2, телят – 1, свиней – 1, подсвинков – 1. В 1916 г.: коров – 1 [15, Л. 11; 16, Л. 70; 17, Л. 33].

После падения царского режима у депортированных немцев появилась возможность вернуться на Полесье. Происходило это самовольно. Так, в июле 1917 г., в связи с возвращением немцев в Речицкий уезд, командование Западного фронта потребовало от местных гражданских властей не только запретить возвращение немцев-колонистов в места их прежнего жительства, но и привлечь самовольно вернувшихся к суду, мотивируя это тем, что немцы «выселены на все время войны и потому права на возвращение не имеют». Тем не менее, количество возвращавшихся возрастало. Местные выселенные немцы даже добились приема у председателя Совнаркома В.Ульянова (Ленина) [11, с. 52–53].

Возможность реконструкции жизни местных немцев в период кайзеровской оккупации Беларуси в 1918 г. осложнена фрагментарностью доступных первоисточников. Косвенные документы свидетельствуют, что в местечке Василевичи «вся семья Метнера была тесно связана с немецкой жандармерией, она стояла в их доме», а Иоганн служил у немцев переводчиком. Как известно, еще в феврале 1918 г. по договору между Германией и Украинской Радой белорусское Полесье было передано Украине. Согласно протокола допроса 1937 г., Иоганн Метнер, арестованный НКВД, в 1918 г. «работал две недели в варте-полицай (Управління Державної варти. – В.П.), младшим вартовником».

Аналогична история заходского немца Густава Гертуса. Будучи арестованным органами НКВД в 1938 г., на допросе он сообщил некоторые факты своей биографии интересующего нас периода. Весной 1918 г. его семья вернулась в Заходы из Астраханской губернии. «Через некоторое время пришли немецкие войска и я поступил к ним на службу в хозяйственную часть. Вместе с немецкими войсками участвовал в грабежах мирного населения, изымал у крестьян продукты, отбирал лошадей и т.д.» [18, с. 192].

Некоторые местные немцы, служившие в российской армии, попали в плен, многие покинули регион вместе с уходившими кайзеровскими войсками в 1918 г. Сконкретизируем данную ситуацию на примере заходских немцев. Вильгельм Минц (был в

Германии в плену, в 1921 г. вернулся), Густав Гертус (с 1918 по 1921 г. – в Германии), Ляндольф Гефке (с 1917 по 1924 г. жил в Германии), Густав Мительштейн (находился в Германии с 1918 по 1922 г.), Рихард Мительштейн (в 1918-1922 г. был в Германии), Эрих Грунвальд (во время войны был в Германии), Эмиль Грунвальд (во время отступления немцев в 1918 г. с семьей выехал в Германию, во время оккупации Беларуси поляками в 1920 г. - вернулся), Вильгельм Минц (попал в плен, работал у помещика), Эдуард Гефке (с отступлением немцев выехал в Германию, осенью 1922 г. вернулся) [12, Д. 15881-с, 18401-с, 16568-с, 10097-с].

После окончания мировой войны, перехода от внутривойсковых коллизий к мирной жизни немецкая община в регионе восстанавливается. К началу 1920-х гг. немецкое население представляло собой значимое и самобытное этнокультурное явление в Восточном Полесье.

Список источников и литературы

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 299. Оп. 2. Д. 1458.
2. НИАБ. – Ф. 22. Оп. 1. Д. 1268.
3. Рудовіч, С. Этнічныя супольнасці Беларусі ў палітыцы царызму перыяду першай сусветнай вайны (ліпень 1914 – люты 1917 гг.) // Этнічныя супольнасці Беларусі: гісторыя і сучаснасць. Матэр. навуц. канф. – Мінск: «Дэполіс», 2001. – С. 177–182.
4. НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 8628.
5. НИАБ. – Ф. 295. Оп. 2. Д. 19.
6. НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 8628.
7. Пичуков, В. П. Немцы белорусского Восточного Полесья в годы Первой мировой войны // Страницы военной истории Гомельщины: материалы науч.-практ. конф. /ред. кол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Гомель, 2008. – С. 186-193.
8. НИАБ. – Ф. 295. Оп. 2. Д. 562.
9. Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917 / Сост. В. Ф. Дизендорф. – М.: МФД: Материк, 2006. – 780 с.
10. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 2. Д. 16544.
11. Нелипович, С. Г. Генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить, и без нежностей...». Депортации в России 1914-1918 гг. // Военно-исторический журнал. – 1997. – №1. – С. 42–53.

12. Архив Управления КГБ Республики Беларусь по Гомельской области.

13. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 2. Д. 16433.

14. Иностранцы подданные в Беларуси (конец XVIII – начало XX в.) /сост. И. Л. Вернер; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск: Тип. Макарова и К, 2012. – 528 с.

15. НИАБ. – Ф. 325. Оп. 2. Д. 421.

16. НИАБ. – Ф. 325. Оп. 2. Д. 341.

17. НИАБ. – Ф. 325. Оп. 2. Д. 327.

18. Пичуков, В.П. Немцы белорусского Восточного Полесья в годы Первой мировой войны // Страницы военной истории Гомельщины: материалы науч.-практ. конф. /ред. кол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Гомель, 2008. – С. 186–193.

УДК 94:316.334.56(476+470) «1914 – 1917»

М. И. Старовойтов

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В 1914-1918 ГОДАХ

Модернизация экономики Российской империи с конца 19 в. и до 1914 г. в целом способствовала ее интенсивному развитию. Первая мировая война сильно повлияла на изменения демографического и национального состава населения России. Социально-экономическое положение в городах пограничья постоянно ухудшалось. Сильное сокращение численности населения в 1918–1920 гг. и слабый естественный прирост в 1921–1922 гг. привели к тому, что в крупных городах пограничья число их жителей в 1926 г. не достигло уровня 1914 г.

Обозначенная нами проблема до сих пор не нашла достаточного освещения в белорусской и российской историографии, хотя этому военно-революционному периоду посвящено множество научных и публицистических работ. Автором предпринята попытка, с учетом объема публикации, охарактеризовать социально-экономическое положение населения белорусско-российского пограничья (БРП) в рассматриваемый период.

Модернизация экономики Российской империи с конца 19 в. и до 1914 г. в целом способствовала ее интенсивному развитию. Однако по валовому национальному продукту на душу населения, по социальному и культурно-образовательному уровню развития абсолютного его большинства Россия заметно уступала Великобритании, Германии, США, Франции и даже Австрии. Первая мировая война резко усугубила это отставание. Догоняющий уровень развития России не способствовал тому, чтобы выдержать войну с ведущими великими державами, поэтому российский тыл рухнул первым, отмечает Д. Левин [11, с. 51].

Война сильно повлияла на изменения демографического и национального состава населения России. Резко уменьшилось количество мужчин в крестьянских хозяйствах. Всего было мобилизовано около 16 млн. человек. Примерно половина всех трудоспособных мужчин были призваны в армию (из 1 000 человек – 474). Из каждых 100 хозяйств было оторвано 60 трудоспособных мужчин, из-за чего более половины хозяйств остались без кормильцев [15, с.4]. По белорусско-российскому пограничью эти показатели оказались следующими. Из Витебской губернии было мобилизовано в армию 52,2% всех трудоспособных мужчин или 70 человек на 100 хозяйств, Могилевской – 50,7% (80 на 100 хозяйств), Орловской – 47,4% или 70 человек и от 43,9% в Смоленской – 43,9% или 60 человек [15, с. 21. Как видим, мобилизация в армию больше повлияла на ухудшение ситуации в белорусских губерниях пограничья. В селах в своих этнических территориях БРП проживало 90-94% белорусов и до 98% русских. Их потери сказались на уменьшении численности восточнославянского этноса в регионе.

В тяжелейших социально-экономических условиях оказались беженцы, о чем имеется значительная историография. Автор уже обращал внимание на то, в какой мере беженство затронуло население белорусских губерний и, прежде всего, этнических белорусов. Точной статистики о беженцах нет. Это связано с тем, что организации помощи беженцам учитывали лишь тех беженцев и высленцев, которые находились на их иждивении. Для получения данных о беженцах-белорусах нами проведем расчеты от 1,32 млн. до 1,8 млн. общего количества беженцев из белорусских губерний. Мы допускаем, что полученные данные от 133 тыс. до 390,6 тыс. (среднестатистический показатель – 262 000 чел.) белорусов-беженцев являются еще более приблизительными, но точных цифр пока еще никто не приводил. Если учесть, что из Минской, Витебской и Могилевской губерний беженцев было меньше в 4,23 раза, чем из Гродненской и Виленской губерний,

которые дали абсолютное большинство польских, еврейских, русских, литовских, латвийских, украинских и немецких беженцев, а из Могилевской – всего около 2 тыс. человек, то полученные нами данные о беженцах-белорусах могут оказаться еще меньшими [17, 19]. Учитывая, что иногда велся двойной учет беженцев, что в неоккупированных частях Беларуси – Виленской, Минской, Витебской и Могилевской губерниях – среди всех беженцев православные белорусы и русские составляли 101 587 чел., а католики-белорусы и поляки – 106 198 человек [10, с. 294], то можно предполагать о еще меньшем количестве этнических белорусов-беженцев, оказавшихся за пределами своей этнической территории. Нет оснований завышать численность этнических белорусов, оказавшихся в сложных и экстремальных условиях беженства. Исследовательница из Санкт-Петербурга В. С. Утгоф установила, что среди беженцев из Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и Витебской губерний значительной группой являлись белорусы [22, с. 17]. Абсолютным большинством среди беженцев из белорусских губерний этнические белорусы не были. Это подтверждается и данными по реэвакуации беженцев.

Документы по реэвакуации беженцев на родину дают основание считать, что этнических белорусов возвращалось меньше, чем представителей других национальностей. Так, за период с 12 по 31 июля 1918 г. через Оршу было отправлено в Царство Польское 10 367 человек, в Литву – 12 181 и в Белоруссию (сохранено название того времени) – 2 037 человек. За август через этот же пункт в Царство Польское отправили 9 846 беженцев-одиночек (осталось 266), в Литву – 10 899 (379), в Белоруссию – 3 381 (131), в Украину – 3 892 (1 021). В сентябре отправка этой категории беженцев количественно уменьшилась. С 1 по 16 сентября через Оршу в Царство Польское отправили 2 096 беженцев-одиночек (осталось 920), в Литву – 926 (1 803), в Белоруссию – 1 121 (481), в Украину – 2 409 (87). Зарегистрированных в Оршанской коллегии беженцев-одиночек в сентябре отправили на родину уже с указанием губерний. В 9 губерний Царства Польского отправили 2 490 человек (осталось 253), Виленскую, Гродненскую, Ковенскую и Сувалковскую Литвы – 4 008 (740), в Белоруссию (Минскую – 1 815 (374), Могилевскую – 495 (4), в Украину (губернии не указаны) – 3 132 (414) [12, лл. 58, 60-об, 61, 62]. Как видим, в Белоруссию отправлялось меньше беженцев, чем в другие регионы.

Не все могли или хотели возвращаться на родину. Только в Орше в августе-сентябре осталось 5 786 беженцев, из которых 990 должны были быть направлены в Белоруссию. Причины были

разными. Немцы при пропуске беженцев отдавали предпочтение колонистам, зажиточным, материально обеспеченным беженцам, которые могли купить подводы у германских агентов, пытались завербовать трудоспособных и чинили препятствия для реэвакуации стариков и других нетрудоспособных элементов. Они руководствовались исключительно национальными принципами, пропускают коренных поляков, литовцев. Например, через Оршу прошло к ноябрю 1918 г. 90 000 беженцев. Здесь немцы снимали отпечатки с пальцев и отправляли копии в полицейское бюро в Варшаву. В Орше присутствовали представители «новообразованных государств» Украины, Литвы, Латвии. Украинский представитель отдавал предпочтения для пропуска богатым, чем беднякам. Кто-то передумал возвращаться на родину и решил обосновываться в России, т.к. одиночки были более мобильными. Как видим, белорусы здесь не указаны среди беженцев. Не было в пунктах отправки и представителей от Белоруссии.

На первой конференции представителей коллегий о пленных и беженцах Западной области в начале августа 1918 г. было указано, что конференция констатировала, что общего плана реэвакуации нет. Цифра в 2 500 000 беженцев, которых надо эвакуировать, касается оккупированных территорий и в значительной мере преувеличена. Часть уехала неорганизованно, часть беженцев пожелает остаться в России. Многие изъявили желание уехать из Советской России из-за гражданской войны реквизиций, конфискаций, национализаций и других социальных опытов. Их не надо считать беженцами, а причислять к буржуазии, которая не хочет мириться с советскими порядками. Реэвакуация не может продолжаться 1,5 года [14, лл. 13, 14-об, 15, 16, 16-об, 17 – 17-об.-18-18-об].

Хотя состояние источников не дает возможность выразить в цифрах точные размеры беженства, но в этих процессах белорусам, в абсолютном большинстве крестьянскому населению, была присуща своя специфика. Их было меньше в общем количестве беженцев из Белоруссии и размещались они в основном в уездах, а не в городах как евреи, поляки, литовцы и др.

Компаративистский анализ проблемы позволил впервые в белорусской историографии путем логически аргументированных расчетов получить достаточно адекватные абсолютные показатели о количестве белорусов-беженцев от общего числа беженцев из Белоруссии. В годы Первой мировой войны беженство и депортации оказали влияние на естественный и механический прирост населения,

но они не привели в целом к значительному уменьшению абсолютной численности белорусов в местах их этнических территорий.

Самодержавный строй не смог разрешить непримиримые внутренние противоречия, которые до крайности обострились в годы войны. Социально-экономическое положение населения и в неоккупированных белорусских губерниях, и в соседних российских губерниях резко ухудшалось с одинаковыми последствиями.

Даже такая достаточно высококвалифицированная и имеющая более высокие заработки часть рабочего класса России как рабочие железнодорожных мастерских, военных заводов оказались в эпицентре революционных событий. Это хорошо видно на примере рабочих Гомеля и Брянска.

В городах этого большого пограничного прифронтового района численность населения значительно выросла за счет военнотружущих, мобилизованных и вольнонаемных рабочих, беженцев. Она составила в Витебске 130 тыс., Минске – 200 тыс., Могилеве – 86 тыс., Гомеле – 150 тыс., на Брянском заводе (так в документе, а не г. Брянск) – 80 тыс., Смоленск – 86 тыс. [5, с. 1–3]. Численность же бывших постоянных жителей уменьшилась. Так, по данным переписи 1917 г. численность населения г. Гомеля составила 64 756 чел. [4, с. 4, 5, 17, 19].

Социально-экономическое положение в городах пограничья постоянно ухудшалось. С лета 1915 г. начало расти забастовочное движение рабочих, экономические и политические требования которых становились все более решительными. Этим воспользовались большевики и усилили свое влияние на рабочий класс.

Гомельские железнодорожные мастерские (ГЖМ) были одним из самых крупных предприятий Белорусского района. В 1914 г. в них работало 1 500 человек. Мастерские и в целом железнодорожный узел как градообразующий фактор ускорили развитие г. Гомеля. Социально-культурный облик железнодорожников, рабочих депо и мастерских требовал постоянного повышения, что обуславливалось профессиональной деятельностью. К 1913 г. среди рабочих мастерских и депо Белоруссии было 87,6% грамотных. С конца XIX в. на ст. Гомель действовала больница (хирургическое, терапевтическое и венерическое отделения). Однако только 8 врачей, 1 помощник врача и 30 фельдшеров обслуживали эту больницу и 7 врачебных участков всей Либаво-Роменской железной дороги. Это не могло удовлетворять потребности, как железнодорожников, так и пассажиров. Заработная плата рабочих и служащих мастерских и депо Белоруссии за 1900–1913 гг. увеличивалась на 18,4%. В среднем она

составляла 30 руб. 56 коп. в месяц и была на 42,6% выше, чем у рабочих промышленности. Но этого не хватало для нормального пропитания семьи. [7, с. 175-177. 192, 195].

Тяжелые условия труда и быта, 13-14 часовой рабочий день, не всегда качественные продукты питания (и по завышенным ценам), которые рабочие приобретали в магазине мастерских по «заборным картам» с последующим вычетом зарплаты, болезни, травматизм вызывали постоянное недовольство среди рабочих. Социально-экономическое положение резко ухудшила начавшаяся война. В 1915 г. в Гомель эвакуировали Либавские мастерские с людьми и оборудованием. В двух построенных зданиях барачного типа разместили оборудование. Для семей эвакуированных рабочих был построен «Либавский городок» из 14 бараков [13].

В 1916 г. в Гомеле скопилось большое количество воинских частей, автомобильный, воздухоплавательный, артиллерийский парки, воинские склады и базы. Действовал пересыльный пункт. Были развернуты госпитали. Насчитывалось большое количество военных. Около 10 000 – 14 000 тыс. мобилизованных мастеровых и рабочих из Москвы, Петрограда, Урала, Сибири и других регионов России [20, с. 85].

Культурно-образовательный уровень рабочих и служащих мастерских, железнодорожников, их уровень материального благосостояния, хотя и был выше, по сравнению с другими категориями населения, но большая часть рабочих и железнодорожников оказались во главе и гуще революционных событий 1917 г. ГЖМ становятся центром борьбы рабочих Гомеля за свои права. В мастерских была создана социал-демократическая группа Полесского комитета РСДРП (б). Экономические требования все чаще стали дополняться и политическими. Рабочие мастерских избрали своих представителей в состав милиции, активно готовили и участвовали в первомайской демонстрации, в июльских выступлениях рабочих, в борьбе с корниловщиной. После получения известия о переходе в Петрограде власти в руки Советов рабочие-железнодорожники на многотысячном митинге выступили против передачи власти в Гомеле «Украинской раде». Они поддержали большевиков: представителя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов А.И. Жилина и фронтовик Берзина. Рабочие в составе красногвардейских отрядов включились в конце 1917 г. в нормализацию жизни на транспорте и в городе [13; 21, с. 248].

Не лучшим положение было и на предприятиях Брянщины. Весной 1914 г. бастовали 8 тыс. рабочих Брянского завода в Бежицах,

который выпускал военную и сельскохозяйственную продукцию. Рабочие Дятьковского хрустального завода требовали 8-часового рабочего дня и отмены выдачи зарплаты «харчами». Участвовали в забастовках работники Мальцевской железной дороги [8, с. 56].

В Брянск война пришла вместе с мобилизационными повестками и эшелонами раненых. В городе и уезде действовало 22 госпиталя. Проблему усугубляли десятки тысяч беженцев, которые в 1915 г. добавились к 30 тыс. населению Брянска. Ситуация осложнилась весной 1916 г., когда города остались без хлеба и начались перебои в снабжении солью и керосином. Нарастало забастовочное движение, которое развернулось на многих предприятиях. Эпицентром стал Брянский завод, где с 23 марта до начала мая 1916 г. произошла самая крупная забастовка в России. На работу не вышли все 16 тыс. человек. Был создан Совет рабочих уполномоченных, в который вошло 38 представителей от цехов. Рабочие выдвинули не только социально-экономические требования, но политические – прекращение войны. В ходе следствия было установлено, что требования рабочих по зарплате были справедливыми, т. к. зарплата «была действительно очень низка». Требования частично удовлетворили, но начались репрессии. На фронт отправили 2 тыс. военнообязанных, а 7 тыс. человек уволили. Обстановка на Брянском заводе оставалась напряженной. Власть не могла дать ни хлеба, ни мира и начала воевать против собственного народа [8, с. 71, 73, 75–76].

Многотысячные демонстрации 1 мая 1917 г. прошли в Брянске и Бежице. После июльских событий в Петрограде и разгрома корниловского мятежа большевики стали получать поддержку не только у рабочих, но и у солдат различных воинских частей, дислоцированных на Брянщине. Это подтвердила и Орловская губернская конференция большевиков, которая состоялась именно в Брянске 22–25 сентября 1917 г. Экономическое положение на Брянщине продолжало ухудшаться. Острая нехватка продовольствия привела к резкому росту спекуляции, с которой местная власть уже не могла справиться. К началу октября большевики заняли ключевые позиции в Советах Брянска и Бежицы. На солдатских собраниях принимались решения о передаче власти Советам. Опасаясь дальнейшей большевизации армии, Главнокомандующий Западным фронтом генерал П. С. Балувев 14 октября отдал приказ о расформировании воинских частей Брянского гарнизона. Исполком Брянского Совета принял решение не исполнять этот приказ. После

событий в Петрограде переход власти к большевикам в Брянске произошел раньше, чем в других городах России [8, с. 85–88].

Общеизвестно, и это не надо забывать, что женщины Петрограда начали 22–23 февраля бунт и потребовали «Хлеба!». Затем на сторону рабочих перешли солдаты, которые отказались стрелять в женщин. Продовольственная проблема оказалась самой острой именно в городах. По данным Всероссийского союза городов, в 60 городах России, в т.ч. Минске, Витебске, Могилеве, Гомеле в январе 1917 г. назревал голод, т.к. не было «ни хлеба, ни мяса, ни топлива». Николай II в рескрипте от 6 января 1917 г. обязывал правительство обеспечить армию продовольствием и снизить продовольственные трудности в тылу, надеясь, что Госсовет и Дума помогут правительству [9, с.111]. Но этого не произошло. Ц. Хасегава отмечает, что власти не способны были «согласовать интересы конкурентов в продовольственном снабжении» и считает, что Г. М. Катков «доказывал, что власти демонстрировали чудовищную неумелость, недальновидность, слабонервность, бестолковость и отсутствие руководства... Эта некомпетентность никоим образом не случайна, но укоренена в структурной слабости самого режима» [23, с. 61, 63].

Не решило продовольственную проблему и Временное правительство. Осенью 1917 г. в России, в т.ч. и Белоруссии (название общепринятое в то время) сложилось катастрофическое положение в экономике, вновь назревал голод. В начале августа Минский городской продкомитет констатировал, что на складах нет запасов муки и нет надежд на ее получение. В октябре в городе выдавали по 3 фунта хлеба на 2 недели на человека. Ни введенная в 1916 г. царским правительством продрозверстка, ни введенная Временным правительством государственная монополия на хлеб не решали продовольственного кризиса [9, с. 117].

Помимо существовавшей земской программы собирания сведений о видах на урожай Особым Сопровождающим по продовольствию была введена отдельная программа сбора сведений о состоянии хлебов на каждое 1 и 15 число месяца в течении лета 1916 г. На лето 1917 г. была введена программа Министерства продовольствия. Порядок получения сведений был признан удовлетворительным [3, лл. 25-об, 32.]. Хлеба от этого больше не стало. С мая-июня началось введение продуктовых карточек. Положение в сельском хозяйстве катастрофически ухудшалось. Женщины, старики и дети не могли заменить мужчин мобилизованных в армию.

Временное правительство и после ликвидации мятежа продолжало деятельность, направленную на подавление демократических свобод и

разгром революционного движения. Его антинародная политика в области экономики привела осенью страну почти к катастрофе. Пришел в упадок транспорт, промышленные предприятия закрывались, расла безработица и дороговизна. Запасы продовольствия кончались. 25 сентября комиссар Минского военного округа направил министру продовольствия и Верховному главнокомандующему телеграмму, в которой предупреждал о приближении голода. В Минске в октябре на человека выдавалось по 3 фунта хлеба на две недели. Не лучшим было положение и в других городах Белоруссии. 13.09 председатель Могилевского продовольственного комитета сообщал министру продовольствия о тяжелом положении с продуктами в губернии, о возможных в связи с этим волнениях. Даже буржуазная пресса писала о продовольственном кризисе в Гомеле, Витебске, Могилеве и других городах. Причиной такого положения были не только империалистическая война, которая все еще продолжалась, и вызванный ею разлад хозяйства. Буржуазия и помещики сознательно вели дело к обострению экономической разрухи, организовали саботаж на производстве, надеясь экономической катастрофой положить конец революционному движению. Однако реакции не удалось подавить революционное движение с помощью голода и безработицы. Борьба с корниловским мятежом и экономическая катастрофа, которая надвигалась, в значительной мере ускорили «полевение» масс и способствовали усилению классовой борьбы. Влияние большевистской партии на массы быстро росло [20, С. 84–85].

В начале октября 1917 г. валовая продукция цензовой промышленности Витебской и Могилевской губерний составила 54,4% от уровня 1913 г. [9, с. 117]. Многие заводы и фабрики останавливали работу, либо вообще закрывались. В Брянске в основном работали только заводы, где выполнялись военные заказы.

Война усугубила положение трудящихся масс, как города, так и села. По мнению В. Булдакова непреодолимые противоречия между запоздалой, неравномерной и болезненной модернизацией и отсталым полуфеодальным социально-политическим устройством государства погубили Российскую империю в 1917 г. [2].

Попытка адаптировать население к тяготам и лишениям военного времени и патриотического поддержания войны до победного конца в условиях разлагавшейся системы управления не дали желаемого результата. Тяжелейшее социально-экономическое положение в стране вывело рабочих на улицы и сделало их активными участниками Российской революции 1917 г. Значительная часть крестьянства в лице солдатской массы стала активным

участником революционных событий 1917 г. Это одна из главных причин победы большевиков.

Н. А. Бердяев, который неприязненно относился к В. И. Ленину и большевикам считал, что «революция октябрьская есть настоящая народная революция в ее полном проявлении». В фундаментальной работе «Истоки и смысл русского коммунизма» он определил основную причину революции: «Мир господствующих привилегированных классов, преимущественно дворянства, их культура, их нравы, их внешний облик, даже их язык, был совершенно чужд народу – крестьянству, воспринимавшему как мир другой расы, иностранцев» [1, с. 111].

Профессор МГУ В. П. Смирнов на основании анализа значительного количества совокупных фактов делает вывод: «В конце 1916 – начале 1917 гг. в России наступил глубочайший экономический и политический кризис. Колоссальные потери, развал экономики, недостаток продовольствия вызвали недовольство во всех слоях общества. Армия устала воевать. Солдаты больше не хотели умирать «за веру, царя, Отечество» [16, с. 5, 69].

Война забрала не только людские силы, но и огромную долю народного дохода. Комиссией по обследованию санитарных последствий войны было установлено потери. Россия потеряла за время войны 775 400 человек убитыми. Различные увечья получили 348 500 человек. Примерно половина мобилизованных получили ранения разной степени тяжести. Почти 3,5 млн. человек томились в плену в австрийских и германских лагерях. Это только одна часть народных бедствий, вызванных войной. Уменьшилась рождаемость и увеличилась смертность населения. Материальное благосостояние ухудшилось из-за беспрерывных реквизиций, ослабления хозяйств, при отсутствии рабочей силы и разрушений их в зоне военных действий. На общем физическом состоянии населения сказалось то, что около 50% участников войны был нанесен значительный ущерб здоровью [15, с. 5].

За 40 месяцев войны на душу населения (с учетом обесценивания денег к концу 1917 г. в 3 раза) пришлось 180 руб. военных расходов, а на хозяйство в среднем вышло 1 500 руб. В мирное время крестьянское хозяйство со всем его скарбом оценивалось при самых лучших условиях в 500 руб. За 4 млн. лошадей, повозки и упряжь для армии населению уплатили 400 млн. руб., а пособиями солдатским семьям за годы войны выплатили 5 715 млн. руб. К 1918 г. долг России достиг 65 млрд. руб., т.е. более

половины национального богатства. На душу населения приходило 361 руб. [15, с. 6].

Сильное сокращение численности населения в 1918 – 1920 гг. и слабый естественный прирост в 1921 – 1922 гг. привели к тому, что в крупных городах пограничья (по нашим подсчетам) число их жителей в 1926 г. не достигло уровня 1914 г. [18, с. 135].

В этих людских потерях и материальных затратах есть трагическая и затратная доля населения белорусско-русского пограничья. Материальное положение и социально-культурный облик населения резко понизились. В начале 1920-х годов население пограничного региона и, прежде всего белорусской его части, оказалось в условиях экономического, социального и духовного кризиса, который был вызван последствиями Первой мировой войны, гражданской войны, германской и польской оккупацией. В таком состоянии население начинало новые социалистические преобразования.

Список источников и литературы

1. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – СПб.: Азбука СПб, 2016. – 224 с.
2. Булдаков, В. Вся история России – это движение от смуты к смуте // [lenta.ru>articles/2016/04/10/revolution/](http://lenta.ru/articles/2016/04/10/revolution/). Дата доступа 23.10.16.
3. Государственный архив Могилевской области (ГАМО). Ф. 1. Оп 1. Д, 1.
4. Городская перепись 1917 г. Могилевская губерния. – Могилев: Тип. И. Б. Клаза и М.Л. Кагана, 1918 – 64 с.
5. Известия Особого Совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное Собрание. – № 88. – 1917. – 23 авг.(5 сент.). – С. 1–4.
6. Известия Особого Совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное Собрание. – № 90. – 1917. – 27 авг.(9 сент.). – С. 1–3.
7. История Белорусской железной дороги. Из века XIX – в век XXI / В.В. Яновская и др. – Минск: Маст.літ., 2012. – 955 с.
8. История Брянского края. XX век. / Ответ. ред. В. В. Крашенинников. Клинцы, 2003. – 450с.
9. Казлякоў, У. Я., Сташкевіч, М.С. Рэвалюцыйны 1917-ы год. Стварэнне беларускай дзяржаўнасці // Беларусь на мяжы тысячагоддзяў. – Мінск: БелЭн, 2000. С. 111–124.
10. Лапановіч, С. Ф. Бежанцы з Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1915-1917 гг.) // Европа: актуальныя праблемы

этнокультуры : материалы II Междунар. науч.-теорет. конф., . Минск, 25 апр. 2008 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол. В. В. Тугай (отв. ред) [и др.]. – Минск: БГПУ, 2008 . – С. 292–295.

11. Ливен, Д. Россия, Европа и Первая мировая война // Критический словарь Русской революции: 1914 – 1921 / Сост. Э. Актон и др. – СПб: Нестор-История, 2014. – С. 52–60.

12. Материалы (приказы, циркуляры, отчеты) об образовании и деятельности коллегии о пленных и беженцах Западной области за 1918 год // Государственный архив Смоленской области (ГАСО). – Ф. Р–161, Оп.1, Д. 446.

13. Музей ЗАО «Гомельский вагоноремонтный завод». История возникновения и развития Главных Гомельских мастерских. Машинопись. Глава IV. 1917 год. Б. н. стр.

14. Протоколы заседаний коллегии Западной области о пленных и беженцах. – ГАСО. – Ф. Р-161, Оп.1, Д. 445.

15. Россия в мировой войне 1914 – 1918 года (в цифрах). – М., 1925 – 101.

16. Смирнов, В.П. Две войны – одна победа. – М.: АСТ-Пресс, 2015. – 414 с.

17. Старовойтов, М.И. Миграционные процессы в белорусско-российско-украинском пограничье (конец XIX – 1917г) // Журнал международного права и международных отношений / М. И. Старовойтов – 2008 № 3. – С. 41–48.

18. Старовойтов, М.И. Изменение национального состава населения Белорусско-Российско-Украинского пограничья в условиях геополитических конфликтов (1917 – 1920 гг.) / М. И. Старовойтов // Романовские чтения-9: сб. статей Междунар. науч. конф. / под общ. ред. Н. М. Пурышевой. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2013. – С. 134–137.

19. Старовойтов, М. И. Белорусские беженцы в российских городах и губерниях в 1915-1918 годах/ Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект (к 100-летию Русской революции 1917 г.). Сб. материалов международной науч. конф. / под общ. ред. В. А. Веремко. – СПб. : Культурно-просветительское товарищество, 2017. – С.232–238.

20. Старовойтов, М. И. Белоруссия в 1917 / М. И. Старовойтов // Россия в 1917 году: энциклопедия / [отв. ред. А. К. Сорокин]. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – С.83–86.

21. Старовойтов, М. И. Гомельские паровозные и вагонные мастерские // Россия в 1917 году: энциклопедия / [отв. ред. А. К. Сорокин]. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – С.247–248.

22. Утгоф, В. С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг.: Автореф. дис ... канд. ист. наук. – СПб., 2003. – 21 с.

23. Хасегава, Ц. Февральская революция // Критический словарь Русской революции: 1914 – 1921 / Сост. Э. Актон и др. – СПб: Нестор-История, 2014. – С. 60–71.

УДК 94:352.075(476.2-21Гомель)"1912/1916"

Г. А. Алексейченко

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ ГОМЕЛЯ В ВОЕННЫЕ ГОДЫ: ХРОНИКА И АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются основные направления муниципальной политики г. Гомеля, связанные с жизнеобеспечением городского населения, военных и беженцев и реализации отдельных программ помощи фронту. Автор приходит к выводу, что на фоне обострения общего кризиса и роста радикальных настроений в городе муниципальные власти стремились к решению большинства конкретных вопросов путем открытых консультаций и принятия согласованных позиций.

Муниципальная власть Гомеля вступила в военное время, «инерционно» сохраняя настроения, планы и задачи предшествовавших мирных лет, которые были отмечены достаточно смелыми и резонансными шагами по консолидации муниципальных деятелей и общественности в масштабах Российской империи. Совещание деятелей по городскому хозяйству, проведённое в Петербурге в конце 1912 нацеливало на стратегию системного «обновления городов» и ставило своей целью скоординировано и настойчиво добиваться «полной реформы муниципального уклада» [1, с. 20–21]. В качестве её «главных рычагов» рассматривались радикальная перестройка городской финансово-бюджетной сферы освобождение её от ряда казенных «обязательных расходов» и бюрократического контроля, передача ряда местных сборов в муниципальный бюджет, либерализация режима использования городской земли, недвижимости и хозяйственных объектов в интересах повышения муниципальных доходов и др.

Гомельская городская дума в конце декабря 1912 специально рассмотрела эти решения, заслушала отчёт своих представителей на

совещании И.В. Домбровского, И.Л. Медведева и С.Д. Шабуневского и высказала поддержку принятым в Петербурге решениям [2, л. 25].

Солидарно намеченный курс «на более тесное объединение городов» в целях координации программы муниципальных реформ [1, с. 11] нашла своё логическое продолжение в августе 1914 года, когда был создан Всероссийский союз городов (ВСГ), которым объединенными усилиями вместе с Всероссийским земским союзом были сформированы две «горизонталы» местной и региональной власти [3, с. 58]. В эти дни в Гомеле оперативно был создан Гомельский комитет ВСГ под председательством гласного думы Д. Ф. Рукавишника [4], была установлена связь с руководящими органами союза и контакты с отдельными городами.

В хронику муниципальной жизни Гомеля 1914 год вошёл как время проведения выборов городской думы нового состава и формирования её исполнительных органов. По итогам выборов корпус гласных думы обновился более чем на половину [Ср.: 5–6], однако муниципальная власть под руководством нового городского головы Ф. М. Фен-Раевского сумела сохранить преемственность как по составу думских гласных (около $\frac{1}{4}$ составляли опытные и компетентные городские деятели), так и по структуре и механизмам взаимодействия думы с её исполнительными органами.

Характерно, что на протяжении 1914 – 1916 гг. под постоянным контролем муниципальных органов сохранялся целый комплекс «довоенных» вопросов, большая часть которых была связана с содержанием и модернизацией коммунального хозяйства города (водопроводная система, ремонт и освещение улиц, телефонная сеть и др.) [7, л. 6–8 об.; 8, л. 3–7; 9, л. 65–101].

После успешного завершения 25-летней борьбы за открытие в Гомеле мужской и женской гимназий [10, с. 75–76] городские власти с 1915 г. планировали «подтянуть» сеть начальных учебных заведений. Городская дума постановила «открыть 10 новых начальных училищ в городе, предместье (Ново-Белица) и за линией железной дороги и новое ремесленное училище» [11, с. 36]. Ставилась задача сохранить существовавшую ранее систему поддержки учащихся города через отлаженный механизм благотворительной помощи и связанной с ним общественно-культурной инфраструктуры.

Однако ход войны вносил неизбежные коррективы в жизнь города. Уже осенью 1914 г. гомельские предприятия и мастерские металлообрабатывающего профиля были переведены на выпуск и ремонт оружия, боекомплектов и военной техники. Дополнительно в этот промкомплекс включались эвакуированные в Гомель

предприятия и мастерские [12, с. 440–441]. Организационное, транспортное и топливно-сырьевое обеспечение этой программы в форсированном режиме проводилось благодаря координации усилий военного ведомства, губернских властей и Всероссийского союза городов. Однако оперативный уровень решения большинства конкретных вопросов взяли на себя муниципальные власти Гомеля.

Почти одновременно они включились в решение еще одной острой проблемы первых месяцев войны – организации экстренной помощи военному ведомству и РОКК в медицинском обеспечении эвакуированных с фронта раненных и больных, а также ускоренной подготовке младшего медперсонала [13, с. 170–171]. Оперативно созданный в Гомеле под руководством авторитетных думских гласных И.П. Максимова и К.П. Сапожкова комитет Российского общества Красного Креста, опираясь на сформированную в довоенный период оптимальную медико-клиническую инфраструктуру и ее кадровый потенциал смог не только выполнять текущие задачи помощи раненым (в городе действовало 8 госпиталей), но и в относительно короткий срок подготовить более 100 сестер милосердия [14].

С лета – осени 1915 г. возникла еще одна масштабная проблема – массовое движение беженцев из прифронтовых районов. На совещаниях военных властей и ВСГ Гомель был выделен в качестве одного из промежуточных центров «фильтрации» беженцев, направлявшихся на восток. В этот период через Гомель проходило от 5 до 10 тысяч беженцев ежедневно, многие из них остро нуждались в пропитании и медико-санитарных услугах. Сложность ситуации определялась и тем, что уже к началу августа 1915 г. в Гомеле «осело» около 6 тысяч человек и количество прибывавших в город беженцев не сокращалось [15, с. 80]. В этих условиях под руководством городского головы Ф.М. Фен-Раевского было создано Гомельское отделение по устройству беженцев, которое в короткий срок построило временный жилой комплекс, получивший название «беженские бараки», и два пункта питания для беженцев в районе станций Полесской и Либаво-Роменской железных дорог [15, с. 80]. Координируя усилия с уездным земством, отделениями Татьянинского комитета и ВСГ, гомельские муниципальные власти добивались дополнительного субсидирования программы обеспечения беженцев, организовывали благотворительные акции, а также переправку детей-сирот в Москву и другие тыловые города.

После февральской революции 1917 г. новый состав городской думы Гомеля, избранный 12 июля на основе демократических и

свободных выборов, не смотря на широкий спектр политических сил и организаций внутри муниципальных органов, смог достигнуть целевого профилирования главных депутатских комиссий и отделов городской управы на решение продовольственной проблемы, обеспечения города топливом и медико-санитарной помощью. Для более эффективного управления этими сферами муниципальная власть поделила город на 10 районов, каждый из которых разбивался на участки, включавшие не более 50 семейств во главе с опекунами. Представители каждого района вместе с гласными думы, профсоюзными активистами и членами советов сформировали городской продовольственный комитет, который взял под жесткий контроль распределение продовольствия, организовал борьбу со скупщиками и спекулянтами, а также поставку осенью 1917 года хлеба и других продуктов питания из государственных резервов [16, с. 89–90].

В целях снятия социальной напряженности муниципальные власти контролировали вопрос о заработной плате и дополнительных выплатах разным категориям рабочих и служащих, организовали биржу труда, старались обеспечивать пособиями и благотворительной помощью нетрудоспособные категории городского населения [6, л. 4–6; 16, с. 90–91].

Повышение криминогенной ситуации в условиях скопления разнородных групп населения в Гомеле вызвало необходимость реорганизации милиции, создание отрядов самообороны, которая включала мужское население города в возрасте от 18 до 50 лет и других мер охраны порядка, в том числе при содействии советов и командования размещенных в городе воинских частей.

На фоне обострения общего кризиса и роста радикальных настроений в городе муниципальные власти стремились к решению большинства конкретных вопросов путем открытых консультаций и принятия согласованных позиций, основу которых составляло решение регионального съезда городских дум Западного края 10 ноября 1917 г. нацеленного на сохранение коалиции разных политических сил в рамках Комитета спасения революции. Даже после его ликвидации и назначении большевиками комиссаров муниципальные власти Гомеля стремились сохранить на городском уровне прежний формат коалиции разных политических сил. Только с 29 ноября 1917 г. городская дума официально размежевалась с большевиками, однако при этом сохранила в своих руках основной блок вопросов жизнедеятельности города до конца 1918 г [16, с. 91–93; 17].

Список источников и литературы

1. Совещание деятелей по городскому хозяйству в Санкт-Петербурге, 1–7 декабря 1912 г. – Б.м., 1913. – 27 с.
2. Наряд протоколов и переписка городской управы // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) – Ф. 2100 – ОП. 1 – Д. 26
3. Юрочкин М. А. Реформа городского самоуправления в Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв. – Гомель: Белницэкология, 2002. – 152 с.
4. Гомельские ведомости. – 21 июля 2015 г.
5. Гомельские ведомости. – 4 апреля 2015 г.
6. Наряд протоколов и переписка городской управы (23.01.1916 г. – 8.10.1916 г.) // НИАБ. – Ф. 2100 – ОП. 1 – Д. 87
7. Протокол заседаний городской думы и доклады управы по замощению // НИАБ. – Ф. 2100 – ОП. 1 – Д. 39
8. Наряд протоколов заседаний управы и переписка // НИАБ. – Ф. 2100 – ОП. 1 – Д. 48
9. Наряд протоколов заседаний управы и водопроводной комиссии (1916 г.) // НИАБ. – Ф. 2100 – ОП. 1 – Д. 85
10. Аляксейчанка Г. А. Гарадское самакіраванне Гомеля ў канцы XIX – пачатку XX ст. (хроніка і аналіз дзейнасці / Г. А. Аляксейчанка // Краеведение – основа духовного возрождения общества. – Гомель: ИПП «Сож», 1998. – С. 75-77.
11. Гомель и его уезд. Справочный сборник на 1915 г. – Гомель, 1915.
12. Гісторыя Беларусі: у 6 т. – т. 4 Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) – Мн.: Экаперспектыва, 2005. – 519 с.
13. Асташков А. Б. Союзы земств и городов и помощь раненым в первую мировую войну / А. Б. Асташков // Отечественная история. – 1992. – №6. – С. 169–172
14. Гомельские ведомости. – 14 декабря 2013 г.
15. Бабкоў А. М. Бежанцы на Гомельшчыне ў гады першай сусветнай вайны / А. М. Бабкоў // Гомельшчына: старонкі мінулага: нарысы. – II вып. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 1996. – С. 78–83
16. Валкавіцкі І. Г. Дзейнасць Гомельскай гарадской думы 1917 года / І. Г. Валкавіцкі. // Гомельшчына: старонкі мінулага: нарысы. – II вып. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 1996. – С. 88–93
17. Гомельские ведомости. – 12 октября 2017 г.

С. Б. Жихарев

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

ОСОВЕЦКИЙ КРЕПОСТНОЙ РАЙОН В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются отдельные аспекты Первой мировой войны, в частности ведение боевых действий на территории Беларуси. В столетний юбилей Первой мировой войны появились статьи белорусских и российских авторов в которых рассматривается проблематика фортификации, вооружения, наиболее значимых военных действий. В представленной статье исследуется роль крепости Осовец в противостоянии российской и германской армий.

Заметное влияние на развитие российского крепостного военно-инженерного дела последней трети XIX в. оказала франко-прусская кампания 1870–1871 гг. Практически сразу после завершения войны в Российской империи разрабатывались проекты строительства новых крепостей. В 1873 г. на официальном уровне принимается решение об усилении фортами существовавших в районе западных границ империи крепостей. Тогда к фортификационным сооружениям, требующим безотлагательной постройки, Особое совещание о стратегическом положении России отнесло на тот момент форт-заставу Осовец. Расположить будущую пограничную крепость-заставу военные инженеры планировали возле одноименного с ней местечка на Лыко-Белостокской железной дороге. Запирая Граево-Брестскую железную дорогу, Осовец таким образом преграждал противнику ближайший и удобный доступ к важному в стратегическом отношении Белостокскому железнодорожному узлу, становясь удобным плацдармом для перехода русских войск в наступление на Восточную Пруссию. И все-таки главным назначением Осовецкой крепости должна была стать оборона линии р. Бобр и ее переправы Шведский брод, названной так в связи с памятным событием Северной войны (в 1708 г. здесь осуществлялась переправа шведской армии Карла XII). Финансовые средства для проведения работ были выделены, и Главное инженерное управление приступило к съемке местности, разбивке и трассировке укреплений, составлению типовых чертежей новых фортов. Строительство

крепости началось в 1882 г. В течение 90-х годов XIX в. и первого десятилетия XX в. Осовец постоянно совершенствовался. С 1912 г. в крепости создавались эффективные убежища, способные выдержать длительный обстрел крупнокалиберной осадной артиллерии противника. В Первую мировую войну «игрушечная крепость» Осовец (оценка кайзера Вильгельма II) выдержала серьезные бомбардировки в сентябре 1914 и феврале 1915 гг., более полугодом оборонялась, пережила немецкую газовую атаку и не капитулировав, в итоге была эвакуирована.

Истории крепости Осовец в 1882–1915 гг. посвящен ряд работ, впервые изданных в 20–30-е гг. XX ст. К числу наиболее известных и доступных трудов, созданных в межвоенный период, можно отнести книги С. А. Хмелькова «Борьба за Осовец» [1] и В. В. Яковлева «История крепостей» [2]. Авторы довольно обстоятельно раскрыли основные этапы строительства крепости Осовец (устройство фортов и др. фортификаций), обозначили ее функциональное назначение, показали процесс непрерывного совершенствования военно-инженерных и иных сооружений в мирный период и во время боевых действий, их сильные и слабые стороны. Оценка состоянию крепости и действиям ее защитников в условиях первого года Великой войны выставлена названными исследователями как итог успешно сданного ими тяжелейшего боевого экзамена.

В столетний юбилей Первой мировой войны появились статьи белорусских и российских авторов в которых на основе неизвестных – в первую очередь архивных источников – исследованы малоизученные стороны темы «Оборона Осовца». Так, гродненские историки С. А. Пивоварчик и В. В. Калюта в статье «Русский Верден»: Осовецкая крепость в годы Первой мировой войны» [3] проводят эпическую параллель между двумя крепостями, расположенными на разных театрах боевых действий одной войны, выделив периоды обороны Осовца, а также факторы благоприятствовавшие успешному сопротивлению русской крепости.

В контексте истории химической войны о защитниках Осовца пишет в своей работе белорусский автор В. Н. Белявина [4]. Упомянув легендарную атаку 13-й роты 226-го пехотного Землянского полка на 18-й ландверный полк немцев, автор описывает состояние русских солдат и офицеров, подвергшихся отравляющему воздействию хлоро-бромистой субстанции: <...> Сотрясаясь от кашля, выплевывая на гимнастерки кровь и сожженные хлором обрывки легких, они с хриплым криком «ура» бросились в контратаку. Потрясенные видом «оживших трупов», немцы

отступили [4 с. 173]. В приведенном описании содержится неточность. В отчете об обороне крепости, составленном комендантом Осовецкой крепости генерал-майором Н. А. Бржозовским и начальником штаба крепости М. С. Свечниковым, немцы приняли бой. Следовательно, солдаты и офицеры 13-й роты не могли воевать, будучи без легких.

Заслуживает внимания статья историка А. Смирнова, опубликованная в журнале Родина под названием «Атака мертвых» (осуществлялась уже отравленными в результате немецкой газовой атаки защищавшими крепость солдатами и офицерами 13-й роты Землянского полка) [5]. Интерес вызывает также проведенный в статье скрупулезный анализ картины художника В. Нестеренко «Мы – русские, с нами Бог!», посвященной защитникам крепости Осовец. В центре внимания автора находится проблема соответствия полотна принципам историзма и документализма. Обнаруживая несоответствие многих деталей произведения реалиям исторической действительности, А. Смирнов реабилитирует автора картины справедливо замечая, что «полотно Василия Нестеренко – <...> это не наглядное пособие для изучения кампании 1915 г. на Русском фронте, а символ национального духа, глубоко волнующий образ, лекарство для души» [5, с. 50].

Продолжением героико-патриотического прочтения Осовецкой темы, но уже с позиций ее демифологизации стала вышедшая в это же время статья К. А. Пахалюка «Оборона крепости Осовец. О генеалогии одного героического нарратива» [6]. Исследователь призывает подходить с позиций строгой научной объективности к героизму и боевой работе гарнизона крепости, «не допускать свойственной для СМИ деформации фактов, почерпнутых из исторических источников, подчинение их привнесенным извне идеям, грубое использование для выполнения социальных функций» [6, с. 56]. В статье проводится мысль о недопустимости «<...> потребительского отношения к историческим реалиям, так как это может привести к выхолащиванию и искажению их смысла, приданию им содержания, прямо противоречащего изначальному». «Стремление же искусственно сделать историю актуальной», – отмечает К. А. Пахалюк, – «насытив ее как бы современными смыслами, неизбежно приводит к мифологизации» [6, с. 56]. К сожалению, не избежала медийного переосмысления и история обороны крепости Осовец.

Таким образом, история Осовецкой крепости в 1882–1915 гг. хорошо изучена в литературе. Как видно из приведенного выше

обзора, в центре исследовательского интереса находится крепость и ее позиции. Вместе с тем отсутствуют исследования, посвященные крепостной периферии Осовца, т. е. району в географическом и правовом отношении к нему тяготеющему. Речь идет в первую очередь о жителях близлежащих населенных пунктов, подвергавшихся воздействию «мощных силовых полей», генерируемых крепостью в лице ее коменданта и штаба в форме приказов, инструкций и распоряжений. Направленность их очевидна – это структурирование, организация и подчинение «жизненных ритмов» местного населения функциональным задачам крепости. Взаимодействие этих «двух миров» – с одной стороны гражданских людей (мещан, крестьян, землевладельцев, предпринимателей), с другой – профессиональных военных (артиллеристов, пехотинцев, кавалеристов), возникающие между этими занятыми решением диаметрально противоположных задач людьми коллизии, противоречия, особенно проявившиеся в связи с началом Первой мировой войны, – все это требует специального рассмотрения на основе тщательного изучения как источников личного происхождения, так и архивных документов.

Нужно также учитывать, что дважды (в 1914 и 1915 гг.) мишенями для семнадцати батарей артиллерии блокадного германского корпуса (минимум 68 тяжелых орудий) стал не только гарнизон Осовца, фортификации и окопы возле крепости, но и населенные пункты района Осовецкой крепости. Все они подвергались разрушительному воздействию русско-германской артиллерийской дуэли. Архивные документы зафиксировали случаи многочисленных попаданий снарядов или осколков в жилые дома, хозяйственные постройки, храмы. Факты полного или частичного разрушения объектов гражданского назначения в крепостном районе Осовца во время осады крепости зафиксированы в делопроизводстве Белостокской особой оценочной комиссии, специально созданной для оценки и возмещения имущественных убытков местному населению.

Не претендуя на полноту и всесторонность исследования заявленной выше проблемы, в статье на основе документальных (в первую очередь делопроизводственных) материалов Национального исторического архива Беларуси в Гродно предпринята попытка представить границы Осовецкого крепостного района и положение его жителей, оказавшихся заложниками опасного соседства с крепостью Осовец в 1914–1915 гг.

В конце XIX в. крепостной район Осовецкой крепости состоял из населенных пунктов и угодий (пахотные земли, сенокосные луга мещан, крестьян и помещиков), расположенных в радиусе 7 верст от крепости. По состоянию на 21 апреля 1888 г. в район входил г. Гониондз, деревни Шафранки, Гузы, Большая Крамковка, Богушек,

Кулешы-Косовка, Виляновка, урочище Устинок, Дембово, Соколи Гронд, Ольхова Дирога и Абрашупы, а также сенокосные луга помещиков Гарабурды, Антона и Ивана Нецецки, Ришарда и Петра Невяровских [7, лл. 5–5 об.]. Для местного населения это означало, что отдельные значимые стороны их повседневной жизни контролируются командованием крепости. Надзорные функции коменданта крепости распространялись на сферу имущественно-правовых отношений и непосредственно затрагивали «установление права собственности владения или пользования на недвижимые имущества в пределах крепостного района» [7, л. 2]. Процессуальная сторона совершаемых нотариальных актов неизбежно требовала санкции военной власти из крепости. Совершение любых гражданско-правовых актов «присутственными местами и должностными лицами осуществляется не иначе как по представлении сторонами удостоверений о неимении к тому препятствий со стороны коменданта крепости» [7, л. 2]. Возможность вмешательства крепостных властей в компетенцию нотариальных учреждений Гродненского окружного суда специально оговаривалась в статье 6 и примечаниях №1–2 дополнения к положению об управлении крепостями в Российской империи (опубликовано в Собрании узаконений и распоряжений Правительства за 1887 г.) [7, л. 2 об.].

К 1892 году Осовецкий крепостной район существенно изменился. Он включал в себя не только населенные пункты (зачастую с необычными и редкими названиями), сельскохозяйственные угодья, но также объекты самых разных форм собственности и функционального назначения: Сольна Баля, урочище Борда, д. Переселки, урочище Пышки, урочище Лососна (собственность помещика О' Бриен де Ласси), господский дом Августово, урочище Пость Вонючка, корчма при имени Августово, Фигики, Колбасино с фольварком, урочище Шведский мост, Чеховщизна с фольварком, Скоморочиhi и полустанок Коробчица [8, лл. 27–29]. При этом выясняется полное несовпадение понятий «Осовецкий крепостной район» (14 вышешпоименованных населенных пунктов) и «район Осовецкой крепости» по целому ряду важнейших параметров. Так называемый «район Осовецкой крепости» включал в себя первый и второй районы, кардинально разнившиеся между собой по количеству населенных пунктов, входивших в их состав. К сожалению, в собранных местной полицией данных встречаются повторы и неточности, что не дает возможности определить какие конкретно населенные пункты вошли в каждый из этих районов. Так, Гониондз (Белостокский уезд), Кнышин (Белостокский уезд) и Суховоля (Сокольский уезд) отнесены Гродненским губернским статистическим комитетом и Врачебным отделением Гродненского губернского правления к двум районам одновременно [8, лл. 7;

лл. 22–22 об.]. Всего по сведениям этих учреждений к Осовецкой крепости отнесены 539 населенных пунктов: заштатные города, деревни, села, имения, урочища, фольварки, околицы, выселки, хутора, дачи, местечки, посады и колонии [8, лл. 43–70].

С 21 декабря 1891 года коменданты Осовецкой крепости начали регулярный сбор статистических данных о демографическом и хозяйственно-экономическом потенциале района крепости. Собранные губернским статистическим комитетом, губернской комиссией народного продовольствия и врачебным отделением губернского правления Гродненской губернии в Белостокском, Сокольском, Бельском и Гродненском уездах сведения направлялись в канцелярию Гродненского губернатора. Затем статистические ведомости с соблюдением режима секретности пересылались канцелярией Гродненского губернатора коменданту Осовецкой крепости [8, л. 182].

Администрацию последней интересовал состав народонаселения крепостного района «по племенам и наречиям», число жителей в населенных пунктах и их распределение по половому признаку, сословной, профессиональной и конфессиональной принадлежности. Например, в наиболее крупном населенном пункте района Осовецкой крепости в заштатном городе Кнышин в 1892 г. зафиксировано 5487 жителей. Соотношение между мужчинами и женщинами приблизительно одинаковое (2752 мужчины / 2735 женщины). Представителями доминирующих сословий в Кнышине были цеховые и мещане, которых насчитывалось 2600 человек. По роду занятий здесь преобладали землевладельцы, арендаторы и земледельцы – 406 человек. К наиболее многочисленной конфессии относились римо-католики и иудеи [8, л. 7]. К крупным населенным пунктам Осовецкого крепостного района следует отнести такие, как заштатный город Гониондз, Суховоля и Корицын.

Особым вниманием военной администрации Осовца пользовались данные о запасных магазинах в крепостном районе и о количестве хранящегося в каждом из них озимого и ярового хлеба. На случай войны и открытия масштабных боевых действий (с неизбежными в такой ситуации потерями в живой силе) проводилось исследование медицинского потенциала крепостного района. К коменданту крепости стекались сведения о больницах, аптеках и числе врачей в населенных пунктах [8, л. 22]. Ниже в таблице 1 приведена сделанная автором экспликация из ведомости, позволяющая судить о довольно скромной обеспеченности населенных пунктов Осовецкого крепостного района медицинскими учреждениями и персоналом.

Таблица 1

**Сведения о больницах, аптеках и числе врачей
во втором районе Осовецкой крепости [8, лл. 22–22 об.].**

№	Населенный пункт	Количество			
		больниц	приемных покоев	аптек	врачей
		1	1		гражданских
		коечных мест или их отсутствие —			чел.
	Белостокский уезд				
1	Гониондз	—	1	1	1
2	Кнышин	1	?	1	2
3	Заблудов	1	?	1	2
4	Супрасль	—	—	1	—
5	Тростяны	—	—	1	1
6	Ясенов	—	1	—	—
	Сокольский уезд				
1	Янов	6	—	1	1
2	Суховоль	1	—	1	1
3	Васильков	—	—	1	—
4	Домбров	—	—	1	1
5	Сидр	—	1	—	—
	Гродненский уезд	данные отсутствуют			
	Бельский уезд				
1	Брянск	6	—	1	2
2	Семятичев	—	—	1	2
3	Цехановцы	—	—	1	2
4	Боцьки	—	1	1	—
5	Дрогичин	6	—	1	1
6	Клещели	6	—	1	1
7	Орел	—	—	1	—

С каждым годом сбор статистических данных о крепостном районе приобретал все более системный характер. Коменданты Осовецкой крепости делали запросы в местные исполнительные учреждения Гродненской губернии с целью выяснения размеров материальных средств местного населения. Собирались сведения о продовольственных ресурсах, возможности размещать войска у населения, средствах передвижения войск, артиллерии и т.д. Более детальное представление о содержании таких запросов можно получить из помещенной ниже в таблице 2 анкеты.

Таблица 2

**Материально-ресурсная база Осовецкого
крепостного района в 1890-е гг. [8, лл. 27–29]**

№	Что конкретно интересует военных, населенный пункт, количество
	1
1	дворы и жилые постройки (деревянные / каменные)
2	численность войск, которые можно в них расквартировать
3	водоснабжение (колодцы)
4	хлебопекарные печи (производительность / сутки)
5	запасные хлебные магазины (объем хлеба в них)
6	мельницы (тип, производительность / сутки)
7	кузницы
8	земля пахотная, луговая, пастбища, усадебная и огородная, не возделываемая (десятин)
9	лес строевой, для топлива (десятин)
10	урожайность хлеба, сена
11	конезаводы и лошади
12	подводы у населения
13	средняя пассажиро- и грузо- подъемность подводы
14	преобладающая запряжка (парная или одиночная)
15	быки, пригодные для упряжки
16	остальной рогатый скот, свиньи и овцы

Все эти данные могли иметь относительную ценность. В боевых условиях ситуация как правило, оборачивается совершенно неблагоприятной стороной. Несмотря на наличие в мирное время в крепостном районе значительных резервов тягловой силы (лошади, быки) при эвакуации крепости Осовец, начавшейся 18 августа 1915 г., гарнизон вывозил тяжелую артиллерию и боеприпасы по шоссе в Гродно буквально «на собственных плечах». Мера конечно вынужденная и крайняя: люди заменили отсутствовавших лошадей, и в специальных ляшках для перемещения только одного орудия оказывалось от 30 до 50 артиллеристов или ополченцев [1].

С началом Первой мировой войны крепость Осовец оказалась на осадном положении. По этой причине комендант крепости генерал-лейтенант Шульман сделал специальное объявление, адресованное гарнизону крепости, а также военным служащим и гражданским лицам Осовецкого крепостного района. В нем оговаривалась мера ответственности этих лиц за нарушение законов военного времени, а также их подсудность военному суду с вынесением в случае доказанности вины самых суровых приговоров.

«Объявление о наказаниях по крепости Осовец и ее крепостному району» коменданта Шульмана отражает с одной стороны, весь драматизм ситуации в котором оказался ее гарнизон, так как с началом

Первой мировой сама крепость и ее крепостной район находились в тылу Северо-Западного фронта, с другой – демонстрирует отсутствие у командования полной уверенности в благонадежности как местного населения, так и собственных солдат и офицеров.

Основанием для подобного рода опасений стала неприятная история, случившаяся в Осовце в сентябре 1906 г., прологом к которой стало обнаружение у солдат Осовецкого крепостного гарнизона литературы агитационно-пропагандистской направленности с очевидным противоправительственным уклоном [10].

Полтора года (по апрель 1907 г.) длилось дознание и следственные действия среди нижних чинов по данному делу. Все началось с того, что в 9 часов по полудни 17 сентября 1906 г. ротмистр отдельного корпуса жандармов Скалон и командир 8-й роты Осовецкой крепостной артиллерии капитан Боженов произвели обыск казармы нижних чинов 8-й артиллерийской роты Заречного форта. Обыск проводился с разрешения коменданта Осовецкой крепости на основании ст. 21 Положения о Государственной охране от 14 августа 1881 г. с соблюдением полагающихся в подобной ситуации формальностей [10, л. 5]. В присутствии приглашенных в качестве понятых командира 2-й роты штабс-капитана Станчека и Петра Семенюка, был произведен тщательный досмотр помещения. Среди продуктов хранившихся во втором отделении ларя канонира 8-й роты Н. И. Кокурина (под крупой) были обнаружены 50 прокламаций, 8 брошюр, 1 книга, а также 3 отдельные страницы из книг антиправительственного содержания [10, л. 5 об.]. Картину преступления дополнял лист бумаги с адресами, написанными рукой подозреваемого [10, л. 6]. Большая часть изданий исходила от комитета военно-революционной организации с аббревиатурой «В.В.О.» и была адресована народу или конкретным целевым группам (солдаты, крестьяне). Цели, декларируемые авторами анонимных прокламаций и брошюр, как правило, сводились к мобилизации населения России на политическую борьбу против действующей власти или были направлены на формирование устойчивых негативных реакций на идеологические акции властей («Ответ на черносотенную прокламацию Николая II от комитета военно-революционной организации В.В.О.» изд. 1906 г.). Предлагались также пути государственного переустройства Российской империи на основе принципов «истинного народовластия» (брошюра «О формах народного представительства») [10, л. 6].

По итогам проведенного дознания были заключены под стражу 10 человек. Более подробные сведения анкетного содержания об арестованных нижних чинах содержатся в таблице 3.

Таблица 3

**Нижние чины Осовецкого крепостного гарнизона,
привлеченные в качестве обвиняемых по делу [10, лл. 1–2]**

№	Фамилия, имя, отчество	число, месяц и год рождения	сословная принадлежность	мобилизован из	состоит на военной службе	заключен под стражу	заключен под стражу
	1	2	3	4	5	6	7
1	Кокурин Никита Иванович	03.09.1883 г.	крестьянин	Нижегородской губернии	канонир 8-й роты крепостной артиллерии	17.09.1906 г.	заключение в гродненской губернской тюрьме
2	Абрамов Михаил	08.11.1881 г.	крестьянин	Симбирской губернии	младший фейерверкер 8-й роты крепостной артиллерии	17.09.1906 г.	заключение в гродненской губернской тюрьме
3	Щелецкой Михаил Евдокимович	09.07.1882 г.	крестьянин	Брянского уезда Орловской губернии	рядовой крепостной саперной роты	24.09.1906 г.	заключение в гродненской губернской тюрьме
4	Авдонин Павел	10.01.1882 г.	крестьянин	Саратовской губернии	бомбардир-наводчик 1-й роты крепостной артиллерии.	17.09.1906 г.	заключение в гродненской губернской тюрьме
5	Озорнов Михаил Сергеевич	16.02.1883 г.	крестьянин	Нижегородской губернии	канонир 8-й роты крепостной артиллерии	26.09.1906 г.	заключение в гродненской губернской тюрьме

Окончание таблицы 3

6	Чабак-Галич Василий Петрович	05.04.1882 г.	крестьянин	Черниговской губернии	ефрейтор крепостной саперной роты	02.10.1906 г.	заключение в гродненской губернской тюрьме
7	Бахарев Василий Тимареевич	02.04.1883 г.	крестьянин	Пермской губернии	мастерской младшего разряда низшего оклада в крепостной артиллерии	нет данных	находится в бегах
8	Пухвало Яков Филипович	22.10.1881 г.	казак	Черниговской губернии	ефрейтор в крепостной саперной роте	03.11.1906 г.	заключение в казематированной казарме №48 в крепости Осовец
9	Авксентьев Иван Васильевич	23.02.1882 г.	мещанин	г. Брянск	нестроевой младшего разряда в крепостной саперной роте	нет данных	заключение в казематированной казарме №48 в крепости Осовец
10	Райков Афанасий Захарьевич	14.01.1882 г.	крестьянин	Тульской губернии	запасной фейерверкер 8-й роты крепостной артиллерии	06.03.1907 г.	заключение в казематированной казарме №48 в крепости Осовец

Однако как покажут боевые действия 1914 и 1915 гг. опасения в отношении моральных качеств и боевого духа личного состава крепости оказались беспочвенными. Сентябрьский штурм 1914 года был отражен благодаря слаженным и профессиональным действиям гарнизона. Информация о событии сразу стала достоянием журналистских кругов, а также послужила основой для многочисленных брошюр и проспектов патриотического содержания. Так, из опубликованного в типографии «Сельского Вестника» проспекта «Оборона Осовца» [11, лл. 58–58а об.] вырисовывается образ героя сентябрьского обстрела штабс-капитана Мартынова, потушившего 15 сентября 1914 г. пожар в пороховом погребе крепости. Воспламенение случилось в результате попадания в сквозник погреба немецкого снаряда [11, л. 58а]. В проспекте упоминается много других неординарных поступков, выходящих за рамки обыденного военного функционала, совершенных защитниками Осовецкой крепости, и имеющих под собой абсолютно реальную основу. Героизм, проявленный ее защитниками несомненен, и требует серьезного научного осмысления.

Военные действия в районе Осовецкой крепости принесли значительные материальные потери местному населению, которое страдало от действий как германской, так и российской армий. Еще 16 июля 1914 г. гродненский губернатор В.Н. Шебеко распорядился об образовании Белостокской особой оценочной комиссии [12, л. 1]. В обязанности комиссии входила оценка убытков, причиненных саперными и инженерными работами по обороне Осовецкой крепости. Назначение на должность председателя комиссии получил белостокский уездный предводитель дворянства В.А. Семенов [12, л. 2].

Позже, а именно – с марта 1915 г. к работе приступила подкомиссия под председательством земского начальника пятого участка В.А. Троицкого для определения убытков, причиненных неприятельской бомбардировкой района Осовецкой крепости. Гневные жалобы частных лиц на причиненный ущерб и настойчивые ходатайства возместить убытки потребовали от Министерства внутренних дел (МВД) начать формирование аналогичных органов во всех губерниях Российской империи, оказавшихся в зоне боевых действий [12, л. 24]. В каждом отдельном случае по горячим следам устанавливались размеры разрушений, и велся скрупулезный подсчет всех имущественных потерь. В то же время, власти неоднократно предупреждали население о нереальности полного возмещения казной, утраченного в войне частного имущества.

В первой декаде ноября 1914 года начались слушания актов предварительной оценки имуществ, снесенных у жителей заштатного города Гониондз, в имении Кнышин–Гониондз (усадебная Добарские–Гронды) и в деревне Старое Долистово [12, лл. 4–10]. 14 ноября 1914 г. делопроизводство было завершено, и все документы председатель комиссии В.А. Семенов отправил коменданту Осовецкой крепости генерал-лейтенанту Шульману [12, л. 11]. В работе комиссии принимали участие: податный инспектор Белостокского уезда С. М. Нюренберг (председательствующий), земский начальник 5-го участка В. А. Троицкий, уездный исправник М. И. Дехтярев, депутат от военного ведомства ротмистр Дирин (по назначению коменданта Осовецкой крепости), инженер гродненского губернского распорядительного комитета А. А. Березин (эксперт), Гониондзский староста Потоцкий и присяжные оценщики Владислав Климашевский и Ксаверий Потоцкий (мещане) [12, л. 2].

Первым рассматривалось дело мещанина Хацкеля Мовшовича Белостоцкого [12, лл. 2–3 об.]. Активно занимавшийся предпринимательской деятельностью в довоенное время, Белостоцкий получал значительный доход от принадлежавшей ему в Гониондзе паровой мукомольной мельницы и лесопильного завода. Однако Первая мировая война и начало боевых действий прервали работу принадлежавших ему производств, принеся только за первых 4 месяца убытков на 2500 рублей [12, л. 2 об.]. Кроме того, за снесенные по распоряжению военных властей строения и расхищенное солдатами имущество Хацкель Белостоцкий запросил компенсацию в размере 24010 рублей. В эту сумму вошли некогда принадлежавшие предпринимателю 3 дома, амбар для хранения муки, фруктовый сад, 5 деревянных сараев, ледник, кузница, дощатый навес, забор вокруг сада и усадьбы, пиломатериалы. Не досчитался гониондзский мещанин также мебели, фортепиано, медной посуды и др. утвари. Исчез из усадьбы даже пруд с рыбой. Существенно пострадало каменное здание мельницы, в котором были высажены окна, разобрана крыша и потрескались стены. Из заключения, подготовленного выехавшими на место присяжными оценщиками и экспертами комиссии, следовало, что заявление Хацкеля Белостоцкого и его свидетеля Абея Янкея Генберга не соответствует реальному положению вещей [12, л. 3]. Из запланированного к сносу по обстоятельствам военного времени недвижимого имущества практически все осталось нетронутым. В связи с открывшимися фактами умышленной фальсификации сведений со стороны владельца, оценочная комиссия на последнем

своем заседании, состоявшемся 15 декабря 1914 г., понизила размер предусмотренной Белостоцкому компенсации до 8982 рублей [12, л. 3 об.].

В условиях военного времени действия военных могли носить жесткий, а порой и бесцеремонный характер. При строительстве окопов и блиндажей нередко использовались строительные материалы, добытые военными на месте частных усадеб и имений. С жалобами на самоуправство военных в Белостокскую особую оценочную комиссию обращались поверенные местных землевладельцев. Так, 14 августа 1914 г. частный поверенный П. Ф. Перович направил коменданту крепости прошение. Адвокат в данном случае действовал от имени своего вверителя гр. К. Э. Рачинского – владельца имения Кнышин–Гониондз [12, лл. 4–5]. В прошении отмечалось, что 26 июля 1914 г. в принадлежавшую Рачинскому усадьбу Добарские-Гронды вторглись войска и разобрали два жилых деревянных одноэтажных дома, амбар, сараи для хранения хлеба и содержания скота, забор вокруг усадьбы для сооружения объектов оборонительного назначения на месте снесенной усадьбы [12, л. 4 об.]. Уничтожению подверглись остатки мебели, которые в отведенные для эвакуации два часа не успели вывезти из усадьбы управляющий имением И. М. Васневский и сторож Александр Карвовский. Большая часть собранного летом 1914 г. в имении урожая сена (1000 пудов), ржи и картофеля была использована войсками на подстилку и для корма лошадей, а остатки – сожжены [12, л. 4]. Масштаб разорения полностью подтвердился в составленном 8 ноября 1914 г. приставом 4 стана Белостоцкого уезда официальном протоколе. Текст документа был подготовлен на месте уничтоженной усадьбы с соблюдением формальностей: в присутствии понятых, свидетелей и депутата от военного ведомства прапорщика 304 Новгород-Северского пехотного полка К. Ф. Юревича. О существовании некогда в урочище Добарские-Гронды усадьбы напоминали теперь лишь остатки каменных фундаментов. Доски и бревна от снесенных построек были обнаружены в окопах и блиндажах. Оценочная комиссия сочла возможным назначить гр. К. Э. Рачинскому компенсацию за понесенные убытки в размере 2445 рублей, что оказалось на 1229 рублей 50 копеек меньше суммы, заявленной его поверенным П. Ф. Перовичем [12, л. 5].

Создание рубежа обороны в самом крупном населенном пункте Осовецкого крепостного района г. Гониондзе потребовало провести снос и уничтожение построек 31 местного жителя [12, лл. 6–8]. 25 июля 1914 г. по данному делу помощник полицейского исправника Белостоцкого уезда (присутствовали депутаты от военного ведомства

и присяжные оценщики) составил акт предварительной оценки. Однако 28 октября 1914 г. начальник штаба Осовецкой крепости признал содержащиеся здесь сведения недостоверными: из 31 домовладения подверглись сносу только 19. С учетом открывшихся новых обстоятельств комиссия признала возможным выплатить 19 жителям Гониондза вознаграждение в 21454 рубля [12, л. 8]. Самая большая компенсация в 2875 рублей причиталась Осипу Францеву Цимоху как понесшему наибольшие потери (снесен новый деревянный жилой, крытый черепицей дом общей площадью 27 саженьей, сарай, скотный двор и забор) [12, л. 7]. Минимальные, но, наверное, и самые бессмысленные убытки – всего на 75 рублей, были причинены владелице пивоваренного завода Хаи Рудской [12, л. 8]. Из производственного здания пивоварни солдаты выбросили на улицу котел и развалили стоявшую там печь. У городских обывателей в первую очередь изымался хлеб, а сено и солома использовались для наполнения тюфяков.

В делопроизводстве Белостокской особой оценочной комиссии в рассматриваемый период находилось также дело о сносе в целях обороны Осовецкой крепости (строительство окопов и траншей) 10 частных построек в деревне Старое Долистово [12, лл. 9–9 об.]. Но в данном случае действия военных не отличались оперативностью. Как установил прибывший на место 10 сентября 1914 г. по поручению Белостокского уездного исправника полицейский надзиратель Воскресенский, постройки снесены только у двух владельцев. Первая собственница – Марианна Антоновна Кундзевич лишилась старого крытой соломой деревянного дома с хлевом под одной крышей (500 рублей). У второго жителя Старого Долистово – Аполония Томчика до основания разрушен старый бревенчатый дом [12, л. 9]. Мнения членов уездной оценочной комиссии и депутата от военного ведомства капитана Проневича сошлись на сумме общей компенсации для Кундзевич и Томчика в 850 рублей [12, лл. 9–9 об.].

Во время вооруженных столкновений российской и германской армий под Осовцом были повреждены или разрушены многие римско-католические церкви и часовни, пострадали здания, занимаемые причитами и хозяйственные постройки. Боевые действия нанесли крупный материальный ущерб римско-католическому духовенству, представители которого в подобных условиях не могли исполнять свои пасторские обязанности. Со всей остротой встал вопрос о восстановлении разрушенных объектов культового назначения и определении размеров компенсаций. Подсчет

конкретных потерь МВД и Департамент духовных дел возложили на римско-католические епархии [12, лл. 24–24 об.].

Параллельно решением данной проблемы по своим «административным каналам» занялись власти Белостокского уезда. Так, 2 марта 1915 г. и.д. гродненского губернатора из г. Слонима обратился к белостокскому уездному предводителю дворянства В.А. Семенову с просьбой о создании Особой комиссии для обследования поврежденных или разрушенных зданий римско-католических приходов [12, лл. 24]. Комиссия формировалась из представителей администрации, римско-католического духовенства пострадавших приходов и технического надзора. Комиссия должна собрать и представить начальнику Гродненской губернии сведения о том, какие именно здания, принадлежащие римско-католической церкви, пострадали во время сражений и в чем именно выражались причиненные им повреждения. Власти хотели также располагать точными сведениями: на чьи средства содержались пострадавшие здания церквей и церковных строений и в чьей собственности они находились (прихода, учреждения или частных лиц). Восстанавливать нарушенное военными действиями течение церковной жизни власти планировали силами местного населения [12, л. 24 об.].

Временное затишье, наступившее с середины марта 1915 г. под Осовцом, дало возможность подкомиссии В.А. Троицкого на месте определять убытки, причиненные неприятельской бомбардировкой района крепости. Устанавливался алгоритм подобных мероприятий: 1) прием заявлений от потерпевших; 2) опрос под присягой понятых, знавших о состоянии имущества до войны [12, л. 36]. До начала третьей декады мая 1915 г. члены подкомиссии успели рассмотреть заявления и составить оценочные акты 39 жителей г. Гониондза, деревень Гузы, Шафранки и Довнары и других местностей [12, л. 37]. Однотипность собираемой чиновниками информации позволяет провести формализацию и обобщение имеющихся данных в виде таблицы (см. таблицу 4), не конкретизируя каждый отдельный случай.

Таблица 4

Список лиц (39), которые понесли убытки от неприятельских войск [12, лл. 37–39].

фамилия, имя, отчество	название местности	в чем заключаются убытки	сумма убытков		примечание
			рублей	копеек	
1	2	3	4		5

Самые массовые повреждения в жилищах были причинены осколками или взрывной волной от разорвавшихся снарядов (выбиты стекла, поломана черепица на крышах домов, разбиты дымовые трубы, ставни, пробиты стены, вынесены наружные двери, разломано крыльцо и т.д.). В ситуациях прямого попадания фугасного крупнокалиберного боеприпаса в деревянный дом происходило его полное разрушение, если об стену каменного дома ударялся снаряд небольшого калибра, то в стене, как правило, образовывалась только брешь.

Больше всего от немецкого обстрела пострадал римско-католический костел в Гониондзе. Размер причиненного храму ущерба был оценен в 5000 рублей. Кроме уничтоженных двух алтарей, органа и всей внутренней обстановки, выехавшая на место подкомиссия, зафиксировала отсутствие у здания наружной стены и окон. Оказались поврежденными ограда и колокольня. В доме ксендза осколками выбиты все окна [12, лл. 37–38 об.]. В приходском училище в Гониондзе повреждена стена, разбиты окна и испорчена крытая гонтом крыша (размер ущерба – 150 рублей) [12, л. 38]. В отдельных случаях требовалось составление особых оценочных актов (например, в случае разрушения аптеки в Гониондзе) [12, л. 38 об.].

Из частных обывателей максимальные финансовые потери понесли Мошко Трояновский – 800 рублей (на доме уничтожена крыша, потолки, внутренние стены и печи) [12, л. 38 об.], у Элько Янкелева Рубина полностью разрушен деревянный дом (600 рублей) [12, л. 38], Овсей Нахимов Трещанский лишился деревянного дома стоимостью в 600 рублей [12, л. 37 об.]. Безусловно, не все жилые постройки равноценны. Например, в собственности Феликса Францева Бельского из деревни Довнары находился деревянный дом. После прекращения обстрела выехавшая в Довнары оценочная комиссия осмотрела «руины» некогда принадлежавшего Бельскому дома, определив размер компенсации в 150 рублей [12, л. 39]. Среди тех, кому повезло значительно больше следует упомянуть жительницу деревни Шафранки Констанцию Ксаверьеву Петоцкую, чей материальный ущерб оказался минимальным: в ее жилище было выбито 10 стекол общей стоимостью 3 рубля [12, л. 39].

Судя по всему население, пострадавшее от военных действий в районе Осовецкой крепости не успело ни получить экстренной материальной помощи от Белостокской уездной оценочной комиссии ни начать восстановление своих пострадавших жилищ. Да и смысла отстраивать изувеченное войной жилье не имелось, так как в 19.00 вечера 20 мая 1915 г. германцами был начат новый массированный обстрел населенных пунктов крепостного района [12, л. 44].

В результате бомбардировки только одной деревни Гузы-Гониондзские суммарный убыток по причине произошедшего здесь крупномасштабного пожара достиг 58500 рублей. В огне оказались до основания уничтоженными 18 жилых домов, а также 21 хлебный сарай и 45 сараев для содержания скота, принадлежавших 23 домовладельцам [12, л. 38].

Даже в этих крайне неблагоприятных условиях Белостокская оценочная комиссия и ее подкомиссия пыталась добросовестно и скрупулезно выполнять свои обязанности. Трижды, а именно 25, 29 и 30 мая 1915 г. члены подкомиссии выезжала в район Осовецкой крепости в выше указанные населенные пункты [12, л. 47]. Но оценочные действия так и не состоялись: потерпевших выселили из мест проживания для последующей эвакуации в районы пока еще не затронутые войной. Деятельность комиссии оказалась практически парализована из-за постоянно возобновляющихся неприятельских обстрелов, каждый раз сопровождающихся человеческими жертвами. Именно эти причины, по словам местного предводителя дворянства В.А. Семенова, легли в основу решения о сворачивании работы комиссии. В официальном письме, датированном 5 июня 1915 г. и адресованном земскому начальнику пятого участка Белостокского уезда В.А. Троицкому (председатель подкомиссии по оценке лугов), он объяснял причины прекращения оценочных действий: «подкомиссия была вынуждена приостановить свою деятельность, так как под влиянием исключительных условий военного времени одно и то же имущество подвергается новым повреждениям вплоть до полного уничтожения ввиду продолжающейся неприятелем бомбардировки района Осовецкой крепости и установить определенные данные оценки в данное время не представляется возможным» [12, л. 46 об.].

Пока еще не прекратила оценку пострадавших частных имуществ последняя подкомиссия по оценке лугов [12, л. 48]. Ее члены решались выезжать лично и проводить обследования на месте не взирая на риск оказаться под огнем немецкой артиллерии. Комиссия занималась подсчетом убытков местных дворян-землевладельцев, угоды которых пострадали от боевых действий. Заседания данной комиссии проходили в крепости Осовец под председательством В. А. Троицкого, а в случаях его отсутствия, как это было в субботу 13 июня 1915 г., место председателя занимал адъютант штаба Осовецкой крепости капитан Локк. В этот день состоялось последнее заседание, на котором члены и этой комиссии под грузом обстоятельств приняли решение о самоликвидации [12, л. 48 об.].

Список источников и литературы

1. Хмельков, С. А. Борьба за Осовец / С.А. Хмельков. – М.: Воениздат НКО СССР, 1939. – 96 с.
2. Яковлев, В. В. История крепостей. Эволюция долговременной фортификации / В. В. Яковлев. – СПб.: Полигон, 1995. – 311 с.
3. Пивоварчик, С. А., Калюта, В. В. «Русский Верден»: Осовецкая крепость в годы Первой мировой войны» / С. А. Пивоварчик, В. В. Калюта // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2015. – №3 (203). – С. 53–59.
4. Белявина, В. Н. Беларусь в годы Первой мировой войны / В. Н. Белявина. – Мн.: Беларусь, 2013. – 398 с.
5. Смирнов, А. Атака мертвых / А. Смирнов // Родина. – 2015. – №9. – С. 44–50.
6. Пахалюк, К. А. Оборона крепости Осовец. О генеалогии одного героического нарратива / К. А. Пахалюк // Свободная мысль. – 2016. – №2. – С. 43–58.
7. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ в Гродно). – Ф. 1 (Канцелярия гродненского губернатора). – Оп. 8. – Д. 2092. Переписка с уездными исправниками о доставлении сведений председателем окружного суда о территории, входившей в состав Брестской и Осовецкой крепостей. – 8 лл.
8. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. – Оп. 18. – Д. 39. Сведения о населенных пунктах входивших в состав Осовецкой крепости. – 182 лл.
9. НИАБ в Гродно. – Ф. 301 (Белостокское уездное полицейское управление Белостокского уезда Гродненской губернии). – Оп. 1. – Д. 3. Циркуляры Департамента полиции о порядке установления надзора за деятельностью кинематографов, выдаче паспортов вечноцеховым ремесленникам, обмундирования ратников ополчения и др. – 274 лл.
10. НИАБ в Гродно. – Ф. 1694 (Осовецкая крепостная жандармская команда). – Оп. 1. – Д. 1. Дознание, произведенное при Осовецкой крепостной жандармской команде. О хранении и распространении литературы противоправительственного содержания нижними чинами Осовецкого крепостного гарнизона. – 424 лл.
11. НИАБ в Гродно. – Ф. 93 (Белостокский уездный предводитель дворянства). – Оп. 1. – Д. 101. Переписка с Гродненским губернатором, податным инспектором Белостокского уезда и др. об оказании помощи жителям, пострадавшим от военных

действий, о ходе инфекционных болезней, среди воинских чинов и др. – 224 лл.

12. НИАБ в Гродно. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 93. Дело об оценке убытков, причиненных военными действиями в районе Осовецкой крепости жителям Белостокского уезда. – 50 лл.

УДК 930(476)"19/20":94:327(476:430)"1918"

С. Н. Рожкова

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

БРЕСТСКИЙ МИР В БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В данной статье охарактеризована белорусская советская и постсоветская историографии в отношениях СССР и Германии. Выявлены основные положения указанной историографии, показана степень их научной обоснованности. Проведен сравнительный анализ белорусской германистики на советском и постсоветском этапах при изучении ею Брестского мира.

Брестский мир являлся важным событием в истории белорусского народа и оказал существенное влияние на государство образующие процессы на территории Беларуси. Поэтому данное событие вызывало большой интерес у белорусских историков. В данной статье сделана попытка сопоставить основные положения советской и постсоветской белорусской историографии Брестского мирного договора.

В белорусской советской историографии наиболее весомый вклад в изучение Брестского мира внес Г. М. Трухнов. В работе «Из истории советско-германских отношений (1920–1922 гг.)» он не останавливается на причинах, побудивших Германию к началу переговоров, но раскрывает их ход и содержание, обвиняя Германию в выдвигании империалистических требований по отношению к Советской России. По мнению Г. М. Трухнова, правящие классы Германии не хотели мириться с образованием Советской России, т. к. тем самым перечеркивались надежды на осуществление программы «Дранг нах остен». Обращаясь к проблеме разрыва советско-германских дипломатических отношений в начале ноября 1918 года,

он отмечает, что это стало результатом провокации правящих кругов Германии против советских представителей в Берлине [1, с. 14, 16, 17].

В целом, проблема заключения Брестского мира не получила широкого освещения в белорусской советской историографии. Это связано с тем, что история советско-германских отношений в то время изучались преимущественно в крупнейших научных центрах СССР – Москве и Ленинграде.

В постсоветское время в независимой Республике Беларусь значительно активизировалось изучение отношений между Германией и Советским государством, в том числе и проблемы заключения Брестского мира. Последнее обстоятельство во многом связано с тем, что Брестский мир существенно влиял на судьбу Беларуси. Одной из первых работ белорусской постсоветской историографии, в которой затрагивалась проблема Брестского мира, является статья А. М. Бабкова «Два направления в политике Германии в отношении Беларуси в 1918 г.». Эта статья была опубликована по итогам научного семинара «Рапалльская политика: итоги, традиции и современность». Данный семинар дал серьезный толчок развитию германистики в Беларуси. А. М. Бабков в своей статье характеризует два подхода в политике Германии в отношении Беларуси после подписания Брестского мира, которые оба, при некоторых расхождениях, исключали возможность создания суверенного Белорусского государства [2, с. 13–14].

Значительный вклад в разработку вопросов внешнеполитического положения Беларуси, в том числе и в связи с заключением Брестского мира, внес А. В. Тихомиров. В статье «Брестский мир 1918 г. и Беларусь» он показывает, что к основным причинам, которые вынудили Германию пойти на переговоры с большевиками, относится стремление высвободить войска Восточного фронта для наступления во Франции, получить сырье и продовольствие за счет России. А. В. Тихомиров отмечает, что сложная политическая и экономическая ситуация в Советской России, утрата армией боеспособности побудила большевиков пойти на перемирие и начать переговоры о мире без аннексий и контрибуций. Он считает, что советская сторона на мирных переговорах не имела четкой программы, а стремилась использовать их для ускорения мировой революции. Характеризуя позиции сторон на переговорах, автор указывает, что Советская Россия предлагала державам Четверного союза отказаться от аннексий и контрибуций, вывести войска с оккупированных территорий, дать право народам на самоопределение. Германия же хотела вывести Советскую Россию из

войны для достижения победы на Западном фронте и отторгнуть от неё ряд территорий. Согласие Германии и ее союзников принять советские предложения при условии, что к ним присоединятся державы Антанты, А. В. Тихомиров расценивает как тактический маневр, поскольку было очевидно, что Антанта на это не пойдет. Отсутствие ответа Антанты стало для немцев поводом, чтобы отклонить предложения Советской России. Для обоснования территориальных претензий к Советской России Германия использовала лозунг о праве наций на самоопределение [3, с. 44, 45, 46].

А. В. Тихомиров определил расхождения в позициях большевистских лидеров по поводу заключения мира. По его мнению, В. Ленин выступал за мир с Германией, потому что это давало большевикам возможность сохранить власть в России. Л. Троцкий предложил не заключать мир с Германией, провести демобилизацию старой армии и приступить к формированию новой. Он был уверен, что пролетариат Германии и ее союзников предотвратит наступление на Восточном фронте. Как считает А. В. Тихомиров, позиция большинства ЦК большевистской партии изменилась в пользу подписания мира лишь после того, как начатое немцами наступление практически не встретило отпора со стороны русской армии [3, с. 46, 47]. Новые условия мира, которые предъявила Германия, характеризуются данным автором как еще более тяжелые для Советской России, указывая, прежде всего, на ее территориальные уступки, и требование демобилизовать армию, разоружить флот на Балтийском и Черном морях, Ледовитом океане [3, с. 48]. А. В. Тихомиров отмечает, что, несмотря на подписание Брестского мира, немцы, пользуясь отсутствием четких границ, продолжали наступление на восток, в результате чего под немецким контролем находился 1 млн. кв. км. Европейской части России. В связи с нарастающим кризисом в Советской России большевики старались не обострять отношения с Германией и решили не оказывать сопротивление германским войскам. Для достижения мирных отношений советское руководство, по мнению А. В. Тихомирова стремилось заинтересовать германские деловые круги перспективами торгово-экономического взаимодействия с Россией [3, с. 50, 52].

А. В. Тихомиров делает вывод, что летом 1918 г. отношения Советской России с Германией стали ухудшаться. Германия считала, что Советская Россия способствовала снижению боеспособности немецкой армии, т. к. содействовала выступлениям населения на оккупированных немцами территориях. В связи с этим, немецкое правительство изменило политику в отношении большевиков и

решило оказывать помощь антибольшевистским силам. Чтобы нейтрализовать антисоветские тенденции в политике Германии, Советская Россия пошла на подписание Добавочного договора, по которому Россия признавала независимость Эстляндии и Курляндии. Только после поражения в Первой мировой войне, считает А. В. Тихомиров, уже новое германское руководство стало отходить от сотрудничества с Советской Россией [3, с. 53, 54]. Резюмируя значение Брестского мира для Советской России, А. В. Тихомиров указывает, что он лишил ее возможности присоединиться к триумфу ее союзников по Антанте и стал одним из факторов возникновения гражданской войны и иностранной интервенции. Германия же, по его мнению, после заключения мира стала доминирующей силой в Европе, почти без потерь поставила под контроль Восточную и Юго-Восточную Европу [3, с. 56].

Схожие с изложенными выше историографические положения сформулированы А. В. Тихомировым и в статье «Проблемы белорусско-германских отношений в 1914–1922 гг.». Характеризует ход переговоров в Бресте-Литовском, он снова указывает на большие территориальные требования Германии, с чем на первом этапе не соглашалась Советская Россия. Лишь успехи Германии на фронте вынудили Советскую Россию пойти на подписание мирного договора, в результате которого советская сторона теряла ряд территорий [4, с. 38].

Изучению влияния Брестского мира на общественно-политические процессы в Беларуси посвятил свою диссертацию С. А. Третьяк. Он делает вывод, что результатом подписания Брестского договора стало усиление в Беларуси стремления к отделению от России, что нашло отражение в провозглашении независимой БНР. По мнению данного автора подписание договора в Бресте знаменовало собой создание Брест-Литовской системы международных отношений на Востоке Европы, которая распалась в результате поражения Германии в Первой мировой войне [5].

В монографии «Брестский мир и общественно-политические процессы в Беларуси ноябрь 1917 – январь 1919 г.» С. А. Третьяк показывает, что перемирие с Россией не означало признание советской власти де-юре со стороны Германии. Заключив мир с Россией, германские власти рассчитывали нанести удар не только по Антанте, но и по революционному движению внутри своих стран. Автор подчеркивает, что советская делегация на первом пленарном заседании предложила программу, в основе которой лежал всеобщий демократический мир без аннексий и контрибуций. В основе немецкой позиции лежали директивы Людендорфа, которые

предполагали ослабление России и превращение ее в германскую полуконию. По мнению С. А. Третьяка, Германия не могла сходу отвергнуть советское предложение, чтобы не дискредитировать себя перед мировым сообществом предъявлением требований аннексий и контрибуций. Чтобы замаскировать территориальные претензии к России, германский блок пытался навязать свою программу фиктивных самоопределений Польши, Литвы, Курляндии, части Лифляндии, Эстляндии с проведением на этих территориях под германским контролем соответствующих референдумов. Исследователь подчеркнул, что страны Антанты продолжали саботировать переговоры в Брест-Литовске, и это давало возможность германо-австрийцам навязать России «рабский» мир, т. к. они считали, что она не имеет реальной военной силы [6, с. 21–24].

С. А. Третьяк обратился и к вопросу о разногласиях в большевистском руководстве относительно заключения мира с Германией. В. И. Ленин считал необходимым заключить мир, т. к. выход из войны и мирная передышка позволят сохранить результаты Октябрьской революции, но его поддержала меньшая часть большевистских лидеров. Противники мира считали, что германские солдаты не пойдут войной на рабоче-крестьянскую Россию и повернут оружие против своих офицеров и генералов [6, с. 25–27]. Однако вскоре большевики поняли, что война проиграна, потому что немцы быстро продвигались на восток без людских и материальных потерь. Под влиянием этих обстоятельств, считает С. А. Третьяк, германский ультиматум был принят [6, с. 27–28].

С. А. Третьяк отмечает, что в Дополнительный договор германская и советская стороны вкладывали разный смысл. Германия рассчитывала на политическое и экономическое закабаление Советской России (использование природных ресурсов, возвращение национализированного имущества и признание прогерманских государственных образований), но советские дипломаты настаивали на равноправных условиях сотрудничества. Германия должна была признать нейтралитет России в продолжавшейся мировой войне, политические и экономические изменения в ней и не вмешиваться во внутреннюю политику советского правительства, в его отношения с белым движением. При этом С. А. Третьяк отмечает, что немцы вели двойную игру, с одной стороны принимали советскую власть, с другой стороны, захватывали важные пункты в Советской России. Германия рассматривала Брестский мир как временный, т. к. германские правящие круги хотели сразу после победы над Антантой уничтожить советскую власть [6, с. 79, 80].

В своих исследованиях А. П. Грицкевич характеризует пункты германского ультиматума и содержание Брестского мирного договора, и к наиболее тяжелым условиям для советской стороны относит уступку ряда территорий, обязательство заключить мир с Украинской Народной Республикой, провести полную демобилизацию своей армии. А. П. Грицкевич отмечает, что Совнарком РСФСР не выполнил 5 статью договора и не распустил вновь созданные части Красной армии. В качестве важнейших положений Добавочного договора данный автор отмечает отвод германских войск, находившихся восточнее Березины, после уплаты Россией огромной суммы по финансовому соглашению, которая на практике заменялась поставкой сельскохозяйственной продукции в Германию [7, с. 103–104].

Целый ряд публикаций истории Брестского мира посвятил Д. А. Мигун. В своей диссертации он раскрыл роль белорусского вопроса в советско-германских отношениях 1917–1922 гг. Автор повторяет распространенное в белорусской историографии положение, согласно которому немцев пойти на переговоры с большевиками заставило желание прекратить войну на два фронта и сосредоточить все силы на Западе. Характеризуя позиции сторон на переговорах, автор указывает, что они не принимали в расчет право белорусского народа на самоопределение, и Брестский договор фиксировал раздел Беларуси. Д. А. Мигун к числу важнейших положений Добавочного договора относит обязательство Германии освободить территорию Беларуси по Березину [8].

В монографии «Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.)» Д. А. Мигун повторяет свой вывод о том, что правящие круги Германии вынуждены были пойти на мир с Россией, чтобы избежать войны на два фронта, и иметь возможность за счет занятых территорий, в частности Беларуси, восполнить запасы сырья и продовольствия. Советские предложения на брестских переговорах, по мнению данного автора, больше напоминали декларации пропагандистского характера. Д. А. Мигун считает, что Л. Троцкий сорвал переговоры с немцами в Бресте, рассчитывая на неспособность Германии выступить против Советской России из-за мощного революционного подъема Германии и Австро-Венгрии [9, с. 30–31, 33]. Большое внимание Д. А. Мигун уделяет белорусской проблематике на переговорах Советской России и Германии. Он подчеркивает, что ни Германия, ни Россия на мирные переговоры не пригласили представителей Беларуси, и интересы белорусов не принимались в расчет ни одной из сторон, хотя в ходе переговоров во многом решалась

судьба Беларуси. Автор отмечает, что одним из положений Брестского мирного договора был раздел Беларуси [9, с. 30, 34].

По мнению Д. А. Мигуна, после заключения Брестского договора слабость власти большевиков вынуждала их искать примирения и идти на уступки в случаях нарушения немцами условий мира. Чтобы нейтрализовать «партию войны» в Германии, советское руководство заинтересовало германские деловые круги перспективами торгово-экономического взаимодействия. Со второй половины 1918 г., считает Д. А. Мигун, советско-германские отношения стали ухудшаться. Немцы перешли к новой антибольшевистской политике, вступив в переговоры с противниками большевиков [9, с. 36, 38–39, 43]. Чтобы противодействовать антисоветским тенденциям в германской политике, Москва пошла на подписание советско-германского Добавочного договора 27 августа 1918 г. Автор отмечает, что большим успехом Москвы при подписании договора было обязательство Германии не вмешиваться в отношения между советским государством и его отдельными областями, а также не поддерживать образование новых государств на окраинах России [9, с. 40, 41]. Д. А. Мигун считает, что после свержения кайзеровского режима советское руководство не просто аннулировало Брестский мир, а выразило готовность начать переговоры с новым правительством Германии по урегулированию отношений между двумя странами, но Германия пошла на разрыв отношений с Советской Россией [9, с. 46].

В статье «Германо-советские отношения после подписания договора в Брест-Литовске» Д. А. Мигун более детально исследовал последствия для Беларуси советско-германских переговоров в Брест-Литовске весной 1918 г. Он повторяет свой тезис об игнорировании белорусов и белорусского вопроса на переговорах. Автор отмечает, что Германия была заинтересована в слабости России и планировала налаживать связи с отклонившимися самостоятельными государствами, особенно Украиной, Финляндией и Кавказским правительством. Исследователь считает, что германское посольство в Москве финансово поддерживало и советское правительство, и белое движение. Советское руководство, в свою очередь, организовало выступления на оккупированных немцами территориях, а также перенесло свою пропагандистскую деятельность на территорию Германии, где содействовало разжиганию революции [10, с. 30–31, 32]. Д. А. Мигун утверждает, что Добавочный договор помог нейтрализовать эволюцию внешней политики Германии в негативном для Советской России направлении [10, с. 34].

В статье «Германо-советские отношения летом 1918 г.» Д. А. Мигун проследил ход германо-советских отношений до и после заключения Брестского мира летом 1918 г., а также охарактеризовал непростое положение Беларуси в этот период. Значение Брестского договора для Беларуси он характеризует следующим образом: «... по итогам подписанного 3 марта 1918 г. мирного договора территория Беларуси была разделена по линии Двинск – Свенцямы – Лида – Пружаны – Берестье. Германия ориентировалась на создание «малой Литвы» с присоединением к этнической территории Литвы части белорусских земель, в том числе Виленщины и Гродненщины. Остальная часть Беларуси рассматривалась правящими кругами Германии как прерогатива Советской России. Земли на юг от Полесской железной дороги по согласию с Центральной украинской Радой передавались УНР. Беларусь не получила ничего на восстановление разрушенного во время войны хозяйства, потому что Германия и Россия взаимно отказались от погашения потерь, причиненных войной населению этих государств». Д. А. Мигун отмечает, что положение Беларуси оставалось сложным даже после провозглашения ССРБ, т.к. еще не вся территория была освобождена от войск Германии [11, с. 181, 182].

В статье В. А. Космача «Переговоры и подписание мирного договора в Брест-Литовске между Советской Россией и Германией в январе – марте 1918 г.» характеризуется ход переговоров и оценивается как «грабительский» по отношению к России Брестский договор. Автор отмечает, что германское руководство хотело направить свои войска вглубь Советской России, чтобы покончить с большевистским режимом, а советское руководство ждало революции в Германии, чтобы избежать заключения мира на тяжелых условиях. По мнению В. А. Космача, немецкое наступление феврале 1918 года показало, что для Советской России нет другого выхода, как заключить мирный договор на германских условиях [12, с. 61, 62].

В статье «Пресса БНР о Советско-германских отношениях 1918–1920 гг.» В. А. Космач отмечает, что в публикациях акцентировалось внимание на теме военного сотрудничества Германии с Советской Россией. Авторы некоторых публикаций в белорусской прессе выражают надежду, что Германия, оккупировав территорию Беларуси, будет считаться с правом белорусов на самоопределение. Но затем в белорусских газетах появились публикации, которые демонстрировали разочарование поведением

немецких оккупационных властей, изгнавших Народный секретариат БНР из занимаемого помещения [13, с. 269–270].

Таким образом, в белорусской советской историографии лишь в трудах Г. М. Трухнова ход советско-германских переговоров в Бресте был подвергнут серьезному исследованию. Сделанные автором выводы были в русле общесоюзной исторической науки. Акцент делался на противопоставление позиций Германии, стремившейся реализовать в Бресте свои империалистические планы, и Советской России, добивавшейся демократического мира.

В постсоветской белорусской историографии историки подходят более многосторонне к изучению германских переговоров в Бресте. Их прежде всего интересует роль белорусского вопроса во время переговоров. Отмечается, что обе стороны, представленные на Брестских переговорах, не считались с суверенными правами белорусского народа. Широко распространено положение, согласно которому Советская Россия вынуждена была идти на уступки Германии, т. к. не могла противостоять ее военной мощи. Отмечается противоречивость политики Германии, которая пыталась поддерживать отношения и с советским российским правительством, и с антибольшевистскими силами.

Список источников и литературы

1. Трухнов, Г. М. Из истории советско-германских отношений (1920–1922 гг.) / Г. М. Трухнов. – Мн.: Изд. БГУ, 1974. – 71 с.

2. Бабков, А. М. Два направления в политике Германии в отношении Беларуси в 1918 г. / А. М. Бабков // Рапалльская политика: истоки, традиции и современность. Тезисы докладов и сообщений участников научного семинара (26–27 мая 1992 г.). – Минск: Изд. МГПИ им. А. М. Горького, 1992. – С. 13–14.

3. Тихомиров, А. В. Брестский мир 1918 г. и Беларусь / А. В. Тихомиров // Белорусский журнал международного права и международных отношений – Минск: Изд. БГУ, 1999. – № 2. – С. 44–57.

4. Тихомиров, А. В. Проблемы белорусско-германских отношений в 1914–1922 гг. / А. В. Тихомиров // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – Минск: Изд. БГУ, 2002. – № 4. – С. 36–44.

5. Трацяк, С. А. Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі /: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. А. Трацяк – Мінск, 2005. – 19 с.

6. Траццяк, С. А. Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі лістапад 1917 – студзень 1919 г. / С. А. Траццяк. – Мінск: Беларуская навука, 2009. – 207 с.
7. Грицкевич, А. П. Борьба за Украину 1917–1921 / А. П. Грицкевич. – Минск: Современная школа, 2011. – 528 с.
8. Мигун, Д. А. Политика Германии в отношении Беларуси (1914–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. А. Мигун. – Минск, 2001. – 20 с.
9. Мигун, Д. А. Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.) / Д. А. Мигун. – Минск: Изд. Центр БГУ, 2013. – 303 с.
10. Мигун, Д. А. Германо-советские отношения после подписания договора в Брест-Литовске / Д. А. Мигун // «Беларусь і суседзі: шляхі, фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны»: зборнік навуковых артыкулаў. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2016. – С. 30–36.
11. Мигун, Д. А. Германо-советские отношения летом 1918 г. / Д. А. Мигун // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сборник научных статей по материалам второй научной конференции / под ред. Р. Гагуа. – Минск, 2017. – С. 180–184.
12. Космач, В. А. Переговоры и подписание мирного договора в Брест-Литовске между Советской Россией и Германией в январе – марте 1918 г. / В. А. Космач // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.): материалы II научно-практической Международной конференции. – Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, 2015. – С. 60–66.
13. Космач, В. А. Пресса БНР о Советско-германских отношениях 1918–1920 гг. (газеты «Белорусская земля», «Беларусь», «Минский курьер») / В. А. Космач // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.): материалы II научно-практической Международной конференции. – Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, 2015. – С. 268–279.

Н. Н. Мезга

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

СОВЕТСКАЯ И ПОЛЬСКАЯ МЕЖВОЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ВОССТАНОВЛЕНИИ НЕЗАВИСИМОСТИ ПОЛЬШИ В 1918 ГОДУ

В статье выявлено содержание советской и польской историографии, предметом изучения которой являлось восстановление независимости Польского государства. Установлено, что историческая наука в Советском государстве и Польше при изучении указанной проблематики находилась под сильным влиянием политического фактора. Это привело к снижению научного уровня исследований. Советские и польские историки в большей степени выполняли политический заказ, чем стремились достичь научной объективности.

Первая мировая война привела к существенным изменениям международно-политической ситуации в Центрально-Восточной Европе. Одним из важнейших элементов стало восстановление независимости Польским государством. Это, безусловно, важное историческое событие вызвало большой интерес историков буквально с того момента, когда оно произошло. В данной статье предпринята попытка на основе сравнительного анализа установить общее и особенное в содержании польской и советской межвоенной историографии по проблеме восстановления независимости Польши после Первой мировой войны. Это событие фактически предопределило другое, также очень важное для народов Центрально-Восточной Европы событие – Польско-советскую войну 1919–1920 гг. Эта взаимосвязь была важным стимулом и для советских историков активно заниматься исследованием процесса восстановления польской независимости.

В советской историографии окончание Первой мировой войны отходило на второй план по сравнению с Октябрьской революцией в России, и именно этому событию отводилась главная роль в воссоздании независимой Польши. Советские исследователи делали акцент на том, что именно Октябрьская революция, благодаря которой к власти в России пришли большевики, открыла путь к возрождению Польши. К. Радек отмечал, что «советское

правительство выдвинуло лозунг независимости Польши с первых дней своего существования» [1, с. 1]. Этот тезис отчетливо звучит далее в исследованиях В. П. Друнина. Он указывал, что уже во время брестских переговоров с Германией советская делегация заявила о признании права поляков на самоопределение [2, с. 180]. По мнению Ю. Мархлевского, Польша была освобождена из-под гнета чужеземного владычества благодаря Октябрьской революции, и именно «русская революция устранила наиболее важные препятствия к освобождению Польши от царизма» [3, с. 3, 4]. Как видим, тезис о решающей роли Октябрьской революции в деле обретения Польшей независимости стал доминировать в советской историографии уже в первые годы ее существования, а фактор международно-политических изменений, вызванных Первой мировой войной, практически не учитывался.

В последующие годы в данную концепцию вносились определенные корректировки. П. В. Суслов, акцентируя внимание прежде всего на роли российской революции в деле достижения польской независимости, отмечал, что Польша получила независимость не только в результате Российской, но и Германской, и Австрийской революций, а также Польша возродилась как необходимая составная часть европейской системы союзов [4, с. 9]. А. Врублевский отмечал роль стран Антанты в создании польского государства, но связывал и их действия с влиянием Октябрьской революции, считая, что они создавали Польшу как барьер против «красной опасности» [5, с. 202].

Несколько по-иному трактуется эта проблема в работе «Фашистская Польша в тупике». Ее авторы делают вывод, что «современное польское государство возникло в результате Первой мировой войны и революции». Но далее, опять же, подчеркивается, что именно победа пролетарской революции в России заставила страны Антанты согласиться на независимость Польши: «Победа Великой пролетарской революции в России и предоставление ею всем народам царской империи права на самоопределение (вплоть до отделения), права на самостоятельное государственное существование, заставили, как центральные державы, так и Антанту пойти на дальнейшие уступки полякам» [6, с. 7–9].

Следовательно, в 1930-е годы, сохраняя акцент на определяющую роль Октябрьской революции в возрождении польского государства, советские историки указывали и на такие факторы, способствовавшие этому процессу, как революции в Германии и Австро-Венгрии и формирование новой системы

международных отношений после Первой мировой войны. При этом сохранялись и исследования, авторы которых связывали обретение Польшей независимости исключительно с победой Октябрьской революции в России. Например, Л. Ломов в этой связи писал: «И как только рабочий класс России взял власть в свои руки, Польша получила возможность для национального самоопределения» [7, с. 5].

После начала Второй мировой войны и вступления на территорию Западной Беларуси и Западной Украины Красной Армии, советская историография стала подчеркивать искусственный характер польского государства, созданного исключительно волей Антанты. А. Манусевич в этой связи писал, что Польша, возникла «не в силу исторических закономерностей, а лишь в результате произвола, насилия, политики, стратегии и экономических соображений победивших в первой мировой войне держав Антанты». Польша, по его мнению, была создана из лоскутков произвольно нарезанных территорий и «не менее произвольно загнанных в ее пределы народов» [8, с. 63].

В польской историографии уже в момент возрождения независимой Польши одним из основных вопросов исторической дискуссии был вопрос о том, наступило ли оно преимущественно благодаря усилиям самого польского общества, или Польша восстановила независимость главным образом благодаря внешней помощи. Первую точку зрения отстаивали историки, близкие к Ю. Пилсудскому, вторую – ориентировавшиеся в политическом плане на национальную демократию.

Польскими авторами второго направления, которое было более влиятельным в первые годы после восстановления независимости, прежде всего отмечалась роль Первой мировой войны в деле возрождения польского государства. Нельзя не согласиться с точкой зрения Р. Дмовского, который писал в этой связи: «Если война 1914–1918 гг. была для всего мира катастрофой, с нашей, польской точки зрения, стала она чем-то превзошедшим границы смелых, наименее реальных мечтаний» [9, s. 113]. В. Студницкий указывал, что независимость Польши пришла как результат внешних обстоятельств, с очень малым участием и малыми жертвами представителей нынешнего поколения [10, s. 6].

Рядом польских исследователей отмечалась и роль революции в России в деле возрождения Польского государства, но она представлялась иначе, чем в работах советских историков. Л. Василевский видел значение Русской революции в том, что она ослабила Россию, наибольшего врага польской независимости, теперь

с Россией можно было не считаться «и все силы направить против других оккупантов». По его словам, Ю. Пилсудский сразу же оценил Русскую революцию как поворотный момент в деле возрождения польского государства [11, s. 148]. Практически ту же мысль повторяет и В. Липиньский. Он писал, что Февральская революция ослабила Россию. Польша на момент появления декларации Временного правительства была уже потеряна для России, и поэтому Временное правительство согласилось признать ее независимость. После этого стояла задача Польшу «вырвать из рук Австро-Венгрии и Германии. Это обусловило изменение политики Пилсудского» [12, s. 118–120]. Г. Свобода (А. Прухник), близкий к ППС, в вопросе возникновения польского государства не поддерживал ни пилсудчиков, ни историков, близких к эндеции. По его мнению, к возрождению польского государства в 1918 г. привели, прежде всего, объективные исторические процессы: развитие самого польского общества и международные перемены в результате Первой мировой войны и произошедших социальных революций [13, s. 15]. Следует признать, что данная концепция, построенная на учете широкого комплекса факторов, способствовавших обретению Польшей независимости, является в наибольшей степени объективной по сравнению с другими, относящимися к тому времени.

В условиях режима «санации» польская историография стремилась всячески подчеркнуть решающую роль самого польского народа в возрождении своего государства. «Санационный» режим предпринимал активные шаги, чтобы усилить самостоятельность своей внешней политики, и исторические концепции, акцентирующие внимание на том, что польский народ прежде всего собственными усилиями возродил независимость своего государства, подвели историческую базу под эти усилия. Видный польский дипломат и публицист Ю. Лукаевич писал в этой связи, что ни одно государство, участвовавшее в Первой мировой войне, «не ставило своей целью создание независимой, а тем более сильной Польши» [14, s. 14]. Отсюда напрашивался вывод, что Польша своим возрождением обязана сама себе.

Некоторые польские историки в 1930-е годы предлагали, на наш взгляд, научно наиболее объективную концепцию восстановления независимости Польши, в основе которой лежало взаимодействие внутренних и внешних обстоятельств. Одним из таких историков являлся А. Верный. Он выделял следующие факторы, которые привели к возрождению польского государства. Первым из них являлась «политическая конъюнктура, которая сложилась в

1914–1919 годах». Другим фактором стало то, что Польша создала политическое руководство, способное «разумно и целенаправленно проводить польскую политику» [15, s. 5]. Среди обстоятельств политической конъюнктуры данным автором отмечается и Русская революция, начавшаяся «в марте 1917 г.». Она «открывала польскому народу путь к независимости, так как в условиях ослабления власти и установившейся в России анархии польский народ получил возможность взять состояние своих дел в свои руки» [15, s. 80].

Как видим, советские и польские историки, обоснованно признавая роль Русской революции в возрождении независимой Польши, видели эту роль по-разному. Для советских историков пришедшие в результате революции к власти большевики в силу провозглашенного ими права народов на самоопределение признали независимость Польши. Польские историки исходили из того, что революция ослабила Россию и дала шанс полякам освободиться из-под ее власти. Большевики вынуждены были смириться с уже свершившимся фактом.

Современная историография, как правило, исходит из того, что возрождению Польского государства содействовала совокупность как внутренних, так и внешних факторов. Например, украинский исследователь О. Парнета среди них на первое место выдвигает распад в результате Первой мировой войны многонациональных империй Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов [16, с. 93]. Близкую точку зрения высказывает Л. Алексиевец, отмечая совпадение субъективных и объективных, международных и внутренних предпосылок возрождения Польши, прежде всего совпадение польских национальных интересов и международной ситуации, сложившейся после Первой мировой войны [5, с. 90]. На наш взгляд, достаточно убедительной выглядит концепция современного польского историка А. Чубинского, по мнению которого «военное поражение государств, участников разделов, произошедшие в них в 1917–1919 гг. революции создали неповторимые условия для возрождения польского государства» [17, s. 3].

Следует признать, что как советская, так и польская историографии межвоенного периода оказались неспособными создать научно обоснованные, учитывающие всю совокупность факторов концепции, которые объективно раскрыли бы содержание процесса восстановления независимости Польши. На наш взгляд, этому препятствовали два основных обстоятельства. Во-первых, крайне ограниченный доступ исследователей к историческим источникам. Во-вторых, государственная историческая политика,

которая требовала от историков не раскрытия объективной сути исторического явления, а обоснования на историческом материале политики правящей элиты в равной степени как в Польше, так и в Советском Союзе.

Список источников и литературы

1. Радек, К. Война польских белогвардейцев против Советской России / К. Радек. – М. : Госиздат, 1920. – 24 с.
2. Друнин, В.П. Польша, Россия и СССР. Исторические очерки / В.П. Друнин. – М. – Л. : Госуд. издат., 1928. – 219 с.
3. Мархлевский, Ю. Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией / Ю. Мархлевский. – М. : Госуд. издат., 1921. – 43 с.
4. Суслов, П.В. Политическое обеспечение советско-польской кампании 1920 года / П.В. Суслов. – М. – Л. : Гос. издат. Отдел воен. лит., 1930. – 174 с.
5. Врублевский, А. Польша / А. Врублевский. – М. : Гос. социально-экономическое издательство, 1936. – 212 с.
6. Фашистская Польша в тупике. – Л. : Ленинградское областное издательство, 1938. – 68 с.
7. Ломов, Л. Польша и ее армия / Л. Ломов. – М. : Гос. воен. издат., 1935. – 64 с.
8. Манусевич, А. Исторические предпосылки краха Польши / А. Манусевич // Исторический журнал. – 1939. – № 11. – С. 58–69.
9. Dmowski, R. *Polityka Polska i odbudowanie Panstwa*. Wydanie drugie / R. Dmowski. – Warszawa : Nakładem księgarni Perzyński, Niklewicz i s-ka, 1926. – 534 s.
10. Studnicki, W. *Z przeżyc i walk* / W. Studnicki. – Warszawa : Drukarnia Wł. Łazarskiego, 1928. – 380 s.
11. Wasilewski, L. *Józef Pilsudski. Jakim Go znałem* / L. Wasilewski. – Warszawa : Wyd. «Roj», 1935. – 235 s.
12. Lipiński, W. *Wielki Marszałek (1867–1835)* / W. Lipiński – Warszawa : Nakład Gebethnera i Wolffa, 1936. – 225 s.
13. Swoboda, H. (Pruchnik, A.) *Pierwsze piętnastolecie Polski niepodległej (1918–1933)* / H. Swoboda. – Warszawa : Wyd. «Rabotnik», 1933. – 436 s.
14. Łukasiewicz, J. *Polska jest mocarstwem* / J. Łukasiewicz. – Warszawa : Nakład Gebethnera i Wolffa, 1938. – 63 s.
15. Werny, A. *Na szlakah dziejowych Romana Dmowskiego* / A. Werny. – Warszawa : Druk. T. Dobrzyńską, 1939. – 136 s.

16. Парнета, О. Польша в міжнародних відносинах Центрально-Східної Європи (1918–1923 pp.) / О. Парнета // Університет. – 2010. – № 3 (35). – С. 92–101.

17. Czubiński, A. Walka Józefa Piłsudskiego o nowy kształt polityczny Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1918–1921 / A. Czubiński. – Toruń : Wyd. Adam Marszałek, 2002. – 444 s.

УДК 930(470)"20":94:327(410:4-11)"1921-1922"

Е. Н. Дубровко

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

**ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА
ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПЕРИОДА СТАНОВЛЕНИЯ
ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

В статье показано, что в современной российской историографии постепенно происходит преодоление сложившихся в советское время традиций интерпретации и оценки восточноевропейской политики Великобритании периода становления Версальско-Вашингтонской системы. При этом основным рассматриваемым аспектом этой политики продолжают оставаться англо-советские отношения.

Первая мировая война, повлекшая масштабные изменения в расстановке сил на международной арене, оказала значительное влияние и на ситуацию в Восточной Европе, где произошёл распад государств, существовавших в довоенное время и активизировались процессы национально-государственного строительства. Подписание мирных договоров с Германией и её союзниками не привело ни к формальному, ни к фактическому урегулированию ситуации в восточноевропейском регионе, так как крупнейшее государство региона, Россия, сепаратно от своих союзников вышедшая из войны, не была в числе их подписантов, а на территории бывшей Российской империи продолжалась гражданская война. Изменение ситуации в Восточной Европе требовало выработки политической линии в отношении этого региона прежде всего от европейских государств, в частности от лидера Антанты –

Великобритании, игравшей одну из ключевых ролей на международной арене после Первой мировой войны.

В советской историографии английской политики обозначенного времени акцент традиционно делался на изучении англо-советских отношений, при этом подчеркивался интервенционистский характер политики Великобритании. В то же время академиком В. Г. Трухановским была заложена прочная и продуктивная традиция анализа внешней политики Великобритании во взаимосвязи с социально-экономическими и внутривластными процессами [1; 2].

Современная российская историография также обращается к анализу восточноевропейской политики Великобритании периода становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. При этом можно отметить как черты преемственности, так и элемент новизны по сравнению с подходами, укрепившимися в советской исторической науке.

Традиционно большое внимание в научной периодике, диссертационных исследованиях и вузовских учебниках уделено политике в отношении Советской России [3; 4; 5; 6; 7]. Вместе с тем, в работах, посвящённых анализу внешней политики Великобритании послевоенного времени, указывается, что для островной державы Европа представлялась прежде всего тылом Британской мировой колониальной империи [8, с. 101]. То есть, её европейская политика была производной от колониальных интересов. При характеристике собственно европейской политики 1920-х годов О. А. Аршинцева, в частности, отмечает, что европейские интересы Великобритании были сконцентрированы вокруг германской проблемы, русского вопроса и европейской безопасности [9, с. 158]. Более того, в отношении Европы к концу Первой мировой войны у Великобритании уже были свои приоритеты. Как справедливо отмечает А. М. Фомин, будущее Центральной Европы и западных областей России интересовало британское руководство в гораздо меньшей степени, чем восстановление Бельгии, эвакуация северной Франции, сохранение захваченных германских колоний, удержание Месопотамии в орбите своего влияния; важно было лишь не допустить там германского доминирования [10, с. 91].

Устойчиво сохраняется в современной российской историографии тезис о влиянии на внешнюю политику Великобритании её экономических интересов [8, с. 104; 3, с. 21; 5, с. 114; 7]. На пример, О. В. Василенкова в своём диссертационном исследовании показывает, что экономический фактор сыграл доминирующую роль в установлении двусторонних англо-советских

отношений [3, с. 21]. Вместе с тем, нельзя не отметить, что современные российские исследователи чаще всего идут по пути выделения как объективных, так и субъективных факторов восточноевропейской политики Великобритании рассматриваемого времени. В частности, в работе Н. К. Капитоновой и Е. В. Романовой указано, что фактором, определившим «отношение» Великобритании к Советской России, было «идейное неприятие большевизма». Наряду с ним выделены: противоречие политики советской власти либеральным ценностям, распространённым в британском обществе, материальные потери «определённых кругов стран Запада», сохранившееся восприятие России как потенциального соперника. В качестве решающего фактора для установления отношений с советским правительством названа его «жизнеспособность». Тут же подчёркивается, что политика английского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа в русском вопросе являлась «реакцией на события, а не следованием заранее разработанному курсу» [7, с. 288, 289]. Акцент на личной роли Д. Ллойд Джорджа можно найти почти во всех современных работах российских историков, в которых анализируется политика Соединённого королевства в годы его премьерства. Так С.В. Демидов указывает, что с приходом к власти Д. Ллойд Джордж взял в свои руки формирование внешнеполитического курса страны [8, с. 102], Д. И. Портнягин допускает, что при принятии внешнеполитических решений «Ллойд Джордж чаще руководствовался интуицией, а не рекомендациями экспертов» [11, с. 164], о «персональной дипломатии» в реализации европейской политики Великобритании в 1916-1922 годах пишет О. А. Аршинцева, акцентируя внимание на психологических качествах Д. Ллойд Джорджа [9, с. 159].

Вслед за наработками советских историков сохраняется в современной российской историографии тезис о наличии разногласий в английском правительстве по вопросу о политике в отношении Советской России. Так О. А. Василенкова пишет о наличии консервативной части, возражающей против любых отношений со страной, «чьи базовые принципы противоречили всем устоям британского общества», и части, «которая более разумно оценивала реальную внутреннюю ситуацию и международную обстановку» [3, с. 21]. С. Н. Ланцев убедительно показал в своём диссертационном исследовании разницу подходов либералов и тори к отношениям с Советской Россией [6]. Здесь же следует отметить, что привлечение более широкого круга зарубежной историографии позволило современным российским исследователям расширить представления

о британской позиции по вопросам послевоенного урегулирования в Восточной Европе. В частности, Д. И. Портнягин пишет о наличии трех основных групп в составе британской делегации в Париже: сторонники традиционной политики баланса сил, т. н. «Новая Европа» и приверженцы колониальной экспансии. Он показывает, что позицию британской делегации по проблеме послевоенного урегулирования в Центральной и Восточной Европе определили идеи сторонников концепции «Новой Европы», которые сводилась к признанию необходимости проведения границ новых государств, возникших на развалинах Австро-Венгрии, как можно ближе к районам этнического размежевания; они же полагали, что значительное увеличение территории Польши за счет немецких территорий только ослабит это государство. Автор отметил, что определенные на Парижской мирной конференции границы были близки к тому, что предлагалось «Новой Европой» [11, с. 168].

Следует отметить, что в современной российской историографии наблюдается несомненное преодоление абсолютизации влияния событий 1917 года в России на внешнюю политику Великобритании. Правда, в отдельных работах устойчиво выделяется (прямо или косвенно) в качестве некой рубежной точки отсчёта в истории политики Великобритании в отношении России (и даже шире – международных отношений) «Октябрьская революция». Так О. В. Василенкова пишет: «Октябрьская революция оказалась переломным событием в ходе не только отечественной и мировой истории, но и истории международных отношений. Сложившаяся к тому моменту система международных отношений была разрушена, Россия оказалась изолированной от всего мира» [3, с. 3] или выделяет период с 1918 года по 1924 год, так как «именно за эти шесть послереволюционных лет стороны прошли путь от противостояния к установлению дипломатических отношений в феврале 1924 года» [3, с. 4]. В подобном же ключе интерпретирует события А. Ю. Прокопов, считающий, что «британская политическая элита хорошо понимала, что одним из главных (если не главным) противоречием наступившей после 1917 г. эпохи являлось противоборство между западными державами и Советской Россией. Сочетание взаимосвязанных задач – укрепить безопасность Соединенного Королевства и покончить или хотя бы ослабить и дискредитировать главную антикапиталистическую силу – предопределило повышенное внимание правых сил Британии к проблеме взаимоотношений с Советской Россией» [5, с. 118]. При этом названные авторы в своих работах нивелируют значение

сепаратных переговоров России с государствами четвертного союза и подписание перемирия и мира в качестве фактора, повлиявшего на перемены в российской политике Великобритании. Несмотря на эти приведённые примеры, в современной российской историографии в качестве рубежа формирования британской внешней политики чаще всего справедливо обозначается Первая мировая война. Так С. В. Демидов, представитель сильной школы англоведов, сложившейся в РГУ имени С. Есенина на кафедре всеобщей истории и международных отношений, отстаивает тезис о том, что Первая мировая война 1914–1918 гг. стала рубежом в формировании английской внешней политики, определившим ее развитие на последующее 20-летие. Эта рубежность, по его мнению, заключается прежде всего в том, что Англия стремилась удержать плоды победы в «Великой войне» и сохранить международный мир [8, с. 100].

Также вслед за советской историографией современные российские исследователи продолжают осмысливать события интервенции. При этом на сегодняшний день единства в оценках этих событий нет. Так в учебном пособии по новейшей истории Великобритании обнаруживается следующий тезис: «Объективно планы интервенции, разработанные Великобританией, были не только направлены непосредственно против большевиков, но и имели далеко идущие геополитические цели. Фактически Лондон намеревался использовать сложное внутреннее положение России, отсутствие там твердой центральной власти для того, чтобы еще более ослабить страну, а при благоприятном для британской политической элиты развитии событий принять участие в расчленении давнего геополитического противника на востоке Европы. Соединенное Королевство явно было заинтересовано в том, чтобы не иметь на востоке Европы сильное государство, с интересами которого пришлось бы считаться» [4, с. 85]. В то же время в фундаментальном учебнике по внешней политике Великобритании признаётся, что, осуществляя интервенцию на территорию России, Великобритания преследовала цели предотвращения усиления Германии, сохранения своих позиций превосходства на море, а также укрепления подступов к своим имперским владениям и зонам своих интересов на Ближнем Востоке и в Центральной Азии [7, с. 264]. Тот же «германский фактор» выделен и в уже упомянутых работах С. Н. Ланцева («Политика интервенции в отношении России рассматривалась как орудие срыва мирного договора между большевистским правительством и Германией» [6, с. 20].) и А. М. Фомина, который показывает, что «в 1918 году территория бывшей союзной державы

рассматривалась Антантой в первую очередь как театр военных действий мировой войны, и именно этой логике союзники следовали, начиная военную интервенцию. После Бреста большевики рассматривались как союзники Германии. Их свержение представлялось лишь условием для достижения иной цели – восстановления Восточного фронта» [10, с. 86]. При осмыслении событий польско-советской войны, с одной стороны, можно найти в учебной вузовской литературе тезис о разносторонней поддержке Великобританией Польши [4, с. 90], а с другой, указание на то, что эта война препятствовала ходу англо-советских переговоров, что Великобритания была вынуждена обратиться к вопросу о собственных действиях в регионе в обстоятельствах угрозы выхода Красной армии за «линию Крезона» [7, с. 294].

И последнее, на что можно обратить внимание, – в ряде работ, прежде всего научных статьях, как известно, отражающих результаты новейших научных исследований, современные российские авторы отказываются от исключительно негативной оценки результатов внешнеполитической активности Великобритании для России в 1920-х годах. В частности, д.и.н. Е. Ю. Сергеев поддерживает мнение о том, что создание и временная стабилизация Версальско-Вашингтонской системы к середине 1920-х гг. были достигнуты главным образом благодаря усилиям Великобритании [12], профессор О. А. Аршинцева также признаёт наличие конструктивных начал британской внешней политики и ее вклад в становление международных институтов современного типа, более того – лидирующую роль Великобритании в экономической и политической стабилизации в Европе в первой половине 1920-х гг. [9, с. 161–162].

Подводя итог, можно отметить, что в современной российской историографии основным аспектом восточноевропейской политики Великобритании периода становления Версальско-Вашингтонской системы, интересующим исследователей, продолжают оставаться англо-советские отношения, при этом расширение доступа к материалам Национального архива Великобритании и зарубежной историографии позволило многим авторам преодолеть традиции осмысления и интерпретации этого сюжета, сложившиеся в советское время.

Список источников и литературы

1. Лемин, И. М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно 1919–1925 / И. М. Лемин. – М. : ОГИЗ, 1947. – 488 с.

2. Трухановский, В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939) / В. Г. Трухановский. – М. : Изд-во Ин-та международных отношений, 1962. – 412 с.
3. Василенкова, О. В. Англо-советские отношения в 1918–1924 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / О. В. Василенкова ; РГУ имени С.А. Есенина. – Владимир, 2007. – 22 с.
4. Остапенко, Г. С. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века / Г.С. Остапенко, А. Ю. Прокопов. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2012. – 472 с.
5. Прокопов, А.Ю. Европейское направление британской внешней политики в 1920-х гг. / А.Ю. Прокопов // Вестник МГИМО-Университета. – № 2 (23). – 2012. – С.112–119.
6. Ланцев, С. Н. Политические дискуссии в Великобритании об англо-русских отношениях в 1914–1920 годах : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / С. Н. Ланцев ; БГУ им. И. Г. Петровского. – Брянск, 2016. – 22 с.
7. Капитонова, Н. К. История внешней политики Великобритании / Н. К. Капитонова, Е. В. Романова. – М. : «Международные отношения», 2016. – 840 с.
8. Демидов, С. В. От Версаля до Локарно: внешняя политика и дипломатия Великобритании (1919-1925) / С. В. Демидов // Российский научный журнал. – № 6 (13). – 2009. – С. 100–110.
9. Аршинцева, О. А. Великобритания и проблема стабилизации Версальского миропорядка в первой половине 1920-х гг. / О. А. Аршинцева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 3. – Т. 2. – С. 157–162.
10. Фомин, А. М. Военно-политические цели Великобритании на завершающем этапе Первой мировой войны / А. М. Фомин // Новая и новейшая история. – 2012. – № 3. – С. 72–91.
11. Портнягин, Д. И. Британская дипломатия на Парижской мирной конференции 1919 г. / Д. И. Портнягин // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2009. – Сер. 6. – Вып. 3. – С. 162–169.
12. Сергеев, Е. Ю. Политика Великобритании в период становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, 1919–1922 гг. / Е. Ю. Сергеев // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений) : материалы междунар. науч. конф., Тамбов, 11–12 ноября 2008 г. – Тамбов, 2009. – С. 47–50.

А. М. Кротов

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

**ПРОБЛЕМЫ ИНТРОДУЦИРОВАНИЯ ПОЛЬСКИХ
БЕЖЕНЦЕВ В БЕЛОРУССКУЮ И ВЕЛИКОРУССКУЮ
ЭТНИЧЕСКУЮ СРЕДУ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Первая мировая война серьёзно обострила польско-русские противоречия и негативно отразилась на белорусско-польских отношениях. В условиях военного времени все интересы жителей Беларуси были сведены к вопросу собственного выживания и польские беженцы, создававшие дополнительные трудности, воспринимались ими зачастую негативно. Безразличие и холодность, которые беженцы встретили с их стороны, несомненно, оставили свой след в польском национальном сознании и повлияли на характер польско-белорусских отношений в последующие годы.

Развязанная летом 1914 г. великими державами Первая мировая война до предела обострила польско-русские противоречия. Трудно было ожидать от поляков, являвшихся подданными Российской империи, патриотического порыва в духе «За Веру, Царя и Отечество», а также готовности жертвовать своими жизнями ради побед русского оружия. Отступление русской армии не могло восприниматься поляками трагически. Скорее даже наоборот...

Уже осенью, в результате германского наступления на восточном фронте, в Беларуси появились первые беженцы с территории Польши. Когда же в первой половине 1915 г. германская армия вновь перешла в наступление и польские земли оказались под угрозой полной оккупации, русские военные власти приняли решение об эвакуации военных и промышленных предприятий, уничтожении посевов и сельскохозяйственных хранилищ, а также о принудительном выселении населения вглубь империи.

Волна беженцев из Польши шла двумя путями: военные на повозках и пешком двигались по шоссе и трактам, ведущим в Беларусь, а жителей городов и местечек власти вывозили железной дорогой на восток, большей частью без какого бы то ни было плана и без точно определённого конечного пункта. Чаще всего оказывалось, что беженцам говорили, что их везут в средние или южные губернии

России, а высаживали с поездов только в восточных губерниях Европейской России, а иногда даже и в Сибири.

Поскольку продуманный план отступления отсутствовал, русским военным властям в стремительно меняющейся стратегической обстановке приходилось в экстренном порядке принимать решения о выселении людей. Германский генерал Макс Гофман писал: «При отступлении русское командование, по-видимому, пыталось подражать практике 1812 г.: оно разрушало не только пути сообщения, но сжигало также города и сёла, и погнало людей и скот на восток вместе с отступающими войсками» [1, с. 79].

Поляки смотрели на происходящее как на постигшую их очередную трагедию. «Goniec Wielkopolski» писал: «Сотни тысяч людей двигались под штыком и кнутом на скитание, нужду и голод, в чужой, совершенно неведомый край» [2].

Чрезвычайно мрачная картина польского беженства в Беларуси представлена в мемуарах М. Я. Белевской [3] и Э. Войниловича [4]. Так, М. Я. Белевская пишет: «Первые (беженцы, – А. К.) были люди, они могли что-то продать, кого-то попросить, кому-то что-то объяснить; вторая же партия, наводнившая все окрестности Могилева, – была безгласна. Их жалобы никто не слышал. И они умирали голодной смертью без криков и проклятий. Это был скот из Польши. По приказу свыше весь польский скот, чтобы не попасть в руки врага, был эвакуирован вглубь России. Предусмотрено было всё, за исключением фуража. Тысячи коров и лошадей падали по дороге... К Могилеву подошло стадо скелетов, обтянутых кожей, издыхающее и наводящее ужас. Был издан приказ распределить скот по усадьбам помещиков и крестьян, но никто не хотел брать больного и заражённого скота. Те, кто из жалости его брали, давали приют на несколько дней, пока измученное животное не издыхало... Тысячи туш разлагались по дорогам, заражая воздух зловонием» [3, с.11].

Как пишет А. М. Бабков, в июне-июле 1915 г. движение беженцев стало крайне беспорядочным: «Многие направляемые полицией беженцы месяцами блуждают на пространстве двух-трёх десятков квадратных вёрст» [5, с.132-133]. Ситуация эта отчасти объяснялась тем, что большинство обозов беженцев двигалось по просёлкам, потому что с главных транспортных дорог, по которым перемещались военные части и грузы, патрули направляли их по объездным грунтовыми путям [6].

Толпы голодных, полураздетых, находящихся в отчаянии людей фактически грабили встречные деревни: совершали массовые

потравы посевов, копали картофель, опустошали огороды и т. д. Они «как саранча, оставляли после себя пустыню» [4].

В местах движения и пребывания беженцев создавалась высокая социальная напряжённость, а также крайне неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая обстановка. Когда, наконец, российское правительство осознало масштаб опасности, исходившей от огромного количества бездомных и голодных людей, были определены основные направления и этапы передвижения беженцев на восток. На путях их следования были развёрнуты пункты по оказанию продовольственной и медицинской помощи.

Однако, несмотря на проводимые правительством мероприятия, с наступлением холодов осенью 1915 г. положение беженцев стало критическим. Газета «Kurjer Poznański» в середине ноября 1915 г. писала: «35 000 польских беглецов блуждает по минским лесам... Вид этих несчастных семей... являет собой жуткий образ: оборванные, лишённые того, что необходимо для жизни, пребывают эти бедняги в наспех построенных шалашах, прячутся в норах, в этом ужасном положении терпя нехватку тёплой одежды. Дети, младенцы страшно болеют. Смерть забирает их сотнями ежедневно» [7].

Э. Войнилович дополнял это скорбное повествование: «Началось распространение инфекций, иногда холеры... которая в некоторых окрестностях унесла много жизней... Часто случалось, что трупы присыпали землей у дороги, или забрасывали мхом в лесу, покидая местному населению заботу о лучшем погребении. Население выполняло эту миссию неохотно и только под давлением властей» [4]. Он также отмечал, что местное население, в связи с отсутствием средств на личные нужды и бандитским поведением беженцев утратило всякое желание помогать им и собирать пожертвования [4].

Более того, как констатировал И. И. Толстой, оно нередко стало проявлять к беженцам враждебность [8, с.678]. В связи с этим на многих второстепенных дорогах выставлялись армейские, казачьи или полицейские дозоры с приказом наблюдать «чтобы беженцы продвигались на восток, не имея возможности останавливаться в проходящих селениях» [6].

Однако после стабилизации линии фронта и мобилизации государственных и общественных сил у части беженцев появилась возможность неплохо устроиться в Беларуси. Прежде всего, это были представители польской элиты. Как утверждал Э. Войнилович: «Имена и город кишели беженцами, которые принадлежали к правящим кругам. Минск стал приобретать черты польского города» [4]. Здесь уже стала проявлять себя новая крайность – правительство

старалось ни в чём не отказывать беженцам и в итоге они стали иметь больше, чем местное население. Получив свой паёк в одном месте, беженцы шли в другое, а затем – третье, завышая при этом число членов своих семей [4]. Толпы функционеров, представляющих многочисленные организации, занимавшиеся делами беженцев, «породили разнузданную бюрократию, которая способствовала исчезновению таких понятий, как самоотверженность и бескорыстный труд» [4].

Что касается адаптации польских беженцев в российской глубинке, происходила она весьма болезненно и для них самих, и для местных жителей. Газета «Dziennik Poznański» в феврале 1916 г. сообщала: «На широких просторах российской державы звучат жалобы на беженцев: «Не хотят работать»... Добрые поначалу отношения между беженцами и местным населением начинают ухудшаться, ширится раздражение и разочарование, российская деревня ворчит, и если в дальнейшем беженцы будут отказываться работать, то... это будет им угрожать народным самосудом» [9].

Польская пресса в то время весьма активно и эмоционально освещала все события, связанные с беженством. На протяжении 1916–1917 годов в польской прессе было опубликовано огромное количество материалов, констатирующих бедственное положение польских беженцев в России. Но в 1918 г. тон изданий стал меняться. Начался процесс восстановления польской государственности, потому было крайне необходимо форсировать работу на идеологическом фронте, мобилизуя общественное мнение и настраивая его против враждебных факторов и, прежде всего, – против русского. Начал создаваться образ врага, базой которого служили крайне негативные эмоции, возникшие в польской народной душе в связи с беженством. Они цементировали этническую солидарность поляков, затронув самую «тонкую струну» в этой душе – тему мученичества. В августе 1918 г. газета «Kraj», например, заявляла: «Ужасной трагедией было беженство польского населения в 1915 г. в Россию. Надо было своими глазами видеть те адские физические и моральные муки, которые испытали беженцы, надо было собственными ушами слышать их плачи и проклятья, надо было самому пережить страшные мученические скитания, чтобы понять, какую жестокую, никогда невозместимую обиду причинили польскому народу те, кто оторвал его от родной земли. Врут... те, кто утверждает, что польский крестьянин оставил родину добровольно, под влиянием каких-то высших моральных или политических факторов.

Врут, ибо наибольший моральный фактор, любовь и привязанность к земле-кормилице, это наиболее развитое в польском крестьянине чувство, приказывало ему, сильнее чем когда бы то ни было, остаться на месте... » [10].

Но не всем польским беженцам довелось оказаться в глубине России, на великорусских землях. Как уже было сказано выше, часть из них, и прежде всего те, кто двигался по дорогам и шоссе вместе с отступающими русскими войсками, оказались на территории Беларуси, где, казалось, могли встретить сочувственное к себе отношение со стороны местного белорусского населения, не выказывавшего к «польскости» и её носителям того холодного отношения, которое проявляли к ним жители великорусских губерний. Казалось бы, можно было рассчитывать и на местный польский элемент. Однако и здесь судьба поворачивалась к беженцам спиной. Газета «Kurjer Poznański» писала: «Ситуация ухудшается с каждым днём. Тысячи проводят свою жизнь в полудиком состоянии, обречёнными на полную гибель, если как можно быстрее не придёт помощь» [7]. Однако откуда эта помощь могла прийти?

На оставшейся под властью российского военного командования территории Беларуси ситуация была очень непростой. В Витебской, Минской и Могилевской губерниях в русскую армию было мобилизовано более половины всех трудоспособных мужчин и в белорусской деревне стала остро ощущаться нехватка рабочих рук. Вместе с беженством и бесконечными реквизициями, инфляцией это вызвало резкое подорожание продуктов питания и товаров первой необходимости. Переживаемые белорусами тяготы военного времени сужали все их интересы к проблеме собственного выживания. Польские беженцы в этой ситуации были, мягко говоря, не совсем к стати.

Можно себе представить, с каким равнодушием и даже холодностью были встречены беженцы из Польши местным населением, которое само нуждалось в сочувствии. Складывающаяся военно-политическая обстановка не благоприятствовала исправлению ситуации.

Таким образом, Первая мировая война до предела обострила польско-русские противоречия. Страдания, которые полякам пришлось пережить, стали ещё одним поводом мечтать об избавлении от российского владычества. Война негативно повлияла и на белорусско-польские отношения. В условиях военного времени все интересы жителей Беларуси были сужены к вопросу собственного выживания и польские беженцы, создававшие дополнительные сложные проблемы, воспринимались ими как какая-то напасть. Безразличие и холодность, которые беженцы встретили с их стороны,

несомненно, оставили свой след в польском национальном сознании и повлияли на характер польско-белорусских отношений в последующие годы. Оказавшись вскоре под ярмом польской оккупации, белорусы смогли в полной мере в этом убедиться.

Список источников и литературы

1. Гофман, М. Записки и дневники, 1914-1918 / М. Гофман. – Л. : Красная газета, 1929. – 264 с.

2. «Inna metoda» // *Goniec Wielkopolski* – 1918. – 3 maja. // *Archiwum Akt Nowych (AAN) – Centralna agencja Polska w Lozannie. Plik 39. Dz.: EW 5b. L.118.*

3. Белевская (Летягина), М. Я. Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилёве, 1915 – 1918 г.: личные воспоминания / М. Я. Белевская (Летягина). – Вильно: М. Ф. Соколов, 1932. – 48 с.

4. Войнилович, Э. Воспоминания [Электронный ресурс] / Э. Войнилович. – Мн.: Издательство Минской римо-католической парафии св. Симона и Елены, 2007. – 380 с. – Режим доступа: http://pawet.net/library/history/bel_history/_memoirs/012/Эдвард_Войнилович_Воспоминания.html. – Дата доступа: 21.07.2018.

5. Бабков, А. М. Беженцы в Белоруссии в годы Первой мировой войны (1915-1916) / А. М. Бабков // *Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы): Тэмы дакладаў і паведамленняў Усебеларускай канферэнцыі гісторыкаў (3–5 лютага 1993 г.). – Мінск, 1994. – Ч. 1 (Гісторыя Беларусі). – С.131–138.*

6. Белявина, В. Н. Беженство в Беларуси в годы Первой Мировой войны [Электронный ресурс] / В. Н. Белявина // *Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2012. – № 3 (19). – Режим доступа: <http://www.hcpncr.com/journ1912/journ1912beliavina.html>. – Дата доступа: 19.07.2018.*

7. *Kurjer Poznański. – 1915. – 10 listopada. // AAN. – Centralna agencja Polska w Lozannie. Plik 38. Dz.: EW 3. L.189.*

8. Толстой, И. И. Дневник: в 2-х т. Т.2. 1906–1916 / Публикация Л. И. Толстой. – СПб.: Фонд регионального развития Санкт-Петербурга; Европейский Дом; Европейский университет в Санкт-Петербурге, 1997. – 729 с.

9. *Nie chcą pracować // Dziennik Poznański – 1916. – 29 lutego. // AAN. – Centralna agencja Polska w Lozannie. Plik 39. Dz.: EW 7. L.275.*

10. *Z dzieów męczeństwa ludu polskiego // Kraj. – 1918. – 11 sierpnia // AAN. – Centralna agencja Polska w Lozannie. Plik 38. Dz.: EW 1. L.51.*

Научное издание

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА:
СОБЫТИЯ И ЛЮДИ**

Сборник научных статей

Подписано в печать 26.10.2018. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 6,28.
Уч.-изд. л. 6,86. Тираж 50 экз. Заказ 722.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.

